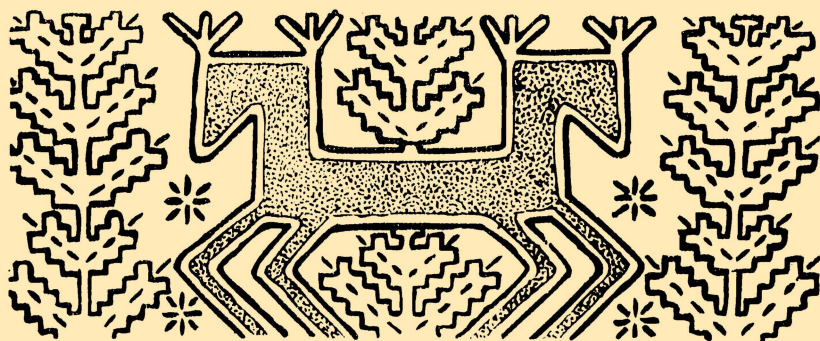

Бубриховские чтения

Петрозаводск
2009

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Бубриховские чтения

Сборник научных статей

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2009

ББК 81.66
Б901

Под редакцией

канд. филол. наук, доцента *Т. И. Старшовой*

Бубриховские чтения: сб. науч. ст. / под ред.
Б901 Т. И. Старшовой. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2009. —
354 с.

ISBN 978-5-8021-1094-2

Данный сборник включает материалы двух конференций: научной конференции «Бубриховские чтения. Вопросы лексикологии и лексикографии прибалтийско-финских языков» (2008 год) и международной научной конференции «Бубриховские чтения. Проблемы перевода и обучения переводам» (2009 год).

В статьях преподавателей, научных сотрудников и аспирантов Петрозаводского государственного университета, Карельской государственной педагогической академии, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Сыктывкарского государственного университета, а также зарубежных авторов рассматриваются вопросы лексики близкородственных языков; способы достижения эквивалентности и адекватности перевода текстов разных жанров; факторы, влияющие на языковые процессы, которые необходимо учитывать при подготовке переводчиков.

ББК 81.66

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями (материалы 2008 года) и РГНФ, проект № 09-04-95203а/Ф (материалы 2009 года)

ISBN 978-5-8021-1094-2

© Петрозаводский государственный университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Научная конференция «Бубриховские чтения. Вопросы лексикологии и лексикографии прибалтийско-финских языков» (2008 год)	5
© <i>Копталева Ю. Э.</i> К 80-летию со дня рождения М. Э. Куусинена	6
© <i>Храмцова О. А.</i> Проблема лексикографического описания финских прецедентных имен	15
© <i>Лудыкова В. М.</i> Согласование в финно-угорских языках	23
© <i>Пунегова Г. В.</i> Особенности консонантной системы в условиях двуязычия	41
© <i>Ковалева С. В.</i> Формирование лексической системы новописьменного карельского языка	56
© <i>Карлова О. Л.</i> Карельская антропонимия	67
© <i>Пашкова Т. В.</i> Девербальные наименования болезней в карельском языке	81
© <i>Богданова Е. Г.</i> Социально-педагогический контекст преподавания и изучения финского языка (уровень общего образования)	87
© <i>Коробейникова С. В.</i> Организация устного вводного курса финского языка в условиях современной начальной школы	100
© <i>Лебедева Н. А.</i> Научно-исследовательская работа студентов по выявлению, систематизации и лингвострановедческому описанию лексики с национально-культурным компонентом семантики	116
Международная научная конференция «Бубриховские чтения. Проблемы перевода и обучения переводам» (2009 год)	133
© <i>Кемппанен Ханну.</i> Корпусный подход к анализу переводческих стратегий доместикации и форенизации	134
© <i>Янис Марья.</i> Перевод с финского языка на русский и наоборот как объект научного исследования	150
© <i>Беликова А. Е.</i> Проблема перевода общественно-политических метафор с финского языка на русский в контексте понятий «форенизация» / «доместикация»	163

© <i>Mäkisalo Jukka</i> . Dubbaus ja tekstitys audiovisuaalisen kääntämisen tutkimuksen kohteena	180
© <i>Коломайнен Л. П.</i> Эквивалентность перевода. Современный взгляд	191
© <i>Старшова Т. И.</i> О переводческих стратегиях в работе с безэквивалентной лексикой	199
© <i>Bogdanov Jevgeni</i> . Av-kääntämisen haasteet nyky-venäjällä ja karjalassa.....	214
© <i>Петрова А. А.</i> Общественно-политическая лексика в печатных финноязычных СМИ Карелии на примере материала газеты «Karjalan sanomat». Общий взгляд на вопрос.....	223
© <i>Ленина А. А.</i> Изучение темы «Актуальное членение предложения» в русском и финском языкознании (по публикациям газеты «Karjalan sanomat»).....	234
© <i>Храмцова О. А.</i> Способы актуализации сильного импликационала прецедентных имен в современном финском языке (переводческий аспект).....	247
© <i>Ковалева С. В.</i> Способы и средства перевода неологизмов в двуязычных словарях	254
© <i>Nissinen Marianne</i> . Äidinkielen vaikutus vieraskieliseen tuotokseen – venäjä–suomi – käännökset esimerkkien valossa	263
© <i>Миронова В. П.</i> К проблеме перевода фольклорного текста на лексико-грамматическом уровне (на материале южнокарельской песни о сватовстве).....	277
© <i>Пеллинен Н. А.</i> О трудностях перевода карельской колыбельной песни на русский язык	286
© <i>Иванова Л. И.</i> Проблемы перевода названий мифологических персонажей в карельских быличках.....	293
© <i>Пулькин М. В.</i> Переводы Евангелия на карельский язык в XIX – начале XX века	309
© <i>Лебедева Н. А.</i> Перевод лексики с национально-культурным компонентом значения в лингвострановедческом словаре.....	326
© <i>Коробейникова С. В.</i> К вопросу о методике преподавания перевода.....	343

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ
ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ»

2008 год

К 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Э. КУУСИНЕНА

М. Э. Куусинен известен как лексикограф, автор востребованных русско-финских и финско-русских словарей, а также как замечательный педагог, лекции которого вспоминают с благодарностью сотни выпускников отделения финского языка историко-филологического факультета (ныне факультет прибалтийско-финской филологии и культуры).

Мартти Эсаевич Куусинен родился 13 октября 1928 года в Ленинграде. В Петрозаводск семья переехала в 1931 году, когда Мартти Эсаевич был в трехлетнем возрасте. Отец, Эса Оттович Куусинен, работал в Петрозаводске редактором Карело-Финского государственного издательства, мать, Тайна Петровна Мустонен, работала учителем в школе, затем – редактором Карельского радиокомитета.

В сентябре 1937 года были арестованы родители Мартти Эсаевича. Мать, Тайна Петровна, была расстреляна уже в феврале 1938 года (как впоследствии выяснилось), была реабилитирована в 1956 году решением Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Отец, Эса Оттович, в 1939 году вернулся домой. Умер он в 1949 году.

В Петрозаводске Мартти Эсаевич пошел в школу и успел закончить до войны 5 классов. Во время Великой Отечественной войны с 1941 года он вместе с бабушкой по матери находился в эвакуации в Башкирии, недалеко от Уфы. Там в селе Кушнареново он окончил восьмой класс средней школы. Из Башкирии они вернулись в Карелию в 1943 году, сначала в пос. Сосновец Беломорского района, а в 1944 г. в Петрозаводск. В 1946 году Мартти

Эсаевич окончил среднюю школу и поступил в Петрозаводский университет (в то время Карело-Финский государственный университет) на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета. В 1948 году Мартти Эсаевич перешел на отделение финно-угорской филологии. Отделение было основано в 1947 году, тогда произвели набор студентов на первый и второй курсы. В годы учебы в университете Мартти Эсаевич работал диктором на Карельском радио. Учился Мартти Эсаевич на одном курсе с будущими известными литературоведами Эйно Генриховичем Карху и Адель Александровной Мантере, заканчивали втроем, это был первый выпуск нового отделения (А. А. Мантере много лет преподавала в Петрозаводском государственном университете, читала лекции по финской и всемирной литературе). Этому курсу посчастливилось слушать лекции выдающегося языковеда, члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха, который в это время работал одновременно в Ленинградском университете заведующим кафедрой финно-угорской филологии, заведующим сектором финно-угорских языков Института языка и мышления АН СССР, в Петрозаводском университете заведующим кафедрой финно-угорских языков. Мартти Эсаевич окончил университет в 1951 году. Согласно диплому ему была присвоена квалификация филолог-финноугровед. В том же году Мартти Эсаевич поступил в аспирантуру Карело-Финского филиала АН СССР, учился в аспирантуре при Тартуском госуниверситете (был прикомандирован к ТГУ), его научным руководителем был известный лингвист, полиглот, впоследствии академик, легенда Тартуского университета Пауль Аристэ. В 1954 году по завершении срока очной аспирантуры М. Э. Куусинен был принят на работу в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР младшим научным сотрудником и в этом же году в

Москве защитил кандидатскую диссертацию на тему «Причастия в финском языке». Главным оппонентом на защите был профессор Василий Иванович Лыткин.

За годы работы в Институте Мартти Эсаевичем были опубликованы статьи по причастиям в финском языке, он принимал также участие в подготовке монографии «Грамматика финского языка. Фонетика и морфология» как соавтор раздела «Имя существительное». Монография вышла в свет в 1958 году в Издательстве АН СССР. Но самая главная работа Мартти Эсаевича в этот период в ИЯЛИ – это подготовка большого русско-финского словаря вместе с Х. И. Лехмус, А. И. Флинкман и В. М. Оллыкайнен. До этого наиболее полный русско-финский словарь Пекки Киянена был издан в 1912 году, и, естественно, задача перед составителями нового словаря стояла сложная и весьма актуальная. Словарь был подготовлен авторским коллективом и опубликован в Москве в 1963 году в Государственном издательстве иностранных и национальных словарей под редакцией М. Э. Куусинена и В. М. Оллыкайнен. В 1972 году словарь был переиздан в Финляндии в издательстве «Werner Södeström», после этого много раз переиздавался и в Москве, и в Финляндии и был очень востребован вплоть до 1997 года, когда вышел новый словарь. В 1962 году Мартти Эсаевич работал в качестве переводчика на VIII Всемирном фестивале молодежи и студентов в Хельсинки.

В сентябре 1963 года М. Э. Куусинен был принят по конкурсу в Петрозаводский государственный университет на должность доцента кафедры финского языка и литературы, где он преподавал до 1977 года. Один учебный год из этого периода Мартти Эсаевич проработал в Финляндии в университете г. Тампере преподавателем русского языка. В Петрозаводском государственном университете Мартти Эсаевич вел много курсов: грамматику финского языка, практические занятия по современному финскому языку, на

старших курсах – историческую фонетику и историческую грамматику финского языка. Без преувеличения можно сказать, что Мартти Эсаевич оставил неизгладимый добрый след в памяти всех выпускников отделения финского языка и литературы, он обладал бесспорным авторитетом и среди студентов, и среди преподавателей. Материал по своим сложным курсам он старался довести до студентов максимально четко, последовательно, логично. Пригодилась, вероятно, работа на радио, Мартти Эсаевич был прекрасным лектором, у него были безукоризненно корректный финский язык, замечательная дикция. Впоследствии его лекции были опубликованы («Очерки истории финского языка» в 2 частях, 1977, 1978). При всей строгости внешнего облика и большой требовательности к себе, к уровню и качеству подготовки лекций М. Э. Куусинен очень доброжелательно относился к студентам (строго, но очень терпеливо и тактично). Его широкие познания в области прибалтийско-финского и финно-угорского языкознания, а также просто добросовестное отношение к работе проявлялись как в процессе занятий, так и во время руководства курсовыми и дипломными работами, а также при написании всегда очень добротных и квалифицированных рецензий на дипломные работы. В течение многих лет Мартти Эсаевич руководил студенческим научным кружком. За годы работы в университете им подготовлено и издано несколько учебных пособий для студентов, кроме уже названного курса лекций, по финскому языку. В это время М. Э. Куусинен принимал также участие в работе международных конгрессов и симпозиумов (1972, 1975).

В октябре 1977 года М. Э. Куусинен вернулся в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, был избран по конкурсу на должность старшего научного сотрудника. Вернулся потому, что назрела необходимость в обновлении «Рус-

ско-финского словаря» 1963 года и встал вопрос об исполнителях. Вначале предполагалась работа редакционного характера, исправление неточностей, включение в корпус словаря новых слов и словосочетаний. Но опыт уже первого года работы показал, что словарь нуждается в больших изменениях и исправлениях, чем ожидалось, что работа предстоит в большей степени составительская, авторская. Наряду с подготовительной работой по новому русско-финскому словарю Мартти Эсаевичем велась работа по второй плановой теме «Учебный финско-русский словарь», которая была включена в план по просьбе Министерства просвещения республики. Этот словарь, рассчитанный, прежде всего, на учеников старших классов и студентов университета, был подготовлен им и вышел из печати в 1981 году (17,44 уч.-изд. л., Петрозаводск, издательство «Карелия»). Позже он переиздавался неоднократно.

Работу над «Новым большим русско-финским словарем» Мартти Эсаевич начинал один, он подготовил «Инструкцию по составлению словаря», пробные статьи и начал составлять словарь. В соответствии с Соглашением о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Академией Финляндии от 15 мая 1980 года (проект № 15) тема стала международной. С финской стороны к работе присоединился университет г. Йёнсуу (исполнитель магистр философии Матти Есканен). С 1982 года над темой стала работать старший научный сотрудник ИЯЛИ В. М. Олыккайнен, с 1983 года – также Ю. Э. Сюръялайнен (Коппалева), автор данной статьи. Очень важным для меня как для начинающего лексикографа было то, что я всегда знала, что с любым вопросом я могу обратиться к Мартти Эсаевичу и всегда получу четкий компетентный ответ. В совместной работе важны были также человеческие качества Мартти Эсаевича, такие как его деликатность, неконфликтность. Результатом многолетнего труда авторского коллектива стал «Большой русско-финский словарь»

(221,7 а. л., 90 тыс. слов и фразеологических оборотов). Он был издан в Финляндии издательством «Werner Södeström» в 1997 году, а затем – в 1998 году в Москве издательством «Русский язык» (в двух томах). По оценкам специалистов, качество подготовки словаря на очень хорошем лексикографическом уровне. И в этом, несомненно, большая заслуга М. Э. Куусинена, т. к. он являлся не только одним из составителей словаря, но руководителем темы и редактором словаря. Такая многолетняя работа требовала не только знания тонкостей финской и русской лексикографии, но также большого упорства, добросовестности, чувства ответственности и любви к своей работе. Всеми этими качествами в полной мере обладал М. Э. Куусинен.

Несмотря на то что в ИЯЛИ у Мартти Эсаевича была напряженная работа, но и университет тоже не мог обойтись без него. Мартти Эсаевич продолжал читать курсы лекций: «Современный финский язык», «Введение в финно-угроведение» и «История финского языка», руководить дипломными и курсовыми работами, оппонировать и т. д.

Также в это время в соавторстве с В. С. Сухановой М. Э. Куусиненым был подготовлен ряд публикаций по лексике в сравнительном ключе – по сопоставительному изучению русских и финских глаголов движения. Затем также в соавторстве с В. С. Сухановой был составлен «Учебный русско-финский словарь глагольного управления» (44 а. л., Москва, издательство «Русский язык», 1988), который позже переиздавался в Петрозаводске (издательство «Карелия», 1996). Словарь являлся и является очень востребованным среди изучающих финский язык, а также среди финнов, изучающих русский язык. Также Мартти Эсаевич принимал активное участие в редактировании и рецензировании научных изданий, неоднократно назначался председателем Госу-

дарственной экзаменационной комиссии в Петрозаводском государственном университете.

Когда закончилась основная составительская работа по «Новому большому русско-финскому словарю» и хотя еще продолжалась подготовка к изданию, Мартти Эсаевича опять пригласили в университет, куда он перешел переводом в конце 1992 года. Таким образом, вся трудовая деятельность М. Э. Куусинена, научная и педагогическая, была связана с двумя учреждениями – ИЯЛИ и ПетрГУ.

М. Э. Куусинен был награжден медалью «За доблестный труд» (1970), Почетными грамотами Совета Министров КАССР (1988), Министерства просвещения (1980) и др.

В 1998 году М. Э. Куусинену было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия».

Мартти Эсаевич Куусинен скончался 30 июля 2001 года в Петрозаводске в возрасте 72 лет.

М. Э. Куусинен был настолько значительной личностью, настолько зримо и востребованы плоды его лексикографической деятельности, что с трудом верится, что его уже семь лет нет с нами. А словарная работа не только по финскому, но и по другим прибалтийско-финским языкам продолжается в Институте языка, литературы и истории, и Мартти Эсаевич является примером и маяком для всех лексикографов. Память о М. Э. Куусинене, о замечательном ученом, талантливом преподавателе и прекрасном человеке, сохраняют его коллеги и ученики.

Библиография работ М. Э. Куусинена

Причастия в финском языке: АДК. Петрозаводск, 1954.

К вопросу об активных причастиях незаконченного действия в финском языке // Тр. Карело-Финского филиала АН СССР. Вып. I. Петрозаводск, 1954. С. 44–59.

Имя существительное // Грамматика финского языка. Фонетика и морфология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 43–91 (в соавт. с З. М. Дубровиной).

Русско-финский словарь / Под ред. М. Э. Куусинена и В. М. Оллыкайнен. 61 тыс. слов. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963 (в соавт. с Х. И. Лехмус, А. И. Флинкман и В. М. Оллыкайнен).

Venäläis-suomalainen suursanakirja / Toim. M. Kuusinen ja V. Ollikainen. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1972 (переиздание «Русско-финского словаря» 1963 г.).

Об анализе состава слова в современном финском языке // Материалы II учебно-методической конференции. Петрозаводск, 1974.

Suomen kielen historiaa. I. Historiallista äänne- ja muoto-oppia. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1977.

Suomen kielen harjoituskokoelma. Äänne- ja muoto-opillisia harjoituksia. Петрозаводск, 1977 (в соавт. с М. И. Муллонен).

Suomen kielen historiaa. II. Kirjakielen historiaa. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1978.

Значения русских глагольных приставок и способы передачи приставочных глаголов в финском языке (на примере приставки *за-* в глаголах движения) // Вопросы финской филологии: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1979. С. 45–65 (в соавт. с В. С. Сухановой).

Глаголы *идти – ходить* и их эквиваленты в финском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 6. Л.: Наука, 1981. С. 26–31 (в соавт. с В. С. Сухановой).

Финско-русский словарь. Петрозаводск: Карелия, 1981.

Учебный русско-финский словарь глагольного управления / Под ред. М. Э. Куусинена. М.: Русский язык, 1988 (в соавт. с В. С. Сухановой).

Русско-финский словарь глагольного управления / Под ред. М. Э. Куусинена. Петрозаводск: Карелия, 1996 (в соавт. с В. С. Сухановой).

Большой русско-финский словарь. Хельсинки: Werner Södeström Osakeyhtiö, 1997 (в соавт. с В. М. Оллыкайнен и Ю. Э. Сюръялайнен).

Новый большой русско-финский словарь: В 2 т. Свыше 90 тыс. слов и фразеологических оборотов. М.: Русский язык, 1998 (в соавт. с В. М. Оллыкайнен и Ю. Э. Сюръялайнен; переиздание словаря 1997 г.).

Редактирование

Карху Э. Г. История литературы Финляндии. Л.: Наука, 1979.

Вопросы финской филологии: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1979 (совместно с М. И. Муллонен и В. С. Сухановой).

**ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ
ФИНСКИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН**

«Kemiläismies on vuoden ajan *Kylli-täti*», «Muyn taloni Helsingistä ja teen *Linkolat*», «Ei Mertarantaa rakkaampaa!», «Köyhän miehen Sarasvuo», «Lindsay Lohan ja Samantha tekivät saarelat!», «*Auervaara* on nykyisin usein nainen» – подобные примеры встречаются в финских дискурсивных практиках различного типа. Их интерпретация, как правило, не вызывает проблем у носителей финского языка в отличие от инофонов, изучающих финский язык как иностранный. Причина непонимания кроется в отсутствии у инофонов необходимых знаний о прецедентных феноменах, указание на которые осуществляется в приведенных высказываниях при помощи специальных вербальных знаков.

Так, интенциональное (коннотативное) употребление прецедентного имени *Kylli-täti* в функции семантического предиката в первом примере основано на имеющемся у носителей финского языка национально детерминированном минимизированном представлении о *Kylli-täti* (Kylli Koski, 1906–1997) как о художнице, ведущей детские телевизионные передачи, в которых она на протяжении 40 лет при помощи «волшебной кисточки» рисовала и рассказывала сказки детской аудитории. В статье под заголовком «*Kemiläismies on vuoden ajan Kylli-täti*» речь идет о 23-летнем художнике из Кеми Olli Hietala, которого дети признали лучшим на фестивале сказочных комиксов в г. Хельсинки. Чтобы получить почетное звание *Kylli-täti*, участники конкурса должны были придумать, рассказать и проиллюстрировать своими рисунками сказку. В самой статье значение прецедентного имени *Kylli-täti* не по-

ясняется, поскольку оно хорошо известно большинству представителей финского лингвокультурного сообщества. Причем настолько хорошо, что помимо перечисленных выше ядерных дифференциальных признаков денотата имени востребованными оказываются и его периферийные признаки (почтенный возраст). Например, в заголовках «*Kylli-täti täyttää 40*» и «*Kylli-täti naimisiin*» речь уже идет не о художнице и телеведущей Kylli Koski, а о поп-звезде Kylie Minogue, 40-летний возраст которой для шоу-бизнеса является столь же солидным, как и 90-летний жизненный путь настоящей *Kylli-täti*.

В примере «*Myyn taloni Helsingistä ja teen Linkolat*» происходит актуализация по принципу импликационных связей ассоциаций и признаков, закрепленных в рамках финской лингвокультуры за precedentным именем *Pentti Linkola*: «Призывает к спасению мира от экологической катастрофы путем радикального уменьшения рождаемости, отказа от цивилизации, переселения в естественные природные условия и возврата к натуральному хозяйству». В данном случае актуализируется область сильного импликационала антропонима *Pentti Linkola*, которую формируют признаки, характеризующие деятельность носителя имени как экофилософа, критика идеи прогресса, инакомыслящего. Апелляция к указанным ядерным компонентам инварианта восприятия precedentного имени *Pentti Linkola* постоянно наблюдается в коммуникации, ср.: «*Ei tässä auta kuin tehdä Linkolat ja painua korpeen asumaan*», «*Olin ihan linkolana, lämmitin puulla ja söin kylmää ruokaa, ihailin pohjoista luontoa*», «*Olen hirmuisen sosiaalinen ihminen – niin että Linkolaksi en rupea!*». К периферийным признакам данного антропонима можно отнести компоненты, не являющиеся частотными с точки зрения их использования: «ест только собственноручно пойманную рыбу», «ненавидит кошек за

то, что они истребляют птиц», «экофашист, призывает уничтожить всех кошек, которые гуляют по Финляндии сами по себе».

Заголовок «*Ei Mertarantaa rakkaampa!*» демонстрирует возможности экстенционального функционирования прецедентного имени *Mertaranta*, указывающего непосредственно на денотат – спортивного комментатора *Antero Mertaranta*, известного своей оригинальной манерой ведения телевизионных трансляций хоккейных матчей. В статье речь идет о планах *Antero Mertaranta* завершить карьеру комментатора, что огорчает его поклонников, не желающих видеть на месте своего кумира кого-либо другого. Прецедентность антропонима способствует также его введению в состав другого прецедентного текста путем замены одного из компонентов (ср.: *Ei laaksoa, ei kukkulaa, ei vettä rantaa rakkaampa*).

При интенциональном (коннотативном) использовании прецедентные имена часто характеризуют личность или явление по одному или нескольким параметрам. Так, в статье под заголовком «*Köyhän miehen Sarasvuo*» речь идет о Petteri Jussila, прославившемся в Финляндии благодаря пиару в различных средствах массовой информации как «*ternimaitokuningas*» (король молозива). Petteri Jussila удалось убедить многих финнов в том, что производство молозива является прибыльным бизнесом и в скором будущем весь мир будет охвачен ажиотажным спросом на этот продукт. Рекламируя свой товар, Petteri Jussila активно использовал технологии и приемы, разработанные известным финским специалистом в области маркетинга, автором концепции «*huomiotalous*» *Jari Sarasvuo*. Поскольку суть метода состояла в продаже обещаний высоких прибылей вместо самих прибылей, молозивный король достаточно быстро потерпел финансовый крах, вскрылись также его налоговые махинации. Король остался голым, а «гуру» *Jari Sarasvuo* продолжает продавать «новую финскую мечту» со-

отечественникам и делать на этом до 50% прибыли в год. *Sarasvuo* хорошо покупают и в печатном виде, чему во многом способствует продуманная рекламная упаковка товара: «*Paketti Jari Sarasvuota – 4 kirjaa, kannattaa katsoa!*»

Прецедентное имя может также актуализировать некую прецедентную ситуацию. В статье, озаглавленной «*Lindsay Lohan ja Samantha tekivät saarelat!*», рассказывается о скандально известной актрисе Lindsay Lohan и ее подруге, которые сделали на руках одинаковые татуировки в форме сердца в ознаменование годовщины своего знакомства. В заголовке содержится намек на режиссера *O. Saarela* и депутата финского парламента *T. Karpela*, также увековечивших свою привязанность друг к другу с помощью тату.

Литературные антропонимы, функционирующие в статусе прецедентных, способны актуализировать различные прецедентные тексты. Достаточно много подобных примеров содержится в словаре Jari Tammi «*Suuri vertailusanakirja*» (2008): *vihastuu kuin Eemelin isä, hautoo kosta kuin Kullervo, iänikainen kuin Väinämöinen, kopea kuin Niskavuoren Heta, kulkee omia polkujaan kuin Nuuskamuikkunen, määrätietoinen kuin Pikku-Myy, orpo kuin Anni Swanin Iris-rukka, vahva kuin Peppi Pitkätossu, tippuu kuin Hannulta ja Kertulta leivänmuruset, sopii kuin Rokka sotaan* и т. д.

Словарь Jari Tammi «*Suuri vertailusanakirja*» (2008) можно рассматривать как один из источников, в которых эксплицируется состав прецедентных имен современного финского дискурса. Он включает в себя сравнительные конструкции с прецедентными антропонимами – именами и фамилиями исторических личностей, деятелей культуры, науки и искусства, политиков, представителей шоу-бизнеса, спортсменов и т. д. Например: *ajaa kuin Timo Mäkinen* (*Timo Mäkinen* – финский гонщик, первым удостоившийся в мире неофициального звания «The Flying Finn»), *elementissään kuin Kiira Korpi jäällä* (*Kiira Korpi* – знаменитая финская фигури-

стка), *ennustaa kuin Pekka Pouta* (Pekka Pouta – метеоролог, ведущий теленовостей), *taikoo kuin Iiro Seppänen* (Iiro Seppänen – знаменитый финский фокусник), *vanha kuin Arvo Ylppö* (Arvo Ylppö – детский врач и архиатр), *hakkaa kuin Matti Nykänen* (Matti Nykänen – финский прыгун с трамплина, олимпийский чемпион, *Mervi Nykänen* – его жена). К области прецедентных имен собственных с денотатами из виртуального пространства относятся библейские онимы, мифонины, имена сказочных персонажей, антропонимы из мира литературы и кино. Например: *epäilee kuin Tuomas*, *hiukset sekaisin kuin Röllillä*, *vihreä kuin Kössi Kenguru*, *muisti kuin Turhapurolla*. Всего словарь Jari Tammi «Suuri vertailusanakirja» включает около 2500 сравнительных конструкций, в которых в качестве объекта сравнения используется прецедентное имя. Из них около 1000 содержат прецедентные антропонимы финского происхождения. Предварительный анализ показывает, что не все из них принадлежат уровню национальной прецедентности. Некоторые имена входят в индивидуальное когнитивное пространство составителей словаря, в качестве которых выступали участники масштабного Интернет-опроса, организованного Jari Tammi. В связи с вышесказанным предметом отдельного рассмотрения может стать проблема выявления и отбора прецедентных имен, относящихся к ядерной части когнитивной базы финского лингвокультурного сообщества, т. е. известных любому среднему представителю этого сообщества.

Лексикографическому описанию подлежат в первую очередь те прецедентные имена, которые актуализируют определенное национально детерминированное минимизированное представление о денотате имени, отражают шкалу ценностных ориентаций лингвокультурного сообщества, соответствующим образом детерминируют модель социального поведения его представителей.

Прецедентные имена, удовлетворяющие этим требованиям, могут быть представлены в словаре прецедентных феноменов.

На сегодняшний день образцы лексикографического описания прецедентных имен разработаны и представлены только в одной работе, а именно в лингвокультурологическом словаре «Русское культурное пространство» (2004). Составители стремились отразить в словарной статье реальное бытование включенных в него феноменов и особенности их актуализации в живой речи носителей русского языка. Далее мы предпринимаем попытку применить алгоритм лексикографического описания прецедентных феноменов, разработанный одним из авторов словаря Д. Б. Гудковым, к материалу, предъявляемому в газетно-информационном и сетевом дискурсе на прецедентное имя *Auervaara*.

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ (ПИ): *Auervaara*

I. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДЕНОТАТЕ ПИ:

Auervaara, Ruben Oskar (1906–1964) – профессиональный мошенник, прославившийся в начале 50-х гг. XX века тем, что соблазнял и обворовывал богатых женщин. Потенциальных жертв находил по газетным объявлениям, при знакомстве представлялся летчиком или дипломированным магистром. Был осужден по 20 преступным эпизодам в ходе громких судебных разбирательств, отбывал наказание в тюрьме. Его «подвиги» вдохновили писателя Мика Валтари на создание пьесы «Gabriel, tule takaisin».

II. ОПИСАНИЕ НДМП, С КОТОРЫМ СВЯЗАНО ПИ:

Мошенник, авантюрист. Соблазнял и обманывал женщин, обещая на них жениться. «Одалживал» у жертв крупные суммы на обустройство «семейного гнездышка» и исчезал из поля зрения.

III. ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ В РЕЧИ НДМП, С КОТОРЫМ СВЯЗАНО ПИ:

Употребляется для характеристики того или иного лица как:

– мошенника, зарабатывающего на обмане богатых женщин

(1. Keskisuomalainen, 29.4.2008 «*Oikeus ei niellyt naisen väitteitä Auervaara-poliisista*»: *Keskisuomalaisen naisen väitteet joutumisesta paikallisen poliisimiehen Auervaara-tyyppisten huijausten uhriksi eivät menneet läpi Jyväskylän käräjäoikeudessa*). 2. Taloussanomat, 29.7.2002 «*Auervaara on nykyisin usein nainen*»: *Tietoverkoissa aukeavilla tyttöystävien ja nettiystävien välityssivuilla naispuoliset auervaarat vokottelevat aikamiespoikien pennosia minkä ehtivät*. 3. Iltta-Sanomat, 16.5.2008 «*Auervaara iski jälleen!*»: *Iltiksessä oli aika hurja juttu 35-vuotiaasta auervaarasta, joka on vuosia elättänyt itsensä naisia huijaamalla. Hän esiintyi tekaistuilla nimillä ja kehitti ammateikseen mm. rekka- ja ambulanssikuskia, jotta pystyi olemaan yöt poissa toisten naisten matkassa*).

IV. ПРИМЕРЫ ТРАНСПОЗИЦИИ ПИ:

Helsingin Sanomat, 22.4.2007: *Ei se olisi auervaarailun syy jos ikäneidot lankeaisivat tyhjiin lupauksiin. Mitäs menivät tyhjiä uskomaan. Auervaarailuun langenneen on parempi niellä hölmöytensä sillä nurkan takana on jo seuraava hurmuri odottamassa vuoronaan*.

В дальнейшем возникает необходимость оценки такого рода описания с точки зрения актуализации в нем национально детерминированного минимизированного представления носителей финского языка о денотате прецедентного антропонима. Одним из возможных способов определения его эффективности является, на наш взгляд, предъявление пользователю словаря прецедентных аналогов в родном языке, сопоставимых по отдельным дифференциальным признакам с иноязычным феноменом. Например: Финский Казанова? Финский Озеров? Финский Мавроди? Финский Жириновский? Финская Валентина Леонтьева (тетя Валя)? и т. д.

Список литературы

Гудков Д. Б. К вопросу о словаре прецедентных феноменов // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2004.

Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь: зооморфные образы, прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания. Вып. 1 / И. С. Брилева и др.; Под ред. И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова. М., 2004.

Tammi Jari. Suuri vertailusanakirja. Helsinki, 2008.

СОГЛАСОВАНИЕ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

В синтаксисе современных финно-угорских языков имеются генетически и типологически общие, а также и отличительные черты, которые появились в результате самостоятельного развития этих языков или под иноязычным влиянием.

Достаточно пеструю картину в финно-угорских языках представляют виды подчинительной связи атрибутивных конструкций. Для одних из этих языков характерно примыкание, в других типичным является согласование, в третьих отмечается и примыкание, и согласование.

Известно, что согласование получило развитие в прибалтийско-финских языках. В них атрибутивное прилагательное изменяется и согласуется со стержневым словом в падеже и числе, например в финском: *pieni talo* «маленький дом», *pienet talot* «маленькие дома», *pienessa talossa* «в маленьком доме», *pienesta talosta* «из маленького дома» и т. п., в карельском языке: *taloissa oli leviet orret* «в домах были широкие воронцы», *uuhha keitetiä verekšeštä kalašta* «уху варили из свежей рыбы», *kova mua* «твердая земля», *kovassa muašša* «в твердой земле» и т. п. (Федотова, 1990, 35; Рягоев, 1993, 74). Федотова отмечает, что в редких случаях связь атрибутивного прилагательного с субстантивным словом выражается способом примыкания, но группа таких неизменяемых адъективов в современном языке малочисленна, и их можно перечислить, к ним относятся: *aika* (*aiga*, *aig*) «изрядный», *ala* «нижний», *eri* «разный, различный, особый», *melko* «порядочный», *toši* (*toži*) «действительный, правдивый, настоящий», *pikku* «маленький», *taka* (*taga*) «задний», *viime* «последний, прошлый», *ülä*

«верхний» и, возможно, некоторые другие: *mie olin pikku tüttö* «я была маленькая девочка», *hiän eččiü pikku lintuo* «он ищет маленькую птичку» и т. п. (Федотова, 1990, 35). Ею не приводятся какие-либо закономерности относительно примыкания прилагательных, но из 9 приведенных примеров 5 являются параметрическими, выражают признак по размеру и пространственным отношениям. Вероятно, примыкание некоторых прилагательных в карельском языке следует относить к остаточным явлениям древнего синтаксиса.

В эстонском языке «склоняемое определение согласуется с опорным словом в падеже и числе: *selles tubbis viiendas klassis* «и в этом славном пятом классе» (ЭЯ, 1993, 129).

Имена прилагательные склоняются, выступая в роли определения, согласуются с определяемым в падеже и числе и в других прибалтийско-финских языках – в ижорском, водском, ливском, вепском (Лаанест, 1966, 107; Адлер, 1966, 124; Вяри, 1966, 142–143; Хямяляйнен, 1966, 86; Вийтсо, 1993, 88).

Считается, что согласование определения с определяемым словом позднее явление и оно возникло под влиянием балтийских и германских языков, в которых есть согласование атрибута со стержневым компонентом. Б. М. Клаас замечает: «Согласование прилагательного-определения с основным словом является признаком, который объединяет прибалтийско-финские языки с индоевропейскими языками и отличает их от восточной группы финно-угорских языков. То, что согласование прилагательного-определения с основным словом развилось в языках, которые были в тесных контактах с балтийскими, позволяет здесь видеть балтийское влияние» (Клаас, 1988, 10).

Иного мнения придерживается А. Лаанест, который предполагает, что истоки этого согласования находятся в самих финно-угорских языках. Он пишет: «В некоторых саамских диалектах

местоимения и числительные согласуются с существительными. По мнению П. Равила, эта частичная в саамском языке и полная в прибалтийско-финских языках конгруэнция имеет один источник происхождения, и согласование берет начало из случаев, где местоимение по существу имеет значение основного слова, а следующее за ним существительное – аппозиции» (Лаанест, 1975, 111–112).

Представляется, что точка зрения А. Лаанеста не лишена оснований, т. к. согласование в разной степени проявляется и в других родственных языках, а согласование местоимения с существительным выявляется и в вымском диалекте коми языка.

Согласование как вид подчинительной связи отсутствует в обско-угорских языках, в которых зависимые компоненты определительного словосочетания соединяются с главным словом без формального показателя: хант. *p̄iti m̄iw* «черная земля», *tinəŋ χ̄ülət* «дорогие рыбы» (Гуя, 1976, 286, 312; Ромбандеева, 1973, 82; Хонти, 1995, 15–16; Лыскова, 1988, 15; 1990, 48; 1996, 55).

Прилагательное-атрибут примыкает, а не согласуется в венгерском языке: *nagy város-ban* «в большом городе», *három város-ban* «в трех городах», *magas házak* «высокие дома», *magas házban* «в высоком доме», *magas házakban* «в высоких домах» (Майтинская, 1960, 201; 1993, 260, 274).

Примыкание типично для атрибутивных словосочетаний марийского и мордовского языков: мар. *Шошым, пушенгылаште ужар лышташшар* – лымек, *куп ылыжеш* «Весной, когда распустятся зеленые листья, болото оживает» (Коведяева, 1976, 90–91; 1966, 245; Соколова, 2001, 7); морд. *поки мастор* «великая страна», *поки масторонть* «великой страны», *равжа туця / раужо пель* «черная туча», *равжа туцят / раужо пельтень* «черные тучи» – *равжа туця тненди / раужо пельтень* «к черным тучам» (Тара-

сов, 1940, 28; Феоктистов, 1966, 183, 194, 206; 1975, 335; Коляденков, 1959, 159–161).

При помощи примыкания осуществляется связь адъективно-го определения с определяемым и в коми языке, в котором оно занимает препозитивное положение по отношению к стержневому слову и никак не изменяется: *мича ныв* «красивая девушка», *мича нывъяслы* «красивым девушкам».

Лишь в северо-западном удорском диалекте коми языка отмечаются случаи согласования определения с определяемым (а) по линии притяжательности, (б) в падеже: (а) *Любейӧ мамӧ шуліс* «Милая (моя) мама (моя) говорила»; (б) *бурӧ мортӧ воис* «стал хорошим человеком (букв. в хорошего человека пришел)» (Сорвачева, 1952, 42; 1961, 488). Б. А. Серебренников считает, что согласование является результатом влияния русского языка. Однако согласование по притяжательности не могло появиться под влиянием русского языка, т. к. в нем нет соответствующей грамматической категории. Нет согласования определения в других диалектах, также имевших интенсивные контакты с русским языком. По мнению Р. Бартенс, на развитие согласования в удорском диалекте оказали влияние прибалтийско-финские языки. Возможно, выдвинутая гипотеза Р. Бартенс заслуживает внимания, т. к. именно носители северо-западных (удорского, вымского, нижневычегодского) диалектов имели контакты с прибалтийско-финскими народами. В этих диалектах насчитывается большое количество лексических заимствований из прибалтийско-финских языков. Кроме того, специфическое согласование определения нам удалось обнаружить в вымском диалекте. В нем наблюдается согласование в падеже определения, выраженного указательным местоимением: *талы нуыслы сё во* «этому дереву сто лет», *талӧн карандашыслӧн рӧмыс гӧрд* «цвет этого карандаша красный» и т. п.

Любопытно, что согласование местоимения с существительным имеется и в некоторых диалектах саамского языка (Лаанест, 1975, 112).

Исследования показывают, что, несмотря на отсутствие грамматического согласования, отдельные дескриптивные прилагательные в позиции определения с определяемым в числе согласуются семантически. Прилагательное выражает информацию о числе предметов, лиц, названных в стержневом слове без оформления формантами множественности. В атрибутивных сочетаниях общей является сема числа. «Семантическое согласование лежит в основе скрытых категорий, которые не имеют морфологического выражения, но проявляются в сочетаемости слов» (Гак, 1986, 13). В коми языке выявляется определенная закономерность употребления параметрических прилагательных *ичёт*, *дзоля* «маленький», *неыджыд* «небольшой», *посни* «мелкий», *ыджыд* «большой», *гырысь* «крупный». Они оказываются различителями числа без какой-либо маркировки. Параметрические прилагательные *ыджыд* «большой», *ичёт*, *дзоля* «маленький», *неыджыд* «небольшой» сочетаются с конкретными существительными, обозначающими единичный предмет, или с абстрактными субстантивными словами единственного числа: *ичёттик ю* «небольшая речка», *ичёт нывка* «маленькая девочка».

Прилагательные *ыджыд* в значении «старший», *ичёт* в значении «младший», выражающие возраст лица, живого существа, также употребляются в сочетании с существительными, обозначающими лицо / живое существо, в единственном числе: *ичёт чой* «младшая (букв. маленькая) сестра», *ыджыд чой* «старшая (букв. большая) сестра» и т. п.

Адъективы *гырысь* «крупный», *посни* «мелкий» функционируют (а) с собирательными существительными, обозначающими

совокупность однородных лиц, живых существ, предметов, коллективное единство, множество лиц, например: *челядь* «дети», *пиян* «сыновья», *начальство* «начальство», *скот* «скот» и т. п.: *посни челядь* «маленькие дети», *гырысь челядь* «большие (букв. крупный) дети».

Эти прилагательные употребляются с существительными, обозначающими совокупность однородных предметов как неделимого целого, предмет, состоящий из множества однородных предметов: *посни рас* «мелкая роща», *посни товaр* «мелкий товар», *посни да гырысь шыпасъяс* «мелкие и крупные буквы», а также с вещественными существительными, обозначающими однородную массу по составу, веществу, которое поддается измерению и делению на части, но не поддается счету: *посни зэр* «мелкий дождь», *посни из* «мелкие (букв. мелкий) камни», *гырысь гы* «крупные волны (букв. крупная волна)» и т. д.

Следует отметить, что в коми языке прилагательное способно изменяться в функции предикативного определения. В этой синтаксической роли оно принимает показатель множественности *-ёсь*, маркер аккузатива *-ёс*, т. е. согласуется в падеже: *сійö удждон босьтис ичётёс* «он зарплату получил маленькую», *меным костюм выльёс кёсийс сетны* «мне костюм обещал дать новый» и т. д.

Согласование предикативного определения группы прямого дополнения возможно в числе и падеже, в этом случае дополнение принимает формант множественности *-яс*, а не *-ёсь*: *Кольяссö Ёгор чукёртöма мичаясёс* «Шишки Егор собрал красивые».

Развитие особых членов предложения связано с развитием самого языка, потребностью языка развивать новые способы выражения различных отношений между предметом и признаком, предметом и действием, новые, более точные и гибкие, способы раскрытия коммуникативных задач. Реализация прилагательного в

роли определения свидетельствует о потенциальных возможностях коми прилагательного.

Коми прилагательное изменяется и в функции обособленного определения. Его связь с определяемым словом осуществляется при помощи согласования. Прежде всего, оно согласуется в числе: *Кымӧръяс, посныдикӧсь да сераӧсь, котӧртисны енэжсти* «Облака, легкие и узорчатые, бежали по небу».

Обособленные определения, относящиеся к подлежащему, оформленному определенно-притяжательным суффиксом, также маркируются им. В этом случае имеем дело с согласованием по линии притяжательности: *Локтис (вӧв) первойяйд, гӧрдыд* «Пришел (конь) первый (тот), рыжий (тот)».

Прилагательное в функции обособленного определения способно к маркировке падежными показателями, т. е. согласуется с определяемым в падеже. Наиболее часто наблюдается согласование в форме аккузатива: *Неважӧн чолӧмавліс сійӧс, мусаӧс, донаӧс* «Еще недавно поздравлял ее, милую, дорогую».

Обособленное прилагательное способно принимать формы других косвенных падежей – датива, генетива, инструменталю, комитатива: *Тадзи сибдӧма дзонь народлы, кӧть и ичӧтиклы, «чукчи» ним* Так и пристало целому народу, хотя и маленькому, название “чукча”; *Аршын юрын, кӧнкӧ, не этша мӧвп чужтис кык капитанлӧн – выльлӧн да важлӧн – тайӧ зурасьӧмыс* «В голове Аршына, наверно, тоже немало догадок родилось по поводу стычки двух капитанов, нового и старого».

Согласование адъективного определения при обособлении возможно в формах некоторых местных падежей: элатива, иллатива, инессива: (...) *быттӧ пышйӧ кодыськӧ, зэв страшнӧйысь, а кокъяс оз нуны* «...как будто убегает от кого-то, очень страшного, а ноги не несут»; *Вӧзйыліс мӧд вежӧсӧ вуджны, кум мортаӧ*

«Предлагал (он) в другую комнату перейти, в трехместную»; *Мод керкаын сійö тöвийö, енколаыс кодь ёсь вевтаын да сыысь абу вывти ыджыдын* «В другой избе он зимует, с острой крышей, как у церкви, и ненамного большей ее».

При обособлении согласование может быть в числе и падеже, но при этом прилагательное принимает показатель множественности **-яс**, а не **-ёсь**, как при согласовании в роли предикативного определения: *Стрöитасны выль керкаяс, югыдьясöс, гажаясöс, каменнёясöс* «Построят новые дома, светлые, красивые, каменные».

В функции обособленного определения прилагательное согласуется и в венгерском, и в других финно-угорских языках; для которых типичным является примыкание.

Однако следует заметить, что согласование предикативного и обособленного определения представляет собой уже другой уровень синтаксической связи – уровень предложения.

Относительно подчинительной связи в атрибутивных сочетаниях интерес представляет коми-пермяцкий язык. С одной стороны, для него характерным является примыкание: *наськыд шорок* «широкий ручей», *наськыд шороккез* «широкие ручьи»; с другой стороны, в настоящее время развивается иной вид подчинительной связи – согласование. Согласование наблюдается (а) в числе, (б) в падеже, причем определение согласуется с определяемым и в позиции: (а) *...лыддьöтiмö вильёсь стих-мод* «...прочитали пару новых стихов»; *Вундö, вартö колхознойёсь сюэз* «Жнет, молотит колхозную рожь»; (б) *Вильö керку лэбтiс Петра* «Новый дом построил Пётр» (Цыпанов, 1999, 81, 84).

Согласование определения с определяемым – новое явление в синтаксической структуре коми-пермяцкого языка, получившее интенсивное развитие в последние десятилетия. Оно отсутствовало в XIX в. Н. Рогов в своей грамматике 1860 г. отмечал: «Все

имена прилагательные, будучи употреблены вместе с существительными, не склоняются; тогда склоняются только имена существительные: *бур морт* «добрый человек», *бур мортвö* «доброму человеку» (Рогов, 1860, 26). Согласование как вид подчинительной связи не отмечается и в грамматике И. И. Майшева (Майшев, 1940, 44).

Большой интерес в отношении согласования – несогласования определения представляет удмуртский язык, в котором атрибутивное прилагательное, как правило, также примыкает к существительному, не имеет специальных показателей синтаксической связи: *выль корка* «новый дом», *выль коркалы* «новому дому», *выль коркаен* «новым домом» и т. п. (ГСУЯ, 1970, 158; Захаров, 1973, 106; Тепляшина, 1966, 266; Кельмаков, 1990, 151).

Но в настоящее время удмуртское прилагательное в роли определения в некоторых случаях может принимать маркер множественности *-эсь* и падежный показатель, т. е. с субстантивным словом согласуется в числе и падеже: *паськытэсь урамъёс* «широкие улицы», *вылез корка* «тот новый дом», *вылезлы коркалы* «тому новому дому» (ГСУЯ, 1970, 158).

В удмуртоведении на сегодняшний день нет единого мнения относительно согласования в атрибутивных сочетаниях.

По утверждению П. Н. Перевощикова, с определяемыми именами могут согласовываться только прилагательные с выделительными суффиксами *-ез (-эз)*, *-ыс*: *вылез книга* «новая книга», *выльзэ книгазэ* «новую книгу», *вылезлы книгагы* «новой книге» (ГСУЯ, 1962, 128; Перевощиков, 1956, 1306), для обозначения согласования во множественном числе к прилагательному присоединяется суффикс *-эсь (-есь)*: *черткемесь пинальёс* «резвые ребята», *секытэсь коръёс* «тяжелые бревна» (ГСУЯ, 1962, 128).

Близкой является и точка зрения некоторых других исследователей удмуртского языка – Т. И. Тепляшиной, Т. Г. Гавриловой, Г. А. Трониной, В. Н. Захарова (Тепляшина, 1966, 266; Гаврилова, 1970, 113; Захаров, 1973, 107; Тронина, 1986, 123–124).

Г. А. Ушаков, выделяя согласование, акцентирует внимание на значении определенности: *кузь сюресьёс* «длинные дороги», но *кузьёсыс сюресьёс* «именно длинные дороги». По его мнению, употребление прилагательных с суффиксами *-ез* (*-ээ*), *-ыз* тесно связано со смыслом высказывания. Адъективы же с этими маркерами облигаторно согласуются в числе и падеже. Такое согласование он считает полным, а согласование только в числе, но не в падеже – неполным (*кузьсь сюресьёстй* «по длинным дорогам» (Ушаков, 1982, 68–69; 1984, 16)).

По утверждению М. К. Каракуловой и Б. А. Каракулова, употребление атрибутивных прилагательных в форме множественного числа является ограниченным, нетипичным и нехарактерным для удмуртского языка. По их мнению, суффикс множественности возможно присоединить практически ко всем прилагательным, но носителями языка он не используется (Каракулова, 1995, 329–330; Каракулова, Каракулов, 2000, 42).

В употреблении адъективных определений в форме множественного числа при определяемых словах во множественном числе они видят явное влияние русского языка (Каракулова, 1995, 329; Каракулова, Каракулов, 2000, 42).

На основании специального анализа подчинительной связи в атрибутивных конструкциях к интересным и заслуживающим внимания выводам пришел Д. А. Ефремов (Ефремов, 2002, 182, 192; 2003, 45–48). Он считает, что: 1) основным средством связи определения с определяемым в удмуртском языке является примыкание, при котором, в частности, препозитивное прилагательное не согласуется с соотносительным словом в числе; 2) атрибу-

тивное прилагательное может согласовываться с определяемым словом в числе, только лишь, сочетаясь с суффиксами *-есь / -эсь, -ыз*, при этом они (суффиксы) имеют дейктический элемент; происходит логическое выделение признака прилагательного, маркированного суффиксом *-есь, -эсь*; прилагательные с суффиксом *-ыз* не только согласуются с главным компонентом в числе и падеже, но, главным образом, выполняют указательную функцию, при этом подчеркивая и выделяя данный признак определяемого слова из среды однородных; 3) прилагательное, оформленное суффиксами *-эз / -ез, -ыз*, согласуется с определяемым и в числе, и в падеже, но оно в большинстве случаев выступает без какого-либо определяемого слова, которое восстанавливается из контекста или лишь предполагается. Д. А. Ефремов указывает на то, что большинство случаев обязательного согласования прилагательного отмечается при эллипсисе определяемого слова (64,7%) и лишь в 35,3% случаев полное согласование прилагательного бывает в сочетании с определяемым словом.

Д. А. Ефремов также выделяет согласование адъективных слов в предикативной функции, маркируясь суффиксами *-эсь / -есь*. Однако в последнем случае представлен совершенно другой синтаксический уровень – уровень предложения. Координацию главных членов, по нашему мнению, необходимо отличать от подчинительной связи на уровне словосочетания.

Следует отметить, что случаи согласования определения с определяемым словом наблюдаются и в **марийском**, и в **мордовских** языках, для которых типичным видом подчинительной связи является примыкание.

По утверждению Г. А. Соколовой, «случаи препозитивного согласования наблюдаются в поэтической речи, что связано, по-видимому, с авторским восприятием языка» (Соколова, 2001,

8). Представляется, что в поэтической речи использование согласованных форм, скорее, связано с созданием определенного ритма и рифма, чем с «авторским восприятием языка».

Исследователи отмечают, что в мордовских языках атрибутивное прилагательное в редких случаях может принимать показатель множественного числа, таким образом, оно согласуется в числе. Такие примеры наблюдаются в поэтических и фольклорных текстах.

А. П. Феоктистов подчеркивает, что в мордовских языках согласуются также (т. е. кроме подлежащего и сказуемого) постпозитивные определения с определяемым в числе: *паксясто цецят мазыйть кандынек* «с поля принести красивые цветы (букв. цветы красивые)»; *пек ламо вестнесь даволт кежейть* «очень много встречал он злых бурь (букв. бурь злых)» (Феоктистов, 1966, 194). Однако в этом случае, судя по примерам, имеем дело с согласованием в числе предикативного определения группы прямого объекта. В позиции такого определения прилагательное согласуется во многих языках.

По мнению К. Е. Майтинской, согласование с определяемым словом в этих языках начинает распространяться под влиянием русского языка (Майтинская, 1966, 10).

Таким образом, согласование хорошо развито в прибалтийско-финских языках, в некоторых случаях оно возможно в саамском, удмуртском языках, редко, в определенных условиях, согласование можно наблюдать и в других финно-угорских языках: в венгерском (Майтинская, 1960, 207), марийском (Соколова, 2001, 8), мордовских (Феоктистов, 1966, 194; Егорова, 1975; Лешкина, 2004, 11; Хайду, 1985, 254), в северо-западных диалектах коми языка.

Наиболее интенсивное развитие согласования в настоящее время отмечается, видимо, в коми-пермяцком и удмуртском язы-

ках. Для коми языка характерно семантическое согласование отдельных параметрических прилагательных. Грамматическое согласование наблюдается при выполнении прилагательным функции предикативного и обособленного определения.

Вероятно, можно согласиться с мнением П. Хайду, что изначально в уральском и финно-угорском языке-основе атрибут не согласовался с главным словом (Хайду, 1985, 254).

В настоящее время во многих финно-угорских языках согласование получает развитие на уровне предложения: согласуется предикативное и обособленное определение. Развитие этого вида подчинительной связи, многих инновационных конструкций свидетельствует о гибкости синтаксической структуры этих языков, оно связано с развитием литературных языков, расширением их общественных функций.

Список литературы

Адлер Э. Водский язык // Языки народов СССР. Т. III. М.: Наука, 1966. С. 118–137.

Вийтсо Т.-Р. Ливский язык // Языки народов мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 76–90.

Ливский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. М.: Наука, 1966. С. 138–154.

Гаврилова Т. Г. Порядок слов в удмуртском простом повествовательном предложении // Записки Удмуртского НИИ истории, экономики, литературы и языка. Филология. Вып. 1. Ижевск, 1970. С. 107–118.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 221 с.

Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевошиков. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1962. 376 с.

Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Под общ. ред. В. И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1970. 245 с.

Гуя Я. Морфология обско-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 277–332.

Егорова А. С. О некоторых вопросах взаимодействия разно-системных языков (мордовских и русского) // Fenno-ugristica: Труды по финно-угроведению. Тарту, 1975. С. 103–116.

Ефремов Д. А. О случаях согласования удмуртского прилагательного с определяемым словом в числе // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский ун-т», 2002. С. 182–192.

Ефремов Д. А. О случаях полного согласования имени прилагательного с определяемым словом в удмуртском языке // Вордскем кыл. 2003. № 5–6. С. 45–47.

Захаров В. Н. Имя прилагательное в русском и удмуртском языках // Вопросы удмуртского языкознания: Сборник статей и материалов. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 103–110.

Каракулова М. К. Удмуртское прилагательное. Проблемы отражения его особенностей в учебных пособиях // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995. С. 329–330.

Каракулова М. К., Каракулов Б. И. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Глазов, 2000. 91 с.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи. 2. Срединные говоры. Ижевск, 1990. 97 с.

Клаас Б. М. Сходные черты синтаксиса эстонского и литовского языков и их происхождение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. Тарту, 1988. 15 с.

Коведяева Е. И. Марийский язык (Вопросы синтаксиса) // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 90–93.

Коляденков М. Н. Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959. 291с.

Лаанест А. Ижорский язык // Языки народов СССР. Т. III. М.: Наука, 1966. С. 102–117.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М.: Наука, 1975. С. 5–121.

Лешкина В. И. Определение как один из второстепенных членов предложения в эрзянском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004. 20 с.

Лыскова Н. А. Подлежащее и сказуемое в хантыйском и мансийском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Тартуский ун-т. Тарту, 1988. 18 с.

Лыскова Н. А. Главные члены обско-угорского предложения // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 44–59.

Лыскова Н. А. Семантический аспект синтаксиса имени существительного в обско-угорских языках. СПб.: Образование, 1996. 97 с.

Майтинская К. Е. Венгерский язык. Синтаксис. Ч. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 375 с.

Майтинская К. Е. Введение // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. М.: Наука, 1966. С. 9–26.

Майтинская К. Е. Финно-угорские языки. Синтаксическая характеристика // Языки народов мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 29–30.

Майшев И. И. Грамматика коми-пермяцкого языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 83 с.

Первощиков П. Н. Краткий очерк грамматики удмуртского языка // Русско-удмуртский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. С. 1273–1360.

Опыт грамматики пермяцкого языка, составленный Николаем Роговым. СПб., 1860. 165 с.

Ромбандеева Е. И. Мансийский / вогульский язык. М.: Наука, 1973. 207 с.

Рягоев В. Д. Карельский язык // Языки народов мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 63–76.

Соколова Г. Л. Определение в современном марийском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2001. 20 с.

Сорвачева В. А. Некоторые фонетические и морфологические особенности верхневашского говора удорского диалекта // Лингвистический сборник. Вып. 2. Сыктывкар, 1952. С. 37–48.

Сорвачева В. А. Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка // Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. С. 456–491.

Тарасов Л. К вопросу о порядке слов в предложении эрзянского языка // Записки Мордовского НИИ языка, литературы и истории при СНК МАССР / Саранск: Изд-во МНИИЯЛИ, 1940. С. 125–136.

Удмуртский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. М.: Наука, 1966.

Тронина Г. А. Содержание и выражение синтаксических связей в удмуртском простом предложении // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов, 1986. С. 123–129.

Ушаков Г. А. Сопоставительная грамматика русского и удмуртского языков. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1982. 144 с.

Ушаков Г. А. Грамматические категории имени существительного и имени прилагательного // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 5–17.

Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск, 1990. 156 с.

Феоктистов А. П. Мордовские языки // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Т. 3. М.: Наука, 1966. С. 172–220.

Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М.: Наука, 1975. С. 248–344.

Хайду П. Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е. Н. Хелимского. М.: Прогресс, 1985. 430 с.

Хонти Л. Ваховский диалект хантыйского языка (перевод с немецкого Е. В. Житковой, Н. В. Лукиной) // Народы северо-западной Сибири / Под ред. Н. В. Лукиной. Вып. 2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. С. 3–22.

Хямляйнен М. М. Вепсский язык // Языки народов СССР. Т. III. М.: Наука, 1966. С. 81–101.

Цыпанов Е. А. Перым-коми гижӧд кыв. Сыктывкар: Пролог, 1999.

Эстонский язык / [Коллектив авторов] // Языки народов мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 115–134.

ОСОБЕННОСТИ КОНСОНАНТНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

Интерес к изучению живой, устной речи давно привлекает внимание многих лингвистов. В отличие от письменной формы речи живая речь «сохраняет свою ведущую роль в жизни человека, свою первичную сущность и удивительную силу влияния на носителей языка» (Богданова, 2001, 7). Бесспорно, что изучение орфоэпических норм того или иного языка так же важно, как и изучение орфографических, грамматических, стилистических и других норм языка. Однако овладение литературным произношением подчас бывает намного сложнее. Оно объясняется разнообразием произносительных вариантов литературной речи, а также влиянием народных говоров и других национальных языков при их взаимодействии.

Автором исследуются живая русская речь коми и происходящие в устной речи под воздействием родного языка билингвов орфоэпические и орфофонические процессы.

Лингвисты считают, что система фонем в любом языке стремится к оптимальному соотношению между количеством фонем и возможным позиционным распределением: при исследовании системы фонем явно обнаруживается тенденция к их минимизации. Материальная реализация функциональных единиц фонологической системы в звуках речи носителей языков относится к уровню нормы. Однако сложившиеся контакты языков, обусловленные потребностью в общении между людьми тех или иных языковых обществ, явились причиной возникновения двуязычия, характеризующегося различными типами реализаций. По словам

В. Ю. Розенцвейга, в обширной проблематике контактов, «включающей социологические, этнографические и психологические вопросы, мы выделяем в качестве главной, собственно лингвистической, проблему описания речевой коммуникации в условиях контакта разноязычных коллективов» (Розенцвейг, 1972, 4).

Для Республики Коми, где проживают в основном представители двух наций – коми и русские, характерно массовое двуязычие. В связи с исторически сложившимися обстоятельствами коми-русского двуязычия билингвами являются лишь жители коренной национальности – коми, которые в целях внутригруппового и междугруппового общения используют два языка. Билингу Республики Коми свойственно то, что он входит в три языковые общности – первичную (в среде коми), вторичную (в среде русскоязычного населения) и общность билингвов (в среде двуязычных индивидов).

В русской речи билингвов коми могут быть созданы новые формы звучания сегментов. Однако вновь созданные варианты сегментов не являются нормативными для русского языка и возникнуть в употреблении не могут, поскольку не предусмотрены фонологической системой русского языка. В этом случае, как подчеркивают ученые, можно говорить о специфическом «национальном» варианте разговорной разновидности того или иного литературного языка (Бикбулатова, 1998, 30; 2001, 22; 2002, 42; Интерференция ..., 1987, 3; Вербицкая, 2001, 70 и др.) или о «возникновении нового языкового образования "билингвалект" как варианта национального языка» (Зорина, 1996, 53).

Языковая ситуация, сложившаяся в Республике Коми, позволяет рассматривать два варианта разговорной разновидности языка: «национальный» вариант русского литературного языка (при коми-русском двуязычии) и «национальный» вариант коми литературного языка (при русско-коми двуязычии).

Автором рассматриваются вопросы двуязычия в Республике Коми, процессы взаимодействия контактирующих языков в условиях коми-русского двуязычия, выявляются фонетические особенности русской речи билингов коми, возникающие под влиянием звуковой системы их родного языка. Явления фонетической интерференции в русской речи коми билингов исследованы на основе экспериментального анализа звучащей речи на материале согласных. По словам Л. В. Златоустовой, «исследование явлений интерференции в рамках лингвистических факторов должно быть направлено на установление степени владения каждым языком, способность использовать функциональные стили языка в зависимости от целевой установки говорящего» (Златоустова, 2002, 173).

В результате взаимодействия обоих языков в русской речи коми обнаруживаются следы влияния коми языка на русский язык. Следствием этого во вторичном (неродном) языке билингов часто могут наблюдаться ненормативные реализации на сегментном уровне, которые при сопоставлении фонетических систем исследуемых языков также можно предсказать.

С типологической и генетической точек зрения контактирующие коми и русский языки входят в группы разных языковых систем, но относятся к языкам фонемного строя, минимальной смысловой единицей которых является морфема, состоящая из сегментных единиц – минимальных, линейно не членимых звуковых единиц. Произносительная звуковая последовательность, входящая в один слог – минимальная произносительная единица, как в русском, так и в коми языках может состоять из одной гласной или гласной и нескольких согласных, число которых достаточно отличается в языках. Например, в исконном коми языке число их может достигать до 3 и не более, в русском языке – до 6. В фонетической системе исследуемых языков система согласных отличает-

ся не только по количеству противопоставленных единиц (в коми – 26, в русском – 36), но и по дифференциальным признакам, заключающимся в противопоставлениях согласных. Оппозиция согласных по глухости – звонкости в русском языке представлена в 11 парах согласных (/p – b/, /p' – b'/, /f – v/, /f' – v'/, /t – d/, /t' – d'/, /s – z/, /s' – z'/, /ž – š/, /k – g/, /k' – g'/), в коми языке – в 9 парах (/p – b/, /t – d/, /t' – d'/, /s – z/, /s' – z'/, /ž – š/, /k – g/, /č – P/, /č' – P'/). Оппозиция согласных по твердости – мягкости в русском языке представлена в 15 парах согласных (/p – p'/, /b – b'/, /m – m'/, /v – v'/, /f – f'/, /d – d'/, /t – t'/, /z – z'/, /s – s'/, /l – l'/, /r – r'/, /n – n'/, /g – g'/, /k – k'/, /x – x'/), в коми языке – в 8 парах (/d – d'/, /t – t'/, /z – z'/, /s – s'/, /l – l'/, /n – n'/, /P – P'/, /č – č'/). Отличительным в системе консонантизма коми и русского языков является частота встречаемости тех или иных фонем, а также их дистрибуция. Что касается артикуляционных характеристик согласных, то в абсолютном большинстве случаев наблюдается единообразие работы произносительных органов при образовании соответствующих звуков коми и русского языков, за исключением отдельных, артикуляционные характеристики которых дают основание классифицировать их по-разному. Например, по положению средней части спинки языка согласные коми языка /d'/, /t'/, /z'/, /s'/, /l'/, /n'/, /P'/, /č'/ относят к среднеязычным палатальным, в русском языке они характеризуются как переднеязычные палатализованные (Бондарко, 1977, 1998; Зиндер, 1970; Бараксанов, 1964; Бубрих, 1949; Лыткин, 1955). Разнообразие отличительных характеристик в языках создает условия для влияния звуковой системы коми языка на русскую речь билингов. Рассмотрим их по признаку активного действующего органа.

1. Особенности реализации губных согласных в русской речи коми билингов

Анализ исследуемого материала по произношению губных согласных в русской речи коми позволяет сделать следующие выводы:

1) максимально вариативными являются следующие фонемы: /f/ → [v], [v[^]], [f_v], [ɸ]; /m'/ → [m[^]], [m + j], /m/; /p'/ → [p[^]], [p + j], /p/; /b'/ → [b[^]], [b + j], /b/; /v'/ → [v[^]], [v + j], /v/; минимально вариативными, имеющими один тип замен, являются: /v/ → [ɸ], /f/ → [f]; два типа замен имеет фонема /p/ → [p_v], [p^b], всегда нормативны /m/, /b/;

2) среди всех ненормативных вариантов при реализации парных звонких и глухих согласных самой частотной является замена глухих на звонкие и озвонченные согласные (/p/ → [p_v], /f/ → /v/, [f_v]); однако замена звонких губных согласных на недостаточно звонкие или оглушенные согласные не зафиксирована в речи;

3) 18 случаев ненормативных реализаций зафиксировано по несоблюдению оппозиции звонкость – глухость. В речи дикторов обнаружено 10 орфоэпических вариантов (замена глухих на звонкие) – 56%, озвонченные губные согласные выявлены в 8 случаях (44%);

4) обнаружена замена мягких губных согласных /p'/, /b'/, /m'/, /v'/, /f/ на недостаточно мягкие или твердые [p[^]] (≈ 16% – 7 случаев из 45), /p/ (≈ 9% – 4 случая из 45), [b[^]] (≈ 17% – 5 случаев из 30), /b/ (≈ 7% – 2 случая из 30), [m[^]] (≈ 10% – 4 случая из 39), /m/ (≈ 3% – 1 случай из 39), [v[^]] (≈ 6% – 4 случая из 63), /v/ (≈ 3% – 2 случая из 63), /f/ (≈ 100% – 3 случая из 3 нормативных вариантов);

5) среди нарушений корреляции по твердости – мягкости губных согласных является недостаточная мягкость губных согласных (20 случаев ненормативных вариантов из 59, что состав-

ляет 34%), реже – полное отсутствие мягкости (12 случаев из 62, что составляет 19%); замена твердых губных на недостаточно твердые или мягкие губные согласные не характерна для русской речи коми билингвов;

6) среди орфофонических вариантов наблюдается гласная вставка между компонентами консонантного сочетания при произношении шумного губного согласного /p/ и сонанта /r/ (/pr/ → [p^hr]). Из всех трех дикторов гласная вставка наблюдается только в речи диктора 2. Частота варианта по отношению ко всем ненормативным вариантам данной фонемы составляет 2% (3 случая из 126);

7) в стечениях согласных, характерных абсолютному началу слова, наблюдается отсутствие звуков /v/ и /f/. По данным частоты реализации отклонения соответственно составляют 3% (8 случаев из 252) и 16% (11 случаев из 69);

8) наиболее труднопроизносимым среди губных согласных для билингвов коми является мягкий губной согласный /f/, который характеризуется стопроцентной распространенностью замены мягкого /f/ на твердый вариант сегмента /f/.

2. Особенности реализации переднеязычных согласных в русской речи коми билингвов

Проведенный анализ исследуемого материала реализации переднеязычных согласных в русской речи коми билингвов позволяет сделать следующие выводы:

1) максимально вариантными являются следующие переднеязычные согласные: /s'/ → [s^h], [s^h'], [s^h∨], [s^h∧], [z^h], /z'/; /n'/ → [n^h], [n^h + j], [n^h'], [n^h + n^h"]; /t'/ → [t^h], [t^h∨], [t^h∧], [d^h"]; /t/ → /d/, [t^h], [t^h']; минимально вариантными, имеющими один тип замен, являются: /d/ → [d^h], /z/ → [z^h], /d'/ → [d^h"], /s/ → [s^h∨], /ž/ → [ž^h∧], /š'/ → [š^h∧], /l'/ → [l^h"], /č'/ → [č^h']; по два типа замен имеют фонемы: /z'/ →

[z''], [z''], /r'/ → /r/, [r'], /š'/ → [š''], /č'/; всегда нормативны твердые переднеязычные сонанты /l/, /r/, /n/ и аффриката /c/;

2) среди всех ненормативных вариантов реализации переднеязычных согласных самыми частотными в плане отклонения от нормы были зафиксированы замены палатализованных переднеязычных согласных на палатальные. К ним относятся: /d'/ → [d''] (31% – в речи всех трех дикторов), /š'/ → [š''] (31%), /s'/ → [s''] (25%), /z'/ → [z''] (21%), /t/ → [t''] (20%);

3) среди нарушений корреляции по твердости – мягкости переднеязычных согласных зафиксировано 5 типов замен. На месте палатализованных согласных в речи дикторов наблюдаются: 1) палатальные ([d''], [t''], [l''], [n''], [s''], [z''], [š'']): или палатальные с продвинутой вперед артикуляцией согласные ([z''], [s'']); 2) недостаточно палатализованные согласные ([č''], [r''], [n'']); 3) твердый вариант сегмента (/r/); 4) комплекс сочетания звуков ([n' + j], [n' + n'']); 5) замена согласного на другой сегмент – аффрицированный звук ([t_v z'']);

4) частота ненормативных реализаций корреляции твердость – мягкость согласных в речи трех дикторов составляет ≈ 19% (насчитывает 144 ненормативных варианта из 774 теоретически возможных в тексте переднеязычных согласных);

5) замена твердых переднеязычных согласных на недостаточно твердые, палатализованные или палатальные переднеязычные согласные в речи дикторов не наблюдается;

6) к числу ненормативных переднеязычных согласных в речи дикторов относятся отклонения с несоблюдением оппозиции звонкость – глухость. По данному виду отклонения насчитывается 21 случай ненормативных вариантов из 837 теоретически возможных в экспериментальном тексте. Частота нарушений русской произносительной нормы составляет ≈ 2,5%;

7) в противопоставленных парах русского языка по глухости – звонкости наблюдаются отклонения орфофонического характера: замена глухих на озвонченные (/t/ → [t_v], /t/ → [t_v^z], /t'/ → [t'_v], /s/ → [s_v], /s'/ → [s'_v], /s'/ → [s''_v]) и замена звонких на оглушенные переднеязычные согласные (/d/ → [d_^], /z/ → [z_^], /ž/ → [ž_^]);

8) орфоэпическая норма произношения звонких и глухих переднеязычных согласных соблюдена в абсолютном большинстве случаев, за исключением замены глухих твердого /t/ и мягкого /t'/ на звонкий вариант сегмента, соответственно произнесенных как твердый /d/ и палатальный [d''];

9) озвонченные варианты фонем зафиксированы на стыках слов при слитном произношении перед глухими. Данная особенность реализации зафиксирована в речи практически всех испытуемых;

10) в стечениях согласных наблюдается гласная вставка, зафиксированная между сочетаниями двух смычных взрывных /t/ + /k/ (/tk/ → [t^hk]). По данным частоты реализации отклонение составляет ≈ 1%, оно свойственно лишь речи диктора 2;

11) зафиксированы случаи замены переднеязычных глухих щелевых на аффрикаты: /š/ → /č/, частота зафиксированной замены составляет ≈ 4% (1 случай из 27); /š'/ → /č'/, частота зафиксированной замены которой составляет ≈ 8% (1 случай из 13);

Таким образом, потенциальная возможность ненормативных реализаций переднеязычных согласных составляет ≈ 7%. Это говорит о том, что в подавляющем большинстве случаев реализация переднеязычных согласных соответствует нормативному произношению русского языка, за исключением отдельных орфофонических особенностей, которые преобладают среди нормативных переднеязычных согласных.

3. Особенности реализации заднеязычных согласных в русской речи коми билингвов

Результаты наблюдений реализации заднеязычных согласных в русской речи билингвов коми позволяют сделать следующие выводы:

1) при реализации заднеязычных согласных в речи дикторов зафиксировано 17 ненормативных вариантов произношения с нарушениями орфоэпического и орфофонического характера;

2) максимально вариантным и в то же время сложным для произношения дикторов коми оказался заднеязычный щелевой /x/. Он имеет 6 типов замен: /x/ → /k/, /j/, [k_v], [ɰ], [k], [x]. Смычный взрывной /k/ также вариантный: /k/ → /g/, [k_v], [ɰ], [k], [k^ʰ]. Минимально вариантным, имеющим один тип замен, является мягкий щелевой /x'/ (/x' → [x˘]), но в его реализации обнаруживается 100% замена на полумягкий тип фонемы; по два типа замен зафиксировано в реализации мягких смычных взрывных /g'/ (/g' → /g/, [g˘]) и /k'/ (/k' → /k/, [k˘]); в речи дикторов 1 и 3 всегда нормативен твердый заднеязычный смычный /g/, лишь в речи диктора 2 в скоплениях согласных после заднеязычного /g/ наблюдается гласная вставка: /g/ → [g^ʷ];

3) отклонение по признаку твёрдость – мягкость согласных насчитывает 23 ненормативных варианта, из них отклонений орфоэпического характера – 3 (13% всех ненормативных реализаций), отклонений орфофонического характера насчитывается 20 случаев, что составляет ≈ 87% всех ненормативных реализаций данного типа отклонений;

4) в речи коми билингвов наблюдаются ненормативные реализации парных мягких заднеязычных /g'/, /k'/, /x'/. При их произношении зафиксирована замена на слабо смягченные или твер-

дые согласные [g̣], [ḳ], [x̣], /g/, /k/; замена твердых на недостаточно твердый или мягкий сегмент в речи дикторов не проявляется;

5) зафиксированы варианты ненормативного произношения оппозиции звонкость – глухость: глухой заднеязычный согласный обычно заменяется на озвонченный или звонкий вариант согласного: /k/ → [ḳ], /g/. Звонкий заднеязычный согласный оглушению в русской речи коми билингвов не подвержен;

6) наблюдаются три ненормативные реализации в сочетаниях согласных: а) отсутствие заднеязычных в сочетаниях согласных: /k/ → [ḳ], /x/ → [ḳ]; б) гласная вставка после заднеязычного смычного взрывного сегмента в скоплении согласных: /k/ → [ḳ^b], /g/ → [g̣^b]; в) реализация кратких заднеязычных фонем: /k/ → [k] и /x/ → [x];

7) наблюдается замена заднеязычного щелевого /x/, отсутствующего в фонетической системе коми языка, на другой сегмент: /x/ → /k/, /j/, [ḳ].

Ненормативные варианты произношения согласных, вероятно, связаны со спецификой родного языка билингвов, который имеет определенные закономерности реализации заднеязычных согласных, отличающиеся от закономерностей реализации в русском языке.

Из проведенного исследования следует, что количественное распределение ненормативных реализаций в русской речи коми дикторов далеко не одинаково в частотном соотношении и в вариантном распределении, которое также может зависеть от расположения фонемы в слове.

Следует выделить группы отклонений, ненормативные реализации которых обнаруживаются: а) **довольно часто** (/f' – 100%, /x' – 100%); б) **часто** (/k' – 47%, /f/ – 41%, /s'/ – 35%, /b'/ – 33%, /g'/ – 33%, /š'/ – 33%, /d'/ – 31%, /p'/ – 30%); в) **редко** (/z'/ – 25%, /t'/ – 24%, /m'/ – 21%, /r'/ – 18%, /x/ – 17%, /č'/ – 15%, /n'/ – 14%,

/v'/ – 11%); г) **крайне редко** (/k/ – 9%, /p/ – 6%, /g/ – 5%, /t/ – 5%, /s/ – 5%, /v/ – 3%, /ž/ – 2%, /l'/ – 2%, /d/ – 1%, /z/ – 1%, /š/ – 1%).

В подавляющем большинстве случаев реализация согласных в русской речи коми билингвов носит характер нормативного произношения. В целом вероятность интерферентных явлений на сегментном уровне реализации всех согласных равна $\approx 23\%$. Их реализация напрямую зависит от различий в фонетической системе и внутренних закономерностей контактирующих языков. Следует также отметить тенденцию нормативного произношения мягких согласных /f/ и /x'/, которые в речи молодого поколения коми оформлены эталонной реализацией и не уступают звуковой норме в произношении русских.

Различия в количественном отношении согласных в системах языка, отсутствие или наличие противопоставлений по твердости – мягкости, глухости – звонкости согласных, особая сочетаемость и дистрибуция в языках привели к отклонениям от литературной нормы, представляющим собой нарушения орфоэпического и орфофонического характера. Максимальное число отклонений от нормы и вариантов произношения согласного в речи коми билингвов наблюдается в нарушении орфофонических норм. Практически каждый сегмент так или иначе подвергается изменению и характеризуется орфофонической вариантностью. Она выражается:

1) в произношении озвонченных, недостаточно глухих согласных вместо глухих в абсолютном начале слова (среди губных: /f/ → [f_v]); в середине слова (среди губных: /f/ → [f_v], /p/ → [p_v], среди переднеязычных: /s/ → [s_v], среди заднеязычных: /k/ → [k_v]); в абсолютном конце слова (среди губных: /p/ → [p_v], среди переднеязычных: /t/ → [t_v], /t'/ → [t'_v], /t'/ → [t_v^{z'}], /s'/ → [s'_v], /s'/ → [s''_v], среди заднеязычных: /k/ → [k_v]);

2) в произношении оглушенных, недостаточно звонких согласных вместо звонких в середине слова (среди переднеязычных: /z/ → [z_h], /ž/ → [ž_h], среди заднеязычных: /g/ → [g_h]);

3) в произношении недостаточно мягких, слабосмягченных согласных вместо мягких согласных в абсолютном начале слова (среди губных: /p/ → [p^h], /b/ → [b^h], /v/ → [v^h], /m/ → [m^h], среди переднеязычных: /r/ → [r^h], среди заднеязычных: /k/ → [k^h]);

4) в произношении палатальных вместо палатализованных, замена которых характерна для переднеязычных согласных в абсолютном начале слова (/t/ → [t^h], /d/ → [d^h], /l/ → [l^h], /n/ → [n^h], /š/ → [š^h], /s/ → [s^h]) и в абсолютном исходе слова (/z/ → [z^h], /s/ → [s^h], /d/ → [d^h]);

5) в произношении палатальных, артикуляционно продвинутых вперед вместо палатализованных согласных, зафиксированных среди переднеязычных согласных в абсолютном начале слова (/s/ → [s^h]) и в интервокальном положении слова (/s/ → [s^h], /z/ → [z^h]);

6) в замене палатализованных переднеязычных согласных комплексом сочетания палатальных согласных (/n/ → [n + j], /n/ → [n + n^h]);

7) в произношении краткого звука заднеязычных: /k/ → [k], /x/ → [x];

8) в упрощении стечений согласных, проявляющемся путем опущения одного из звуков в словах с консонантными сочетаниями (среди губных: /v/ → [v], /f/ → [f], среди заднеязычных: /k/ → [k], /x/ → [x]) или путем вставки гласного и (или) полугласного в труднопроизносимые для коми скопления согласных (среди губных: /p/ → [p^h], среди переднеязычных: /t/ → [t^h]).

Несмотря на значительное сходство в фонетических системах между обоими языками, отклонения от произносительной

нормы русского языка в ряде случаев носят ярко выраженный акцентный характер, который зачастую бывает легко заметить в речи. Он представляет ненормативные реализации орфоэпического характера. Замены нарушений орфоэпических норм выражаются:

1) в произношении звонких согласных вместо глухих в абсолютном исходе слова (среди губных: /f/ → /v/, среди переднеязычных: /t/ → /d/, /t'/ → /d'/, среди заднеязычных: /k/ → /g/);

2) в произношении твердых согласных вместо мягких в абсолютном начале слова (среди губных: /p'/ → /p/, /b'/ → /b/, /m'/ → /m/, /v'/ → /v/, среди переднеязычных: /r'/ → /r/, среди заднеязычных: /k'/ → /k/), в середине слова (среди губных: /p'/ → /p/, /b'/ → /b/, /f/ → /f/, среди заднеязычных: /g'/ → /g/, /k'/ → /k/), в абсолютном конце слова (среди губных: /m'/ → /m/);

3) в замене звуков (среди переднеязычных: /š/ → /č/, /š'/ → /č'/, среди заднеязычных: /x/ → /k/, /x/ → /j/).

Исследуемый материал свидетельствует, что отклонения от орфоэпической нормы далеко не одинаковы в речи испытуемых. Они не только мало распространены, но и в отдельных случаях реализации одиночны и способны выступать в речи лишь одного диктора. Поэтому следует отметить развитие отклонений орфофонического характера и утрату орфоэпических отклонений. Следует полагать, что гораздо большее количество затруднений, наблюдаемых неточной реализацией звука при сохранении фонемного противопоставления, зависит от соотношений между фонематическими системами языков и от особенностей фонетической реализации звуков в них, т. е. от артикуляторных навыков, характерных для того или иного языка.

Выявление особенностей реализации сегментных единиц в акцентной речи позволяет, во-первых, создать некую модель звуко-типов русской речи билингвов; во-вторых, сравнить результаты

с подобными исследованиями речи носителей других языков. Такой материал позволит выделить группу общих интерферентных явлений, свойственных представителям разных национальных языков.

Список литературы

Бараксанов Г. Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. 64 с.

Бикбулатова Э. Р. Фонетические аспекты многоязычия (на материале русской речи российских немцев) // Материалы XXVII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 10. Секция фонетики. Ч. 1. Санкт-Петербург, 16–22 марта 1998 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. С. 29–35.

Бикбулатова Э. Р. Фонетическая интерференция при речевой коммуникации в условиях неродного языка // 100 лет экспериментальной фонетике в России: Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 1–4 февраля 2001 г.) / Отв. ред. Л. В. Бондарко. СПб., 2001. С. 22–27.

Бикбулатова Э. Р. Фонетические особенности речи при естественном трилингвизме (на материале русской речи поволжских татар, проживающих в США) // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований: К 70-летию профессора кафедры фонетики и методики преподавания иностранных языков Л. В. Бондарко / Отв. ред. Н. Б. Вольская, Н. Д. Светозарова. СПб., 2002. С. 240–247.

Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи: Пособие по спецкурсу. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001. 186 с.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Русский язык и литература». М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. 276 с.

Бубрих Д. В. Фонетика // Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 5–13.

Вербицкая Л. А. Давайте говорить правильно: Пособие по русскому языку. 2-е изд., испр., доп. М.: Высшая школа, 2001. 239 с.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. 2-е изд. М., 1979. 312 с.

Зорина З. Г. Фонетические особенности функционирования русского языка в условиях двуязычия. Йошкар-Ола, 1996. 475 с.

Интерференция звуковых систем / Отв. ред. Л. В. Бондарко. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 278 с.

Лыткин В. И. Фонетика // Современный коми язык. Ч. I. Фонетика. Лексика. Морфология / Под ред. В. И. Лыткина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. 311 с.

Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: Лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 78 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
НОВОПИСЬМЕННОГО КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА**

Расширение функционального пространства карельского языка, связанное с процессами воссоздания карельской письменности, неизбежно повлекло за собой развитие отдельных подсистем языковой структуры. Наибольшим преобразованиям подверглась лексическая система. Использование карельского языка в сфере образования, в средствах массовой информации, в науке и художественной литературе в большей или меньшей степени стимулировало создание лексики соответствующих функциональных стилей (публицистического, официально-делового, научного, художественного) формирующегося литературного языка. Двадцатилетний период (с конца 1980-х годов по настоящее время) формирования новой письменной традиции стал периодом активного словотворчества, в это время создавались пласты специальной лексики – лингвистической, школьной, общенаучной, общественно-политической. В связи с этим можно говорить о значительном расширении коммуникативного ядра карельского лексикона в целом.

Проанализированный лексический материал показывает, что при номинации нового понятия в новописьменном карельском языке предпочтение отдается морфологическому способу словообразования. Большинство новых слов образовано по правилам карельской грамматики суффиксальным способом. Суффиксальная система карельского языка чрезвычайно богата и сохранилась до наших дней в активном и живом состоянии. Большинство продуктивных суффиксов, с помощью которых образуются производные слова, различаются в собственно-карельском и ливвиковском

наречиях лишь огласовкой. Новые слова, созданные при помощи традиционных суффиксов, воспринимаются носителями языка в основном как знакомые и достаточно понятные. При этом в сферу наибольшей продуктивности попали суффиксы, образующие слова абстрактного и обобщенного значения, т. е. ту лексику, в которой язык остро нуждался в связи с расширением его функционального пространства. Среди таких новообразований различаются как отглагольные и отыменные имена, так и отыменные и отглагольные глаголы.

При образовании отыменных имен существительных в числе наиболее продуктивных суффиксов стали *-us*, *-üs*; *-ys*; *-hus*, *-hüs*; *-hys*; *-vus*, *-vüs*; *-vys*. С помощью данных суффиксов в ливвиковском наречии образованы следующие лексемы:

tolkuttomus «абсурд» < *tolkutoi* «бестолковый»; *ozattomus* «авария» < *ozatoi* «несчастный»; *iänizüs* «громкость» < *iänilline* «громкий»; *kunnottomus* «непорядочность» < *kunnotoi* «непорядочный»; *vellallizus* «обязанность» < *velalline* «обязанный»; *suurellizus* «величавость» < *suurelline* «величавый»; *hendovus* «субтильность» < *hendo* «слабый»; *kuulužus* «известность» < *kuulužu* «известный»; *ühtehüs* «всеобщность» < *ühtehine* «общий»; *hüväsüdämellizüs* «добросердечность» < *hüväsüdämelline* «добросердечный».

В собственно-карельском наречии: *ahnehus* «жадность» < *ahneh* «жадный»; *puhtahus* «чистота» < *puhas* «чистый»; *kaunehus* «красота» < *kaunis* «красивый»; *korkevus* «высота» < *korkie* «высокий»; *pahus* «зло» < *paha* «плохой»; *tärkeys* «насущность» < *tärkie* «важный»; *mukavus* «комфорт» < *mukava* «красивый».

Названные словообразовательные суффиксы были достаточно распространены как в ливвиковском наречии карельского языка [например, в карело-финский перечень слов «Грамматики карельского языка» 1936 года Э. Ахтия включены *küllüs*, *kulematu*

(Ahtia, 1936)], так и в собственно-карельском наречии – *tuoreus*, *helppous*. В «Грамматике карельского языка» Д. В. Бубриха также встречаются примеры такой аффиксации: *vägevüs*, *tervehüs* (Бубрих, 1937, 33).

Эти суффиксы весьма продуктивны и в других родственных языках, например, в вепсском – *kagluz*, *tuluz*, в ливском – *opatyks*, *tatuks*.

Конечная гласная производящей основы *-a*, *-ä* при присоединении этих словообразовательных суффиксов на морфемном шве выпадает. Например, *tahtottomus* «апатия» < *tahtotoi* (*tahtottoma-*) + *-us*. «Здесь можно предположить влияние фонетического закона карельского языка, в соответствии с которым два находящихся рядом гласных звука всегда превращаются в дифтонг и относятся к одному слогу, что нарушило бы словообразовательную структуру слова» (Маркианова, 2003, 67).

Образуя производное слово, данные суффиксы придают ему, как правило, значение абстрактности. Из современного карельского языка в качестве примеров можно привести такие отыменные новообразования, как: *runohus* «поэзия», *tuigevus* «кислотность», *lihavus* «тучность», *julgevus* «смелость», *lumovus* «обаяние», *eričus* «различие», *piduhus* «долгота», *kodikkahus*, *mieluhus* «уют», *viärys* «несправедливость», *tyhjuys* «опустошенность», *vähuys* «ограниченность», *utelijaisus* «любопытство», *röuheys* «амбиция».

На примере использования данных суффиксов в современной практике языкового планирования можно проследить преемственность письменной традиции с историческим опытом создания литературного карельского языка 1930-х годов. Выступая на 1-й Всекарельской лингвистической конференции по карельскому языку в 1937 году, М. М. Хямяляйнен в своем докладе «О принципах терминологического строительства и унификации лексической части в карельском языке» призывал при создании новых слов

шире использовать суффиксальное словообразование. «Например, от слов суури (большой, великий), питкӧ (длинный), нӧбиэ (ловкий), куйву (сухой) можно образовать слова и термины, которые нужны, но в карельском языке еще не выступают или выступают сравнительно редко». М. М. Хямяляйнен от этих прилагательных предложил образовать абстрактные существительные суурус (величина), пидус (длина), нӧбевус (ловкость), куйвус (сухость, засуха). Также от отыменного прилагательного руавотойн (безработный) было предложено образовать руавоттомус (безработица) (Хямяляйнен, 1937, 10).

Исключительно живым в современном языке оказался один из древнейших суффиксов *-niekku*, который является практически единственным заимствованным суффиксом в карельском языке, поскольку языковая словообразовательная система в целом достаточно закрыта для иноязычных влияний. Данный суффикс как вариант суффикса *-nik* распространен и в других прибалтийско-финских языках: *abunik* (вепс.), *sarviniekka* (фин.), *velganika* (лив.). Суффикс был заимствован из русского языка, в котором с его помощью образуются слова со значением лица, производящего действия. В работе «Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках» П. Пальмеос распределяет производные с *-nik* в карельском языке по следующим семантическим значениям: а) по профессии или роду деятельности; б) по существенному признаку; в) по участию в какой-либо деятельности; г) по месту жительства (Пальмеос, 1982, 1–7). В карельском языке этот суффикс более употребителен в олонецких говорах.

Суффикс используется в моделях создания дериватов со значением какого-либо рода деятельности. В ливвиковском наречии суффикс оказался очень продуктивным при создании новых отыменных существительных:

vuoronekku «сменщик» < vuoro «смена»; neronekku «практик» < nero «умение»; virguniekku «администратор» < virgu «должность, чин»; tullivirguniekku «таможенник» < tulli «таможня» (финское заимствование), virgu «должность, чин»; ammattiniekku «специалист» < ammatti «профессия»; aziiniekku «агент» < azii «дело»; kirjuniekku «грамотный человек» < kirju «грамота»; velguniekku «должник» < velgu «долг»; runonekku «поэт» < runo «стихотворение, руна».

В собственно-карельском наречии посредством суффикса образуются существительные со значением рода занятий, специальности, профессии, положения (Зайков, 1999, 103):

niittyniekka «косарь» < niitty «покос»; soittoniekka «музыкант» < soitto «игра»; harppuniekka «гармонист» < harppu «гармонь»; kalaniekka «рыбак» < kala «рыба».

Новообразования в собственно-карельском наречии могут состоять как из исконных, так и заимствованных элементов: konehmechanikka «бортмеханик», nimipäiväniekka «именинник», smutel'niekka «обманщик», gaskol'nikka «раскольник».

При образовании отглагольных имен в числе продуктивных суффиксов можно назвать суффикс *-и, -й, -у*. Суффикс образует имена от глаголов как в карельском (itku, maksu, käsky), так и в родственных языках (например, в финском – haku, ajattelu). Дери­ваты называют действие или результат действия. В ливвиковском наречии среди новообразований можно назвать:

luvettelu «инвентаризация» < luvetella «считать»; ajattelu «за­мысел» < ajatella «размышлять»; ezittelü «аннотация» < ezitellä «представлять»; nägü «зрелище» < nähtä «видеть»; lajittelu «диф­ференцирование» < lajitella «сортировать»; koittelu «проба» < koitella «пробовать»; harjoittelu «репетиция» < harjoitella, harjautella «заниматься».

В данном случае словообразования конечная гласная производящей основы перед суффиксом выпадает: ezittelü < ezitellä (ezittele-).

Девербальные существительные могут также обозначать предмет: päčkü «жевательная резинка» < päčküä «чавкать».

В собственно-карельском наречии производные слова имеют то же значение действия или его результата: juoksu «бег» < juossa «бегать», itku «плач» < itkie «плакать», alku «начало» < alkuä «начинать», maksu «оплата» < maksua «платить», hyppy «прыжок» < hupätä «прыгать», käsky «приказ» < käskie «приказывать». В новописьменном языке суффикс оказался чрезвычайно продуктивным: muuttelu «вариация» < muutella «менять»; esitelly «аннотация» < esitellä «знакомить»; erittely «анализ» < eritellä «анализировать»; pitvittely «волокита» < pitvitellä «мешкать»; arvelu «гипотеза» < arvella «полагать»; kysely «допрос» < kysellä «спрашивать»; kiistely «дискуссия» < kiissellä «спорить»; yhистely «комбинирование» < yhissellä «соединять»; kiemurtelu «лабиринт» < kiemurtella «лабиринтировать».

Приведенные примеры убедительно подтверждают способность средствами разговорного языка продуцировать новые слова, отражающие реалии современной жизни.

Наряду с суффиксацией еще одним предпочтительным способом при образовании новых слов в карельском языке стало словосложение. Частями сложных слов могут выступать как исконные, так и заимствованные компоненты, при этом их сочетания могут быть различными.

Новые сложные слова относятся по преимуществу к разряду имен существительных. Определительная часть этих лексем может выражаться как именами существительными, так и другими самостоятельными частями речи. Приведем примеры новых сложных

слов, первая часть которых выражена именем существительным в форме именительного падежа:

pagin/luadu «акцент», loppu/kado «апокопа», ilmu/virtu «воздушный поток», virgu/üldö «карьера», käskü/matku «командировка», kuu/kirju «ежемесячник», käskü/uni «гипноз», soda/kügü «боеспособность», soda/rozvo «мародер» (ливвиковское наречие);

suoritus/keino «способ действия», piha/kieli «жаргон», vuogo/pakina «диалог», tuho/työ «диверсия», arpa/valinta «жеребьевка», suku/tutkimus «генеалогия», ranta/korotus «дамба», lahja/kirjutus «дарственная» (собственно-карельское наречие).

Первая часть сложного слова может быть выражена также именем существительным в форме генитива:

rahvahan/vallittu «депутат», varan/menetännüh «банкрот», valdivon/merki «герб», valdivon/abu «дотация», ozan/ladvu «блаженство», eloksen/kirjuttai «биограф», hüvüön/tego «благотворительность», muutoksen/eččimine «обжалование», eläjien/tihevüs «населенность», muan/parandamine «мелиорация», tiijon/himo «любопытность», alan/tiedäi «специалист» (ливвиковское наречие);

tiijon/viäristäjä «дезинформатор», valtijon/laihina «госкредит», piän/vaiva «головоломка», rahvahan/hävitäntä «геноцид», sanan/suattaja «вестник» (собственно-карельское наречие).

Помимо морфологического способа получил распространение также лексико-семантический способ образования новых слов, который подразумевает изменение семантики слова.

Карельский язык отличает чрезвычайная образность, богатство фразеологии, поэтому использование, например, метафоры в языке – вообще достаточно типичное явление: kuldaine sügüzü «золотая осень», kuldaine elo «золотая жизнь», kuldaine ristikanzu «золотой человек». Метонимические переносы в карельском языке используются, например, при употреблении с предметным значением ряда первоначально отвлеченных существительных:

muanjäraitüksen vägevüs «мощность землетрясения» и motoran vägevüs «мощность двигателя». Процесс образования предметных значений связан с общим для многих языков процессом создания терминов для ряда производственных, технических и других понятий. Поэтому во втором случае (motoran vägevüs) можно говорить о терминологизации основного значения абстрактного слова.

В карельском языке семантическими неологизмами стали имена существительные:

pilku «запятая» (первоначальное значение «пятнышко, зарубка»), peämies «председатель» (старое значение «рулевой, кормщик»), vainu «инстинкт» (старое значение «нюх»), este «барьер» (старое значение «препятствие»), ümbäristö «антураж» (первоначальное значение «окрестность»), tuhmus «бескультурье» (старое значение «простота, глупость»), käsküläine «курьер» (старое значение «прислуга»), püvvüsteli «домогательство» (прежнее значение «добывание охотой, ловлей») (ливвиковское наречие);

iskuvirkeh «лозунг» (первоначальное значение первой части сложного слова isku «удар»), hämmässys «конфуз» (старое значение «испуг, недоумение»), sori «консенсус» (первоначальное значение «мир, лад»), juogu «интрига» (старое значение «сплетня»), suoja «охранное предприятие» (первоначальное значение «укрытие»), selitys «версия» (первое значение «объяснение») (собственно-карельское наречие).

Лексему iskuvirkeh «лозунг» можно рассматривать и как результат калькирования от финского слова iskulause с тем же значением. В процессе калькирования в качестве второй части сложного новослова использована старая карельская лексема virkeh в новом значении.

Расширение семантики произошло у имен прилагательных:

jürkü «категоричный» (первое значение «крутой, решительный»), ounas «изошренный» (старое значение «хитрый, ловкий»), hieno «изысканный» (первое значение «тонкий»), huigietoi «аморальный» (первое значение «бессовестный») (ливвиковское наречие);

jäykkä «малоподвижный» (старое значение «тугой, негибкий»), väkövä «концентрированный» (старое значение «сильный, крепкий»), kirakka «импульсивный» (старое значение «злой, вспыльчивый») (собственно-карельское наречие).

Значения некоторых глаголов также подверглись дифференциации, например:

suittua «аккумулировать» (первое значение «собирать, копить»), miärätä «квалифицировать» (первое значение «мерить»), selittä «интерпретировать» (старое значение «выяснять, разбирать»), ühtistiä «инкорпорировать» (первое значение «соединять») (ливвиковское наречие);

hävittyä «аннулировать» (прежнее значение «истреблять, уничтожать»), esitellä «аннотировать» (первое значение «знакомить»), luatiutuo «лицемерить» (первое значение «притвориться»), tuanittua «искушать» (первое значение «заманивать»).

Приведенные примеры подтверждают способность карельской лексики к многозначности. В процессе семантического и деривационного развития старые карельские слова приобретают новые семантические оттенки, а в отдельных случаях – новые значения. В рамках данного способа образования новых слов можно говорить о разнице этимологических и актуальных деривационных значений, когда лексемы приобретают современное звучание.

Что касается морфолого-синтаксического способа словообразования, то можно отметить, что он не стал широкоупотребительным в новописьменном карельском языке. В новообразованиях выявляются два основных направления: 1) причастия употреб-

ляются в качестве имен существительных и прилагательных (Зайков, 1999, 113): *kirjuttai* «автор», *puolistai* «адвокат»; 2) инфинитивы употребляются в качестве имен существительных *tugavumine* «ассимиляция», *tartumu* «зараза» (Маркианова, 2003, 72).

Помимо собственных ресурсов карельского языка при образовании новых слов используются заимствования. Кроме того, особую группу словообразовательных моделей представляют кальки и полукальки.

С точки зрения перспективы создания единой формы литературного языка одной из предпосылок возможного унифицирования лексики можно назвать тот факт, что новообразования в ливвиковском и собственно-карельском наречиях создаются по известным для этих наречий моделям, зачастую на базе однокорневых морфем, например: «запрос» – *tijjustelu* (с.-кар.) и *tijjon eččimine* (лив.), «заседание» – *issunto* (с.-кар.) и *istundo* (лив.), «застой» – *lama-aika* (с.-кар.) и *lamevus* (лив.), «звукозапись» – *iänissys* (с.-кар.) и *iänenkirjutus* (лив.).

Список литературы

Бубрих Д. В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937. 78 с.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999. 120 с.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000. 293 с.

Зайков П. М. К вопросу о едином карельском языке // *Pars II. Summaria acroasium in sectionibus: Linguistica. Congressus decimus intrenationalis fenno-ugristarum, Joshkar-Ola 15.8 – 21.8.2005.* Йошкар-Ола, 2005. С. 57–59.

Зайцева Н. Г. Диалекты и новописьменные языки: противостояние или взаимодействие (на материале прибалтийско-финских языков Карелии) // Бубриховские чтения: проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 117–122.

Лингвистическая терминология. Бюллетень № 1 / Государственный комитет Республики Карелия по национальной политике. Петрозаводск, 2000. 31 с.

Маркианова Л. Ф. Глагольное словообразование в карельском языке. Петрозаводск, 1985. 193 с.

Маркианова Л. Ф. Пути развития лексической системы карельского языка // Вопросы терминологии в финно-угорских языках Российской Федерации. Szombathely, 2003. С. 63–74.

Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие): А-О. Бюллетень № 6. Петрозаводск, 2003. 130 с.

Общественно-политическая лексика (собственно-карельское наречие): А-О. Бюллетень № 7. Петрозаводск, 2003. 111 с.

Общественно-политическая лексика (ливвиковское наречие): П-Я. Бюллетень № 8. Петрозаводск, 2004. 255 с.

Пальмеос П. Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках // Советское финно-угроведение. 1982. № 1. С. 1–7.

Хямляйнен М. М. О принципах терминологического строительства и унификации лексической части в карельском языке: Тезисы доклада. Петрозаводск, 1937 (рукопись).

КАРЕЛЬСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ

Письменность карельского языка развивается с конца 1980-х годов, однако он не имеет статуса государственного языка. Учитывая этот факт, можно говорить об официальном и неофициальном употреблении имен и фамилий у карел. Под официальной формой имени понимается документальное имя, т. е. имя по паспорту. В паспорте у карел фиксируются русские имена, фамилии и отчества, тогда как в неофициальной среде существуют карельские формы имени, фамилии или уличного прозвания. Приведем некоторые примеры:

– Степанов Иван Алексеевич в карельской практике известен как *Terposen Aleksin poika* (т. е. сын Алексея из рода *Terponi*: кар. *Terpo* < рус. Степан, кар. *Aleksi* < рус. Алексей, апел. *poika* 'сын'); или *Terposen Aleksin Iivana* (т. е. Иван, сын Алексея из рода *Terponi*: кар. *Iivana* < рус. Иван);

– Липкин Василий Егорович – *Levasen Vasselei* (т. е. Василий из рода *Levani*: кар. *Leva* < рус. Лев, Леонтий, кар. *Vasselei* < рус. Василий);

– Мошников Родион Павлович – *Mešon Rod'o* (т. е. Родион из рода *Meššo* < апел. *meššo* 'мошник, глухарь').

В первых двух случаях уличная фамилия оформлена possessивным суффиксом *-ni* (~ *-ne*), основу же фамилий составляют карелизированные (или приспособленные к карельскому языку) варианты русских православных имен. С приходом православия карелы усвоили календарные русские имена, которые перерабатывались согласно фонетическим и морфологическим нормам карельского языка и приобретали народные формы. Трансформация

имен была настолько существенной, что в карельских вариантах русских имен зачастую довольно трудно установить первоначальную русскую форму имени.

Последний пример карельского антропонима представлен родовой фамилией, образованной от нехристианского карельского имени, и личным именем христианского происхождения, пришедшим в карельский именовослов посредством русского языка. Обратим внимание также на то, что русская официальная фамилия является в данном случае переводом неофициальной карельской. Однако официальная фамилия далеко не всегда соответствует неофициальной: к примеру, вышеуказанные фамилии Липкин – Levani.

В системе современных карельских имен выделяется группа римско-католических личных имен, которые были усвоены карелами через посредство финского языка. Таковыми являются, к примеру: Kalle (< Karl), Erkki (< Eerik), Hannes (< Johannes), Pertta (< Berta) (Vilkuna, 1990). Внедрение и активное использование римско-католических имен среди карел началось в 20–30-е годы XX века.

Наряду с последними используются так называемые карело-финские имена, образованные на основе нарицательной лексики родного языка. Некоторые из них бытуют со времен языческой эпохи, другие возникли уже в христианское время: Väinö, Ilmagi, Veikko, Sulo, Hilja, Tuuni, Taimi, Aino. Надо сказать, что данные личные имена вошли и в официальное обращение, т. е. они документально отражаются в соответствии с русской нормой. Нельзя не упомянуть о современной «моде» на вышеуказанные имена, которую можно связать с подъемом национального самосознания, отмеченным в 1990-х годах.

Одним из источников для восстановления традиционного карельского именовослова являются современные официальные фа-

мии карел. Речь идет о тех фамилиях, которые образованы от некогда бытовавших среди карел личных имен и прозвищ. Данные официальные именованья можно разделить на две группы. Первую группу составляют фамилии, восходящие к исконным карельским именам, образованным на базе родного языка: Гоккоев, Ремшу, Кекшоев, Вазараев, Леттиев, Шалгуев. Во вторую входят фамилии, в основе которых лежат карелизированные русские православные имена: Киброев (кар. *Kibro* < рус. Киприан), Проккоев (кар. *Prokko* < рус. Прокопий), Маккоев (кар. *Макко* < рус. Макар), Гилоев (кар. *Hił'oi* < рус. Филимон), Тепкоев (кар. *Терро* < рус. Степан), Лесонен (кар. *Leso* < рус. Елисей), Ватанен (кар. *Vata* < рус. Фадей). В большинстве случаев в официальном употреблении карельские фамилии оформляются русским антропонимным суффиксом *-ев*, однако среди фамилий беломорских карел фиксируются фамилии и с антропоформантом *-нен* (< фин. *-nen*, кар. *-ni*). При этом зафиксированы случаи параллельного сосуществования однокоренных фамилий на *-ев* и *-нен*: Лежоев ~ Лесонен, Вадаев ~ Ватанен. Во времена послереволюционной паспортизации карельского населения случались курьезы при оформлении документов. Так, два брата из рода *Lesoni* получили документально разные фамилии: Лесонен и Лежоев. Или, к примеру, «благодаря» подобной ошибке род *Террони* разделился на Тепковых и Степановых. Две сестры из деревни Толлорека (кар. *Tollonjoki*), носившие родовую фамилию *Kuikkani*, получили паспорта: одна – на фамилию Куйкканен, другая – Гагарина. Первая фамилия является примером прямого усвоения карельской фамилии, вторая – ее переводом (ср. родовая фамилия *Kuikkani* < личное имя или прозвище *Kuikka* < апеллатив *kuikka* 'гагара (название птицы)').

Представим этимологии некоторых карельских фамилий нехристианского происхождения:

Гоккоев, Кокков: восстанавливающееся в основе фамилий древнее карельское имя Kokko, Kokoі было одним из популярных средневековых имен в прибалтийско-финском мире (Forsman, 1894, 126). Семантически антропоним, очевидно, восходит к апел. kokko 'орел'.

Анализируемый антропоним фиксируется также в письменных документах XVII века по Приладожской Карелии и Карельскому перешейку, ср.: Матты Ириков Кокконен (489), Оллы Гоккоев (556) (ПККЛ). Ср. карельские топонимы, в основе которых реконструируется рассматриваемый карельский антропоним: Kokkol'a, дом (собств.-кар.); Kokkoilu дер. (ливв).

Ремшу, Ремшуев: Первое упоминание рода Ремшу в Беломорской Карелии зафиксировано в документе 1678 года. На сегодняшний день фамилия имеет широкое распространение в западной Беломорской Карелии. Родовое предание сохранило память о том, что основатель рода пришел из Северной Приботнии. На основании того, что на территории современной Северной Приботнии фамилия Remsu не фиксируется, тогда как Remes встречается повсеместно, полагается возможным сопоставить упомянутые фамилии и искать в них общие корни (Lesonen, 1994, 127–129). В финских говорах апеллятив gemes имеет множество значений 'красивый, роскошный'; 'обжора'; 'жадный' (SKES). Форсман высказывался за прибалтийско-финские истоки антропонима Remes с семантикой 'бодрый, веселый' (Forsman, 1894, 214). Таким образом, связь между финской лексемой gemes и карельской gemsakka 'бодрый, энергичный', а также 'порядочный, славный' (KKS) представляется семантически оправданной.

На территории Северного Приладожья следы фамилии обнаруживаются в форме Якушко Рямшуев, Федорко Рямшуев (ПККЛ, 540, 541). Ср. карельские топонимы: Remšula ~ Rempšula ~ Remšulanpiä, дер. (собств.-кар.).

Ценным источником для восстановления традиционного карельского именовослова является отантропонимная топонимия Карелии, т. е. географические названия, основу которых составляет личное имя, фамилия или прозвище человека. В этом отношении особенно показательна *-I*-овая ойконимия Карелии. Значительный языковой, культурный и исторический потенциал ее обусловлен тем, что она сохранила до наших дней многочисленные традиционные карельские имена, уже давно утраченные языковой практикой. В ней закрепились и разнообразные карельские варианты христианского именовослова, также уже вышедшие из активного употребления.

Реконструирующийся в топонимах на *-I* именовослов позволяет выделить некоторые универсалии, на основе которых создавались самобытные карельские имена, прозвища и фамилии.

В карельской антропонимии можно выделить два пласта: нехристианские (языческие) карельские имена и христианские (православные). Наиболее древний пласт карельской антропонимии образуют пестрые по своим истокам самобытные карельские имена и прозвища, восходящие к апеллитивам различной семантики: названиям животных, птиц, рыб, предметов труда, наименованиям частей тела, словам, выражающим физические и характерологические особенности человека и т. д. Исконные карельские имена являлись по преимуществу именами-характеристиками, т. е. они указывали на какое-то характерное качество человека.

Абсолютное большинство антропонимов восходит к нарицательным именам, которые характеризуют внешний вид и характер именуемого. При этом анализ основ показывает, что прозвищных наименований с негативной семантикой гораздо больше, чем имен, характеризующих человека с положительной стороны. Это факт, по всей видимости, можно объяснить, исходя из целей, которые

преследуются при именовании лица. Главная цель именованья – отличать, дифференцировать от других. Поэтому в прозвищах закреплялся отличительный признак: на общем фоне умных, трудолюбивых и во всех отношениях порядочных жителей, составляющих большинство, носители прозвищ с отрицательной семантикой составляли исключение. Но как раз исключение было благодатной основой для называния. Оно дифференцировало, отличало от других. С течением времени негативный смысл многих прозвищных именованья забывался, некоторые из них начинали использовать в качестве имен, которые переходили в функции патронимов, а позднее стали основой для образования современных фамилий [ср.: Шуттиев (šutti 'оборванный, в лохмотьях'), Кекшоев (kekšoi 'большой живот'), Рюппиев (гурру 'морщина, складка')].

Карельская антропонимия не составляет здесь исключение. Достаточно отметить многочисленные русские фамилии, восходящие к некалендарным именам [Толстогузов (гуз 'зад птицы'), Шанявин (шанява 'ротозей'), Тараторин (таратора 'болтун; говорящий быстро')]. Очевидно, речь идет об универсальной закономерности, свойственной именословам многих народов.

Обращают на себя внимание антропонимы, восходящие к названиям животных, птиц и насекомых. Выбор таких имен был одним из продуктивных способов именованья человека в древнем прибалтийско-финском мире. Обращение при именованьи человека к названиям животных мотивировалось родом деятельности именуемого (напр., охотник), а также метафорическим эмоционально-оценочным значением, связанным с названием лица. Другими словами, имена типа Kaži (kaži 'кошка'), Hukka (hukka 'волк'), Lokka (lokka 'чайка') и т. д. могли даваться на основе какого-либо сходства (внешний вид или характер поведения) человека с определенным животным.

Приведем некоторые примеры реконструкций карельских нехристианских имен:

Kuikkala, дом (собств.-кар.).

В основе топонимов отражается карельский антропоним *Kuikka*, восходящий к названию птицы *kuikka* 'гагара'. Жители названного дома в дер. Кургиево имели родовую фамилию *Kuikkani* (картотека ИЯЛИ). Причинами номинации в этом случае могли послужить физиологические данные носителя имени, ср.: в родственном финском именослове *kuikka* в переносном значении 'о маленьком и худом человеке' (Reponen, 1930, 198).

Фамилия *Kuikka(nen)* фиксируется уже в документах XVI–XVII веков на Карельском перешейке, в Приладожье, в финляндской Северной Карелии (SN). В Дозорной книге от 1598 г. в Панозерском погосте упоминается Степанка Гуйкоев (ДКШВ, 215). На сегодняшний день названная фамилия на официальном уровне распространена в форме *Куйкка* в западной Беломорской Карелии и в форме *Куйкин* в Олонецкой Карелии.

Kellola, дер. (собств.-кар.).

В ойкониме реконструируется имя-прозвище *Kello*, ср.: кар. *kello* 'колокольчик, бубенец; колокол' (KKS). Можно предполагать семантическую связь данного прозвища с карельским образным словом *kylänkello* со значением 'сплетник' (KMS).

Tahtahal, дер. (ливв).

По всей видимости, в основе отражается антропоним прозвищного характера *Tahtas*, истоки которого в карельском образном выражении *piä tahtahasta*, что значит 'глупец, мякинная голова' (ФСКЯ), в свою очередь нариц. *tahtas* бытует в значении 'тесто'.

Несомненно, важным источником выявления следов именника карельского народа являются памятники письменности (пис-

цовые, дозорные книги, деловые документы разного рода) Карелии XV–XVII веков. Однако отражаемые в них карельские антропонимы приведены, как правило, в соответствие с официальной стандартной русской антропонимической нормой. Поэтому реконструкция оригинального карельского имени на материале источников деловой письменности зачастую является довольно сложным процессом и возможна далеко не всегда.

Одним из ценнейших источников по изучению карельской антропонимии являются полевые диалектологические материалы. Почерпнутые в них сведения позволяют наиболее адекватно судить о языковом облике антропонима, его функционировании в пространстве и во времени, мотивах номинации лица.

Надо сказать, что в карельской деревне традиционные принципы именования лица, переходящие из поколения в поколение, еще живы. На неофициальном уровне сохраняются унаследованные потомками родовые прозвания, продолжает существовать принцип именования сына по отцу, жены по мужу, в соответствии с карельской антропонимической традицией создается особенно яркий и колоритный мир прозвищ. Преимущество полевого антропонимического материала заключается в том, что работая с ним, мы можем установить принципы именования лица в живой беседе с информантом. О принципах же номинации антропонимов, извлеченных из письменных источников, можно только догадываться. Ниже приведем примеры различных типов именований человека в карельской среде, которые используются и сегодня.

В неофициальной карельской практике бытует традиция именования сына по отцу:

Timon Aleksі (рус. Алексей Тимофеевич): Timo < Тимофей, Aleksі < Алексей; Simppu Mikko (рус. Михаил Семёнович): Simppu < Семён, Mikko < Михаил; Hil'vanan Puavila (рус. Павел Филимонович): Trohiman Jyrki (рус. Егор Трофимович): Trohima < Тро-

фим, Jyrki < Егор; Hil'vana < Филимон, Puavila < Павел; Ohvon Noma (рус. Фома Афанасьевич): Ohvo < Афанасий, Noma < Фома; Ol'okan Iivana (рус. Иван Алексеевич): Ol'okka < Алексей, Iivana < Иван; Pešan Oleša (рус. Алексей Петрович): Peša < Пётр, Oleša < Алексей.

Наряду с указанной двухчленной конструкцией бытует и более сложная конструкция, состоящая из трех и даже более компонентов:

Riijon Matin Vasselei (сын Василий Матвеевич, отец Матвей Григорьевич): Riiko < Григорий, Matti < Матвей, Vasselei < Василий; Makoin Akiman Grigoï (сын Григорий Акимович, отец Аким Макарович): Makoi < Макар, Akima < Аким, Grigoï < Григорий; Tuavitaisen Šimanan Huotin pojat (т. е. сыновья Фёдора Семёновича из рода Tuavitaini): Tuavita < Давид, Šimana < Семён, Huoti < Фёдор, poika 'сын'.

Незамужнюю дочь также именуют по отцу:

Lukan Muarie (рус. Мария Лукинична): Lukka < Лука, Muarie < Мария; Miikkulan Outi (рус. Евдокия Николаевна): Miikkula < Николай, Outi < Евдокия; Mišan Daša (рус. Дарья Михайловна): Miša < Михаил, Daša < Дарья. Как только девушка выходила замуж, ее начинали именовать по мужу:

Väinön Maikki (Мария, жена Вяино), Jussin Irja (Ирина, жена Ивана), Miikkulan Glaša (Клавдия, жена Николая).

Женщина, вышедшая замуж за примака, обычно сохраняет традиционное именование по отцу. Так, Елена Ивановна Мюгриева (кар. Mугry-Iivanan D'el'a) из деревни Ведлозеро (кар. Vieljärvi) выходит замуж за приезжего Вахроева Николая (кар. Vahroin Kol'a) и остается для односельчан Mугry-Iivanan D'el'a. Причем даже ее дети носят в деревне имя матери, а не отца: Mугry-D'el'an Anni (Анна, дочь Мюгриевой Елены).

Принцип именованя детей по матери функционирует, прежде всего, в том случае, если женщина остается вдовой или по каким-то другим причинам не имеет мужа: Taimin Iivana (Иван, сын Тайми): Taimi < Тайми, Iivana < Иван; Mot'an Peša (Пётр, сын Матрёны): Mot'a < Матрёна, Peša < Пётр. Зафиксированы также случаи, когда мужа именуют по имени жены и соответственно дети также именуются по матери. Данный принцип мотивируется тем, что жена имеет в семье главенствующую роль: Pagon Iivana (Иван, муж Прасковьи), Pagon Niina (Нина, дочь Прасковьи), Pagon Val'a (Валентина, внучка Прасковьи), Pagon Kol'a (Николай, внук Прасковьи). Из примеров явствует, что даже во втором поколении женское имя сохраняется в качестве определения к личному имени именуемого.

Одним из распространенных типов именованя лица в карельской среде является двухчленная конструкция родовая фамилия-прозвище + личное имя. Как уже отмечалось выше, официальная фамилия не всегда совпадает с неофициальной «уличной» фамилией. В качестве родовых фамилий выступают, с одной стороны, антропонимы, восходящие к календарным именам (1), с другой – некалендарным (2). Приведем некоторые примеры.

1. D'ekoin Oleša (рус. Алексей Ефимов): D'ekoi < Ефим, Oleša < Алексей; Timozen Vaske (рус. Василий Иванов): Timoni < Timo < Тимофей, Vaske < Василий; Kuugösen Matti (рус. Матвей Кириллов): Kuugöni < Куугö < Кирилл, Matti < Матвей.

2. Rikin Semoi (рус. Семён Риккиев): Rikki < апел. rikki 'о маленьком, низкорослом человеке', Semoi < Семён; Puzun Ončči (рус. Антон Аникиев): Puzu < апел. puzu 'брюхо, большой живот', Ončči < Антон; Kuren Pekka (рус. Пётр Ремшуев): Kurki < апел. kurki 'журавль', Pekka < Пётр.

Последние из представленных примеров указывают на то обстоятельство, что в основе родовых фамилий лежит нехристиан-

ский антропоним, который походит на прозвище. Как известно, прозвища выполняют, наряду с индивидуализирующей, и характеризующую функцию, т. е. несут в себе указание на характерный признак именуемого. Провести границу между древними личными именами и прозвищами чрезвычайно сложно. Определяя состав древних прибалтийско-финских личных имен, исследователи-ономасты не приходят к единому решению вопроса. Группа самобытных прибалтийско-финских имен, выделенных А. В. Форсманом, насчитывает около 2000 единиц, восходящих к апеллативам с различной семантикой (Forsman, 1894). Д. Е. Штебке на основе того, присутствует ли то или иное имя в других прибалтийско-финских языках (по письменным документам этих языков), напротив, выделяет всего 23 исконных древнефинских имени (напр., Iha, Huvä, Lempi, Mieli, Valta и др.) (Stoebke, 1964). Современный финляндский топонимист Э. Кивиниemi не соглашается с А. В. Форсманом в том, что количество исконных финских личных имен могло быть столь велико. С другой стороны, исследователь не отрицает того, что состав традиционного антропонимикона был действительно многочислен, но он включал как личные имена, так и прозвища, границы между которыми достаточно сложно определить (Kiviniemi, 1982, 41).

Прозвища, как правило, закрепляются за одним определенным лицом. Они строго индивидуализированы, в пределах одного социального поля они редко повторяются. Однако полевые материалы указывают на то, что в карельском употреблении прозвищное именование может переходить в функции родовой фамилии, т. е. передаваться из поколения в поколение. В этом случае прозвище уже не несет характеризующей функции. Приведем пример. Švilli-Väinö (švilli ~ швили, антропоформант, оформляющий фамилии грузин): Черноволосый и кудрявый Вяино получил такое

прозвище, поскольку отличался от белокурых синеглазых карел и больше походил на южанина. На сегодняшний день прозвищное именование функционирует, закрепившись в качестве «уличной» фамилии за внуком Вяйно, ср.: Švilli-Sirkei. В данном случае прозвище уже утратило свою понятийную основу, его значение нейтрализовалось.

Необходимо отметить, что в карельской деревне система прозвищ особенно развита. Создаются они, как правило, на базе лексического состава карельского языка. Как уже было выше отмечено, семантической основой прозвищного наименования является указание на характерное качество называемого лица. Прозвища отмечены эмоционально-экспрессивной окраской. Приведем примеры современных прозвищных именовании карел.

Lihakukko-Jekku: апел. lihakukko 'пирог с мясом', Jekku < Ефим. Ефим отличался крупным телосложением.

Viäräjälgu-Man'a: апел. viäräjälgu 'косолапый, кривоногий', Man'a < Маня, Мария. При ходьбе Мария косолапила.

Hut-hut-Huotari: дескр. hut-hut, huhuttua 'лопотать', Huotari < Фёдор. У Фёдора была своеобразная манера говорить.

Posti-Santra: апел. posti 'почта', Santra < Александра. Эта женщина всю свою жизнь проработала почтальоном.

В современных прозвищах отражается система именования лица в нехристианское время. На это косвенным образом указывают результаты исследования семантического состава упомянутой выше *-l*-овой топонимии Карелии, в основе которой восстанавливается карельский традиционный именовослов (Карлова, 2004).

Подведем итоги. На официальном уровне карелы именуются с помощью трехчленной формулы, которая характерна для русского языка. В системе карельских именовании лица можно выделить несколько типов:

1. Двухчленная конструкция:

- карелизированная форма календарного имени отца + личное имя именуемого;
- карелизированная форма календарного имени матери + личное имя именуемого;
- родовая фамилия нехристианского происхождения + личное имя именуемого;
- родовая фамилия христианского происхождения + личное имя именуемого;
- прозвище + личное имя именуемого.

2. Трехчленная конструкция:

- личное имя предка (деда, прадеда) + имя отца + личное имя именуемого;
- родовая фамилия + имя отца + личное имя именуемого.

Список литературы

ДКШВ – Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.

Картотека ИЯЛИ – топонимическая картотека, хранящаяся в секторе языкознания Института языка, литературы и истории КНЦ РАН.

Карлова О. Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводский государственный университет (рукопись).

Картотека KKS – картотека сектора Словаря карельского языка (Karjalan kielen sanakirja). Исследовательский институт по изучению родных языков (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus). Хельсинки.

ПККЛ – Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 года // История Карелии XVI–XVII вв. в документах. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1987.

ФСКЯ – Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.

Forsman A. V. Tutkimuksia Suomen kansan persoonallisen nimistön alalla. I. Helsinki, 1894.

Kiviniemi E. Rakkaan lapsen monet nimet. Suomalaisten etunimet ja nimivalinta. Espoo, 1982.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1–5. LSFU XVI. Helsinki, 1968–1997.

KMS – *Nirvi R. E.* Kiihtelysvaaran murteen sanakirja. I–VIII. Karjalaisen Kulttuurin Edistämissäätiö. Lappeenranta; Joensuu, 1974–1981.

Lesonen R. Vienan runosukujen suomalaiset lähtöalueet nimistö tietojen valossa. Pro-gradu-tutkielma. Vaasa, 1994.

Reponen A. Lapinjärven pyöliöisten ulkonäöstä ja kauneuskäsityksistä // *Virittäjä*. 1930. № 2. S. 196–198.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU XII. Helsinki, 1955–1981.

SN – Sukunimet / Toim. *Mikkonen P., Paikkala S.* Helsinki, 2000.

Stoebke D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen in Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Hamburg, 1964.

Vilkuna K. Etunimet. Keuruu, 1990.

**ДЕВЕРБАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ
В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**

Морфологический способ словообразования в карельском языке является весьма продуктивным и древним способом словообразования новых слов. Новые существительные в карельском языке активно образуются с помощью суффиксов, которые присоединяются к производящей основе. В зависимости от основы производного слова большинство суффиксальных народных названий болезней карельского языка являются отглагольными (девербальными) названиями, образованными с помощью суффиксов *-us*, *-ys*, *-vus*, *-vys*; *-es*; *-nta*, *-ntä*, *-ndu*, *-ndy*; *-mus*, *-mys*; *-vo*, *-vö*; *-mini*, *-min(e)*; *-jaini*, *-jäini*, *-jaine*, *-jäine*; *-os*; *-e*; *-in*; *-u*.

Все представленные в данной статье карельские народные названия болезней образованы с помощью суффиксов со значением названия или результата действия. Среди них самыми распространенными являются *-us*, *-ys* (*-vus*, *-vys*):

ajotuš ‘нарыв, фурункул’ (KKS, 1, 28) (собств.-кар.) (от глаг. *ajottua* ‘нарывать’);

hivellys ‘вывих’ (KKS, 1, 285) (собств.-кар.) // *hiveldys* (KKS, 1, 285) (ливв.) // *hiveldys* (Virtaranta, 1994, 134) (люд.) (от глаг. *hivelytö* (собств.-кар.) ‘вывихнуть, подвернуть’, *hiveldyö* (ливв., люд.) ‘вывихнуться, подвернуться’);

hullavus ‘паралич’ (KKS, 1, 327) (собств.-кар., ливв.) // *hulvaidus* (SKES, 1, 53) (люд.) (от глаг. *hullavuo* ‘парализоваться’);

häkytys ‘грыжа’ (KKS, 1, 383) (собств.-кар., ливв.) (от глаг. *häkyttiä* ‘надувать грыжу’);

kirveššyš ‘прострел, радикулит’ (KKS, 2, 220) (собств.-кар.) (от глаг. kirvešteä ‘внезапная боль в спине, внезапно начавшийся радикулит’);

kupetus, kubaitus ‘чесотка’ (СКЯ, 1990, 159, 166) (ливв.) (от глаг. kupettua, kubaittua (ливв. ‘чесаться’);

kylmetys (KKS, 2, 514) ‘обморожение’ (ливв.) (от глаг. kylmiä ‘замораживать’);

kylmys ‘обморожение’ (НКК, 1994, 60) (собств.-кар.) ‘обморожение’ (от глаг. kylmyä ‘замерзать’);

tuurdus ‘вывих’ (СКЯ, 1990, 216) (ливв.) (от глаг. tuurduo ‘выворачиваться, вывихиваться’);

oksennus ‘рвота, тошнота’ (KKS, 4, 22) (собств.-кар.) // oksendus (KKS, 4, 22) (ливв., люд.) (от глаг. oksentua (собств.-кар.), oksendua (ливв., люд.) ‘тошнить, рвать’);

ozavus ‘прострел, радикулит’ (СКЯ, 1990, 246) (ливв.) (от глаг. ozata ‘заболеть, получить прострел’);

puhalluš ‘опухоль, жировик’ (KKS, 4, 475) (собств.-кар.) // puhaldus, puhalduz (KKS, 4, 475) (ливв., люд.) (от глаг. puhaltuo (собств.-кар.), puhalduo (ливв., люд.) ‘опухать, отекасть’);

raipravus ‘прострел, радикулит’ (KKS, 5, 14) (собств.-кар., ливв.) // raipraiduz (Kujola, 1944, 350) (люд.) (от глаг. raipata ‘схватить (о боли в пояснице)’);

ryvitys ‘кашель’ (KKS, 5, 216) (собств.-кар., ливв.) (от глаг. rykie (собств.-кар.), rygie (ливв.) ‘кашлять’);

ummotus ‘запор’ (KKS, 6, 411) (собств.-кар.) // uumoituz, ummoituz, uumoituz (KKS, 6, 411) (ливв.) (от глаг. ummoittuo, uumoittuo (?) ‘крепить’).

Параллельно с суффиксами *-is*, *-us* употребляются суффиксы *-es*:

ajoites ‘нарыв, фурункул’ (Маркианова, 1996, 11) (ливв.) (от глаг. ajoittua ‘нарывать’);

guvites ‘кашель’ (KKS, 5, 216) (собств.-кар., ливв.) (от глаг. гукіе (собств.-кар.), гугіе (ливв.) ‘кашлять’);

ummoites ‘запор’ (KKS, 6, 411) (собств.-кар., ливв.) (от глаг. ummoittuo ‘крепить’).

Со значением результата действия в карельских названиях болезней выступают суффиксы *-nta*, *-ntä* (собств.-кар.); *-ndu*, *-ndy* (ливв.):

hullavunda ‘паралич’ (KKS, 1, 327) (ливв.) (от глаг. hullavuo ‘парализоваться’);

rakundu ‘эпилепсия, падучая болезнь’ (ливв.) (от глаг. rakkuo ‘падать, упасть’);

гаірруанду ‘прострел, радикулит’ (ливв.) (от глаг. гаірата ‘схватить (о боли в пояснице)’);

гувінтä ‘кашель’ (KKS, 5, 216) (собств.-кар.) // гувінду, гугінду (KKS, 5, 216) (ливв.) (от глаг. гукіе (собств.-кар.), гугіе (ливв.) ‘кашлять’).

Выступающие в некоторых названиях болезней суффиксы *-tus*, *-tus* являются производными от суффиксов *-ta*, *-tä* + *-us*, *-us* (Накулинен, 1979, 170):

halgelmus ‘перелом, трещина’ (Virtaranta, 1963, 278) (люд.) (от глаг. halleta ‘трескаться’);

katkelmus ‘перелом, трещина’ (KKS, 2, 96) (Kujola, 1944, 115) (ливв., люд.) // katkelmus (люд.) (от глаг. katkeldua ‘переламываться, обрываться’).

Суффиксы *-vo*, *-vö* в карельском языке являются весьма продуктивными, с помощью заднеязычного варианта данных суффиксов образуется, например, такое название болезни, как гаірраво ‘прострел, радикулит’ (KKS, 5, 14) (ливв.) (от глаг. гаірата ‘схватить (о боли в пояснице)’).

Сложные суффиксы *-mini* (собств.-кар.), *-min(e)* (ливв., люд.), состоящие из элементов *-ma*, *-mä* + *-ini*, *-in(e)*, образуют следующие названия болезней:

ajamin(e) ‘нарыв, фурункул’ (KKS, 1, 23) (ливв.) (от глаг. *ajua* ‘нарывать’);

gukimin’i ‘кашель’ (KKS, 5, 208) (собств.-кар.) // *gygimin’e* (KKS, 5, 208) (ливв., люд.) (от глаг. *gukie* (собств.-кар.), *gygie* (ливв., люд.) ‘кашлять’);

syuhyumin’i, *šyuyumin’e*, *šyuyumin’e*, *syuhmine* ‘чесотка’ (KKS, 5, 613) (собств.-кар.) // *syhmin’(e)*, *syhumiine* (KKS, 5, 613) (ливв.) // *šyuhmin’e* (SKES, 4, 1151) (люд.) (от глаг. *syuhyö* ‘чесаться’).

Суффиксы *-jaini*, *-jäini* (собств.-кар.), *-jaine*, *-jäine* (ливв.) выступают лишь в нескольких названиях болезней:

ajajaine ‘нарыв, фурункул’ (СКЯ, 1990, 18) (ливв.) (от глаг. *ajua* ‘нарывать’);

kasvajain’i ‘бородавка’ (KKS, 2, 90) (собств.-кар.) // *kazvajaine* (ливв.) (от глаг. *kasvua* (собств.-кар.), *kazvua* (ливв.) ‘расти, вырасти’).

В образовании составного суффикса *-os* (*-o* + *-s*), возможно, имеет место *s*-овая производная основа от отглагольных имен на *-o* (Накулинен, 1979, 219). Данный суффикс зафиксирован в наименованиях:

ajos ‘нарыв, фурункул’ (KKS, 1, 27) (собств.-кар., ливв.) (от глаг. *ajua* ‘нарывать’);

hullavos ‘паралич’ (KKS, 1, 327) (ливв.) (от глаг. *hullavuo* ‘парализоваться’).

Суффикс *-e* зафиксирован, например, в наименовании *raise*, *paize*, *paize* ‘нарыв, фурункул’ (KKS, 4, 111) (SKES, 2, 462) (от глаг. *raisuo*, *raisota* ‘покрываться нарывами, фурункулами; опухать’).

Суффикс *-in* участвует, например, в образовании лексемы *kazvain* ‘бородавка’ (KKS, 2, 90) (собств.-кар., ливв., люд.) (от глаг. *kazvua* ‘расти, вырасти’).

Переднеязычный вариант суффикса *-и* встречается в лексеме *šuuhy* ‘чесотка’ (KKS, 5, 613) (собств.-кар.) (от глаг. *šuuhyö* ‘чесаться’).

Таким образом, девербальные суффиксы активно используются при образовании новых лексем в карельском языке. Наиболее продуктивными являются такие отглагольные суффиксы, как *-us*, *-us*; *-vus*, *-vus*; *-nta*, *-ntä*; *-ndu*, *-ndy*. При этом в карельском языке от одного глагола с помощью разных суффиксов можно образовать несколько вариантов девербальных наименований болезней. Данные лексемы в карельском языке (равно как и в переводе их на русский язык) обозначают одно и то же заболевание, например:

-) *ajua* ‘нарывать’: *aja-* + суф. *-min(e)* → *ajamin(e)* ‘нарыв’;
aja- + суф. *-jaine* → *ajajaine* ‘нарыв’; *aja-* + суф. *-os* → *ajos* ‘нарыв’;

-) *hullavuo* ‘парализоваться’: *hullavu-* + суф. *-nda* → *hullavunda* ‘паралич’; *hullavu-* + суф. *-us* → *hullavus* ‘паралич’;
hullavu- + суф. *-os* → *hullavos* ‘паралич’;

-) *rykie* / *rygie* ‘кашлять’: *ryvi-* + суф. *.-ys* → *ryvitys* ‘кашель’;
ryvi- + суф. *-es* → *ryvites* ‘кашель’; *ryvi-* + суф. *-ntä* → *ryvintä* ‘кашель’;
ryvi- + суф. *-ndy* → *ryvindy* ‘кашель’; *rygi-* + суф. *-min’i* → *rygimin’i* ‘кашель’;
rygi- + суф. *-min’e* → *rygimin’e* ‘кашель’ и др.

Список литературы

Маркианова Л., Бойко Т. Карельско-русский словарь (ливвиковское наречие). Петрозаводск: Карелия, 1996.

СКЯ, 1990 = Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Otava, 1979.

KKS, 1, 2, 4, 5, 6 = Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. 1968. I osa; 1974. II osa; 1993. IV osa; 1997. V osa; 2005. VI osa.

Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944.

NKK = Näytteitä karjalan kielestä. Joensuu; Petroskoi, 1994.

SKES, 1, 2, 4 = Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SUS, 1978. I osa; 1980. II osa; 1979. IV osa.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Anna Vasiljevna Tšesnakovan kerrontaa ja itkuvirsiä. Helsinki: SUST 218, 1994. VI osa.

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ
ПРЕПОДАВАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ФИНСКОГО ЯЗЫКА
(УРОВЕНЬ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ)**

Специфика социально-педагогического контекста преподавания и изучения финского языка (ФЯ) в Республике Карелия обусловлена взаимодействием и взаимовлиянием таких аспектов, как:

- государственная политика в области языкового образования в целом и в сфере обучения ФЯ в частности;
- место ФЯ в образовательной системе;
- учебно-методическое и материально-техническое оснащение образовательной сферы;
- наличие квалифицированных педагогических кадров;
- наличие учреждений образования;
- характеристики обучающихся как субъектов образовательного процесса.

Рассмотрим далее эти аспекты более подробно. Прежде всего, следует отметить, что ситуацию с преподаванием финского языка можно охарактеризовать как неоднозначную. Во-первых, образовательный контекст преподавания и изучения финского языка в Республике Карелия определялся и определяется до сих пор в первую очередь тем, что финский язык традиционно был неотъемлемой частью системы языковой подготовки как на уровне общего, так и на уровне высшего профессионального образования. Долгое время в силу различных исторических причин финский язык изучался как родной (национальный) язык и, соответственно, в основу обучения была положена методика обучения именно родному языку. Сделаем небольшой экскурс в историю. Нацио-

нальная школа на финском языке появилась в Карелии в 1922 году (Родные языки..., 2000, 15; Карелия в прошлом..., 2005, 193). Однако ухудшение советско-финляндских отношений в конце 1930-х годов привело к запрету финского языка (приказ № 352 от 29 июня 1938 года НКП АКССР). В середине 1940-х годов преподавание языка было ненадолго возобновлено, но уже в середине 1950-х годов изучение финского языка в школах республики было прекращено вновь. Лишь в 1960-е годы заново начинается обучение детей финскому языку в школах. Аналогичная ситуация с преподаванием финского языка прослеживается и в двух вузах РК (Храмцова, 2002).

Новый период в развитии системы обучения финскому языку как родному языку датируется концом 1980-х годов (Родные языки..., 2000, 14), когда начался период возрождения интереса к языкам и культурам малочисленных народов и остро встал вопрос о сохранении национальной самобытности карел, вепсов и финнов, проживающих на территории Республики Карелия.

Данный процесс сопровождался принятием целого ряда важных документов, таких как «Программа обновления и развития национальной школы Карельской АССР» (1990), «Программа возрождения и развития языка и культуры карел, вепсов, финнов Республики Карелия» (1995), «Концепция развития финно-угорской школы Республики Карелия» (1997), Постановление правительства РК «О мерах по совершенствованию обучения карельскому, вепсскому и финскому языкам в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия» (от 21 июня 1999 года), «Положение об общеобразовательной школе с этнокультурным финно-угорским компонентом» (1999) и др.

Постепенно начинает меняться статус финского языка в школах РК, он становится иностранным языком для большинства обучающихся. Так, по данным, представленным Е. И. Клементье-

вым, «к концу 1980-х годов в республике сложилась ситуация, когда язык своей этнической общности в массовых масштабах не роднил карела, вепса, финна со своей национальностью и не мог, естественно, обеспечивать межпоколенную языковую преемственность. По данным переписи 1989 года, национальность и родной язык не совпадали у 52,1% карел, 62,5% вепсов, 65,3% финнов» (Клементьев, электрон. ст.).

Среди молодежи до 20 лет, по сведениям автора (Клементьев, электрон. ст.), абсолютное большинство (более 90%) родным языком считало русский. Это обстоятельство неизбежно повлекло за собой необходимость пересмотра методик преподавания финского языка, формирования новой нормативно-правовой базы обучения финскому языку как иностранному и создание новых учебно-методических материалов по финскому языку как иностранному.

Тем не менее на сегодняшний день в РК существуют различные равноправные модели изучения и преподавания финского языка. Нормативно-правовая база, регламентирующая образовательный процесс в сфере общего образования, представлена следующими документами:

– Региональный (национально-региональный) компонент государственного стандарта общего образования Республики Карелия.

– Республиканский базисный учебный план.

– Примерные программы по родным языкам – карельскому (ливвиковское и собственно-карельское наречие), вепсскому и финскому языкам.

– Примерные программы по финскому языку как второму иностранному (2–11-й кл.).

– Федеральный компонент государственного стандарта общего образования. Иностранный язык (одобрен решением коллегии Минобразования России и Президиума Российской академии образования от 23 декабря 2003 г. № 21/12, утвержден приказом Минобразования России «Об утверждении федерального компонента государственных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования» от 5 марта 2004 г. № 1089).

– Обязательный минимум содержания основного общего образования (приказ МО РФ от 19.05.1998 № 1236).

– Обязательный минимум содержания среднего (полного) общего образования (приказ МО РФ от 30.06.1999 № 56).

– Об изучении редких иностранных языков в системе общего образования (инструктивное письмо Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Минобрнауки России от 13.03.2007 г. № 03-513).

– Примерные программы по финскому языку как первому ИЯ для 5–11-х классов общеобразовательной школы.

Анализ данных документов позволяет прояснить следующие моменты:

– преподавание финского языка теоретически может вестись как в соответствии с Федеральным компонентом государственного стандарта общего образования, обязательными минимумами содержания основного и среднего (полного) общего образования, так и в соответствии с региональным (национально-региональным) компонентом государственного стандарта общего образования Республики Карелия;

– финский язык может теоретически изучаться в качестве родного языка, первого и в качестве второго иностранного языка;

– при изучении финского языка в рамках федерального компонента он рассматривается как предмет, обязательный для изучения;

– в качестве первого иностранного языка финский язык вводится в соответствии с федеральным компонентом стандартов, соответственно теоретически возможно изучение финского языка либо со 2-го, либо с 5-го класса;

– при изучении финского языка с 5-го класса с целью создания для всех обучающихся равных возможностей и достижения запланированного порогового уровня обученности необходимо увеличить количество часов в 5–7-м классах как минимум на 1 час в неделю: соответственно в 5–7-х классах на изучение финского языка выделяется 4 учебных часа в неделю (всего 420 часов), в 8–9-х классах – 3 учебных часа в неделю (210 часов в год);

– в старшей школе финский язык как первый ИЯ может изучаться как на базовом (3 часа в неделю, 210 часов в год), так и на профильном уровне (6 часов в неделю, 420 часов в год).

Финский язык в общеобразовательных учреждениях РК

По данным МО РК, в 2007/08 учебном году преподавание финского языка в Республике Карелия велось в 53 образовательных учреждениях. При этом в 19 школах финский язык изучался как родной, в 22 – как второй иностранный язык. В трех образовательных учреждениях РК велось преподавание финского языка как первого иностранного языка: Калевальская СОШ, гимназия № 17 г. Петрозаводска, а также впервые в 2007/08 учебном году Финно-угорская школа им. Э. Лённрота укомплектовала класс с финским языком как с первым иностранным языком. В 14 образовательных учреждениях финский язык преподавался факультативно в рамках дополнительного образования.

Динамику количественных изменений школ, в которых ведется обучение финскому языку, а также динамику изменения количества школьников, изучающих ФЯ в РК, наглядно демонстрирует таблица. Данные таблицы свидетельствуют о постоянном сокращении не только количества обучающихся, но и количества общеобразовательных учреждений, ведущих подготовку по предмету «Финский язык».

Таблица – Информация об изучении финского языка в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия в 1989–2008 годах

Годы	Количество школ	Количество обучающихся
1989–1990	43	5052
1992–1993	60	8192
1993–1994	81	7348
1994–1995	90	8874
1995–1996	103	13422
1996–1997	94	8469
1997–1998	98	8863
1998–1999	87	8974
1999–2000	92	10340
2000–2001	79	9933
2001–2002	75	9008
2002–2003	65	7875
2003–2004	62	7177
2004–2005	66	7315
2005–2006	64	7177
2006–2007	63	6170
2007–2008	53	5573
2008–2009	53	5416

Педагогические кадры РК

Процесс обучения ФЯ в общеобразовательных учреждениях РК обеспечен педагогическими кадрами в полном объеме. Статистика показывает следующее: финский язык в общеобразователь-

ных учреждениях РК в 2005 году преподавало 119 учителей, в 2006 году – 111, в 2007 году – 101, в 2008 году – 89. Отметим, что 95% учителей финского языка – специалисты с базовым высшим педагогическим образованием, что свидетельствует о высоком профессиональном уровне педагогического потенциала РК.

Учебно-методическая база

Анализ учебно-методической базы преподавания финского языка в общеобразовательных учебных заведениях показал:

- учебно-методические комплекты по финскому языку отсутствуют как таковые: из средств обучения представлен лишь один учебник (без книги для учителя, рабочей тетради, аудиоприложения и др.);

- основу учебно-методической базы обучения финскому языку составляют отечественные учебники, изданные в 1970–1980-е годы, исключением является учебник: Лейбонен Э. Н. Финский язык: Учебник для 4-8-х классов общеобразовательных учреждений. Петрозаводск: Карелия, 2000. 191 с.

Положительными изменениями в плане обеспечения школ учебными материалами можно считать изданные в последние годы следующие пособия:

– Kirjoituskirjaimet harjoitusvihko: 2. luokka / Сост. Е. Волокославская, Е. Семёнова, А. Кошелева. Петрозаводск: Verso, 2007.

– Suomen kielen oppikirja 1: Учебник для 1-го класса общеобразовательных учреждений / Klara Gruzova, Svetlana Korobeinikova, Klara Juntunen. Петрозаводск: Периодика, 2008.

– Богданова Е. Г., Грузова К. И., Храмцова О. А. Финский язык. 5-й класс: Учебное пособие для учащихся общеобразовательных учреждений. М.: Вентана-Граф, 2008.

В настоящее время ведется работа по созданию учебника финского языка для 2-го класса (второй год обучения), УМК по финскому языку для 5, 6-х и 7-х классов общеобразовательной школы (первый, второй и третий годы обучения), включающих учебник, книгу для учителя и аудиоприложение.

Обучающиеся как субъекты образовательного процесса

В начале текущего учебного года по совместной инициативе регионального общественного объединения «Ассоциация учителей финского языка Республики Карелия», МО РК и КГПУ было проведено анкетирование школьников и их родителей. Основная цель анкетирования заключалась в выявлении существующих проблем в сфере изучения и преподавания финского языка в общеобразовательных учреждениях РК.

Всего в анкетировании приняло участие 204 родителя и 389 учеников 1–11-х классов.

Анкетирование родителей

Родителям было предложено ответить на следующие вопросы:

1. К какой национальности Вы себя относите?
2. Общаетесь ли Вы на финском языке?
3. С желанием ли приступил Ваш ребенок к изучению финского языка?
4. С желанием ли Ваш ребенок изучает финский язык сейчас?
5. Для чего Ваш ребенок изучает финский язык?
6. Ваши пожелания и замечания.

Результаты анкетирования родителей показали следующее:

– Большинство родителей отнесли себя к русским по национальности (75%). Финнами по национальности являются 12,5% родителей, карелами – 12,5%.

– Подавляющее большинство родителей не общаются на финском языке (73%). Из тех, кто ответил положительно на второй вопрос анкеты, 44% использует финский язык в поездках по Финляндии, 27% общается на финском языке в семье, 10% читают газеты на финском языке, 7% смотрят и слушают передачи ГТРК «Карелия» на финском языке, 10% обучаются на курсах финского языка.

– Большинство родителей (80%) считают, что их дети с желанием приступили к изучению финского языка и продолжают с желанием его изучать в настоящее время (86%). Тем не менее 20% родителей (пятая часть) высказали мнение, что на начальном этапе ребенок не выразил большого желания изучать финский язык. Однако процент незаинтересованных в изучении ФЯ школьников, по мнению родителей, сократился в процессе изучения языка до 14%, что является положительной тенденцией и можно предположить – заслугой учителя ФЯ.

– По мнению родителей, дети изучают ФЯ для того, чтобы использовать его в Финляндии (30%), для общего развития (23%), ФЯ может пригодиться в будущем (16%), для применения в будущей профессиональной деятельности (11%). Менее многочисленными были такие варианты ответов, как: для общения (свободно говорить) – 5%, для продолжения образования в Финляндии – 5%, обязательный школьный предмет – 4%, для переезда в Финляндию – 2%, для сохранения традиций (язык предков) – 2%, выбор ребенка – 1%, чтобы знать – 1%.

– Свои предложения и замечания к процессу обучения ФЯ своих детей высказала одна треть родителей, треть проигнорировала вопрос, и одна треть ответила, что пожеланий и замечаний нет. Из ответивших на данный вопрос анкеты большинство родителей хотели бы, чтобы их дети имели больше разговорной прак-

тики (70%), могли бы выезжать в Финляндию для общения со сверстниками.

В качестве конкретных пожеланий указываются предложения по организации международных обменов и проведения языковых лагерей. Основными замечаниями являются: отсутствие учебников, аудиокурсов, постоянная смена учителей, использование устаревшей методики преподавания. Некоторые родители высказывали благодарность и признательность учителям: «Молодцы!», «Большое спасибо!», «Так держать!» Среди единичных предложений и замечаний были такие, как: «Больше требовать», «Организовывать вводные занятия для родителей по вопросам изучения ФЯ», «Проводить факультативы, кружки», «Театральные постановки, сценки».

Анкетирование школьников

Школьникам были предложены следующие вопросы:

1. К какой национальности ты себя относишь?

а) карел

б) вепс

в) финн

г) русский

д) прочее (указать свой вариант)

2. Общаешься ли ты на финском языке помимо школы?

1. *ДА*

а) дома в семье

б) с друзьями

в) смотрю передачи ГТРК «Карелия»

г) читаю газеты и журналы на финском (карельском, вепсском) языке

д) прочее (указать свой вариант)

2. *НЕТ*

3. С желанием ли и интересом ты приступил к изучению финского языка?

- а) ДА*
- б) НЕТ*

4. С желанием ли и интересом ты изучаешь финский язык сейчас?

- а) ДА*
- б) НЕТ*

5. Для чего ты изучаешь финский язык?

6. Связываешь ли ты свое будущее с финским языком?

- а) ДА*
- б) НЕТ*

в) затрудняюсь ответить

Результаты анкетирования детей показали следующее:

– национальная палитра среди школьников представлена следующим образом: 82% – русские, финны – 9%, карелы – 5%, вепсы – 2%, украинцы – 2%;

– финский язык не используют в качестве средства общения 36% детей. Большинство детей (64%) общаются на финском языке в Финляндии (65%), в семье – 13%, читают газеты на финском языке – 13%, смотрят и слушают финноязычные передачи – 5%, общаются с репетитором – 4%;

– большинство детей с желанием приступили к изучению ФЯ (86%). Однако в настоящее время данный показатель снизился до 80%, то есть у 6% школьников мотивация к изучению ФЯ с течением времени исчезла.

Основными мотивами изучения ФЯ в детской среде являются такие мотивы, как: общение с финнами в Финляндии и в России (21%), переезд в Финляндию (14%), учеба в Финляндии (13%), поступление в вуз (9%), возможность путешествовать (9%), сохранение традиций (8%), обязательность ФЯ как школьного предмета

(6%), важность владения ИЯ в современном мире (5%), пригодится в жизни (6%), для себя (3%), не знаю (0,5%), просто так (0,5%).

В целом результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Финский язык в Республике Карелия функционирует и как родной, и как иностранный, что необходимо принимать во внимание при проектировании образовательной среды и образовательной системы в целом.

2. Значительная часть родителей принимает в той или иной форме участие в учебно-воспитательном процессе, связанном с обучением их детей ФЯ. Следовательно, необходимо принимать во внимание мнение родителей, привлекать их к решению вопросов, касающихся изучения и преподавания ФЯ, разрабатывая различные формы сотрудничества.

3. При организации обучения школьников финскому языку необходимо учитывать их высокий интерес к овладению языком и стимулировать повышение мотивации к предмету.

4. Кроме того, следует принимать во внимание то, что высокая мотивация школьников, обусловленная конкретными прагматическими установками, может способствовать более эффективному овладению финским языком. В этой связи процесс обучения финскому языку должен иметь явную практическую направленность и носить ярко выраженный коммуникативно-когнитивный характер, что, в свою очередь, предполагает использование современных учебных материалов, технологий и методик обучения.

5. В ситуации реальной востребованности ФЯ необходимо активизировать работу по созданию благоприятных условий для изучения ФЯ в РК, а именно: расширение возможностей изучать ФЯ на всех ступенях образования (включая дошкольное), в различных образовательных учреждениях, с использованием вариативных моделей изучения ФЯ (как родного, как первого ИЯ, как

второго ИЯ). Для получения желаемых результатов следует продолжать более активную политику модернизации нормативно-правовой, учебно-методической и материально-технической базы преподавания финского языка в РК.

Консолидация усилий всех заинтересованных сторон, более активная гражданская позиция участников образовательного процесса, постоянный информационный обмен внутри педагогического сообщества, а также более инициативная и конструктивная деятельность КРОО «Ассоциация учителей финского языка Республики Карелия» смогут внести реальные изменения в сложившуюся ситуацию в целях совершенствования всей системы обучения ФЯ в РК.

Список литературы

Карелия в прошлом и настоящем: Пробное учеб. пособие для общеобразоват. учреждений Республики Карелия / М. И. Шумилов и др. Петрозаводск: Verso, 2005. 320 с.

Клементьев Е. И. В поисках правовой защиты культурно-языковых интересов карел, вепсов, финнов Республики Карелия: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n11/10/#_ftnref71)

Родные языки в школе. Петрозаводск: Периодика, 2000. Вып. 1. 32 с.

Храмцова О. А., Руханен Л. О. Финский язык в КГПУ // Педагогический вуз в XXI веке: Материалы международной конференции 13–15 ноября 2001 года / КГПУ. Петрозаводск, 2002. С. 86–90.

**ОРГАНИЗАЦИЯ УСТНОГО ВВОДНОГО КУРСА ФИНСКОГО
ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ НАЧАЛЬНОЙ
ШКОЛЫ**

В связи с тем что программа преподавания ставит во главу угла коммуникативную направленность обучения ИЯ, особенно важной можно считать оптимальную организацию устного вводного курса обучения. Многие школы сейчас заинтересованы в раннем обучении школьников финскому языку, на этом часто настаивают и родители. Так, например, во многих школах республики преподавание финского языка, наряду с родными языками (карельским и вепским), начинается с первого класса. Здесь стоит отметить особо то, что главное в данном случае – именно родительская мотивация, четкая мотивированность учащихся не проявляется до тех пор, пока не началось обучение. Проблема мотивации в изучении финского языка в Карелии – тема отдельного разговора, поэтому в данной статье лишь обозначим ее.

Раннее обучение иностранным языкам создает определенные трудности для учителей и родителей, поскольку отсутствие в подавляющем большинстве случаев языковой среды оказывает негативное влияние на усвоение пройденного на уроке материала.

Программа обучения финскому языку ставит перед учителем цель научить школьников свободной коммуникации на финском языке, но возможна ли она без языковой среды и без применения языка вне стен учебного кабинета? В следующем учебном году предполагается открытие на базе детского объединения № 107 языковой группы «Kielipesä», где будут работать с детьми, в семьях которых говорят или хотят говорить по-фински. Это дает право

надеяться, что в будущем в школах с углубленным изучением финского языка может появиться большее количество детей, свободно владеющих финским языком.

Пока мы ставим перед собой задачу изучения и оптимизации процесса обучения говорению первоклассников, не владеющих финским языком.

В связи с тем что обучение в школе начинается с 5–7 лет, у учителя, преподающего финский язык в первом классе, возникают определенные трудности, связанные с психологическими особенностями первоклассников. Переходя из детского сада в школу, ребенок сталкивается с новыми для него занятиями и распорядком дня, с необходимостью запоминать и усваивать гораздо большее количество материала. По данным физиологов, к 7 годам кора головного мозга является в значительной степени зрелой, но наиболее важные отделы головного мозга, отвечающие за программирование, регуляцию и контроль сложных форм психической деятельности, еще не сформировались окончательно. Вследствие этого младшие школьники легко отвлекаются, не способны к длительному сосредоточению, возбудимы, эмоциональны, быстро утомляются. В 7 лет в организме ребенка происходит эндокринный сдвиг, сопровождаемый бурным ростом всех систем организма. Это значит, что кардинальное изменение в системе социальных отношений совпадает с периодом перестройки всех систем и функций организма. Однако, несмотря на все осложнения, физиологический криз во многом способствует успешной адаптации ребенка в новых условиях. Это объясняется тем, что происходящие изменения отвечают повышенным требованиям новой ситуации.

Начало обучения в школе ведет к коренным изменениям в социальной жизни ребенка. Он становится «общественным» субъ-

ектом и имеет теперь социально значимые обязанности, выполнение которых получает общественную оценку. Кроме того, познавательные процессы ребенка становятся осознанными и произвольными. Ребенок учится овладевать и управлять своим вниманием, памятью, мышлением и т. д.

В традиционной детской психологии принято считать, что для детей 6–10 лет характерно лишь наглядно-образное мышление, опирающееся на конкретные представления об окружающих предметах. Это справедливо лишь для тех детей, мышление которых формируется при начальном обучении, решающем изолированные эмпирико-прагматические задачи. В условиях же современной школы у учащихся обнаруживаются более широкие познавательные возможности: формируются простейшие приемы отвлеченного мышления, вскрывающего причины наблюдаемых явлений и дающего им объяснение.

В связи со всем вышесказанным обучение говорению на начальном этапе, безусловно, должно иметь коммуникативную направленность. Но вначале рассмотрим собственно понятие «говорение».

Говорение – продуктивный вид речевой деятельности, посредством которого (совместно с аудированием) осуществляется устное вербальное общение. Содержанием говорения является выражение мыслей в устной форме. В основе говорения лежат произносительные, лексические и грамматические навыки.

Психологическая структура акта говорения включает четыре фазы:

1) побудительно-мотивационную, при которой проявляется потребность человека в общении под влиянием определенного мотива и при наличии определенной цели высказывания;

2) аналитико-синтетическую, представленную в виде свернутых умственных действий по программированию и формулиро-

ванию мыслей (здесь функционирует механизм внутреннего оформления высказывания, обеспечивающий выбор слов и грамматическое прогнозирование);

3) исполнительную – звуковое и интонационное оформление мысли (на начальном этапе обучения переход программы высказывания к ее исполнению происходит через родной язык);

4) контролирующую, задача которой – сигнализировать о возможных ошибках и способствовать их исправлению; контроль предполагает наличие у говорящего эталона, формирующегося в результате языковой практики и сличения собственной речи с эталоном (Пассов, 1985).

Для обучения говорению предназначены специальные упражнения, подразделяющиеся на подготовительные и речевые. Навыки и умения неподготовленной речи, ее реактивность, спонтанность вырабатываются в диалоге; умения и навыки подготовленной речи с ее инициативностью, логичностью, последовательностью – в монологе.

Диалогическая речь – форма речи, при которой происходит непосредственный обмен высказываниями между двумя или несколькими лицами. Условия, в которых протекает диалогическая речь, определяют ряд ее особенностей, к которым относятся: краткость высказывания, широкое использование неречевых средств общения (мимика, жесты), большая роль интонации, разнообразие особых предложений неполного состава, свободное от строгих норм книжной речи синтаксическое оформление высказывания, преобладание простых предложений. Единицей обучения диалогической речи является диалогическое единство (микродиалог) – несколько реплик, связанных по содержанию и по форме. Обучение диалогической речи строится на основе образца, данного в

виде диалогического текста, связанного с ситуацией, в которой происходит общение.

Основными этапами обучения диалогической речи на уроке являются:

а) презентация ситуации с помощью словесного объяснения или технических средств обучения;

б) презентация диалога в звуковой и графической форме; усвоение языкового материала диалога;

в) усвоение способов связи реплик в диалоге;

г) воспроизведение диалога;

д) расширение возможностей диалога-образца за счет изменения компонентов ситуации.

Монологическая речь есть форма речи, обращенная к одному или группе слушателей (собеседников), иногда – к самому себе; в отличие от диалогической речи она характеризуется своей развернутостью, что связано со стремлением широко охватить тематическое содержание высказывания, с наличием распространенных конструкций, грамматической их оформленностью.

Монологическая речь используется с разной коммуникативной целью:

– для сообщения информации, для воздействия на слушателей путем убеждения,

– для побуждения к действию или его предотвращения.

Говорение есть выражение своих мыслей для решения задач общения. Это деятельность одного человека, хотя она включена в общение и немислима вне него, ибо общение – это всегда взаимодействие с другими людьми.

Посмотрим теперь с этой точки зрения на то, каким же должен быть процесс обучения иноязычному говорению. Немаловажную роль играет понимание учителем собственной роли в процессе учебного общения. Между учителем и учащимся должны уста-

новиться какие-либо взаимоотношения, кроме официальных, т. е. общение должно быть не ролевое (учитель – ученик), а общение индивидуальностей, которые видят друг в друге речевого партнера.

Мотив общения может появиться лишь тогда, когда возникнет потребность в подлинном общении.

Современное преподавание иностранного языка базируется на методе коммуникативности.

Каковы же принципы коммуникативного метода?

1. *Принцип речевой направленности.* Речевая направленность учебного процесса заключается не столько в том, что преследуется речевая практическая цель, сколько в том, что путь к этой цели есть само практическое пользование языком. Речевая направленность предполагает некоторую степень подобия упражнений речи. Все они должны быть упражнениями не в проговаривании, а в говорении, когда у говорящего есть определенная задача и когда им осуществляется речевое воздействие на собеседника.

Принцип речевой направленности предполагает также использование коммуникативно-ценного речевого материала. Использование каждой фразы должно быть оправдано соображениями коммуникативной ценности для предполагаемой сферы общения (ситуации) и для данной категории учащихся. Не последнюю роль здесь также играет речевой характер урока.

2. *Принцип индивидуализации при ведущей роли ее личностного аспекта.* Индивидуализация учитывает все свойства ученика как индивидуальности: его способности, умения осуществлять речевую и учебную деятельность и главным образом его личностные свойства. Индивидуализация является главным реальным средством создания мотивации и активности. Свое отношение к среде человек выражает в речи. А так как это отношение всегда

индивидуально, то индивидуальна и речь. При обучении иноязычной речи индивидуальная реакция возможна в том случае, если стоящая перед учеником речевая задача будет отвечать его потребностям и интересам как личности. Любое высказывание ученика должно быть по возможности естественно-мотивированным.

3. *Принцип функциональности.* Любая речевая единица выполняет в процессе коммуникации какие-либо речевые функции. Нередко после курса обучения учащиеся, зная слова и грамматические формы, не могут использовать все это в говорении, т. к. не происходит переноса (при предварительном заполнении слов и форм в отрыве от выполняемых ими речевых функций слово или форма не ассоциируются с речевой задачей).

Функциональность определяет, прежде всего, адекватный процессу коммуникации отбор и организацию материала. Приближение к нуждам коммуникации возможно только при учете речевых средств и организации материала не вокруг разговорных тем и грамматических явлений, а вокруг ситуаций и речевых задач. Необходимо также единство лексической, грамматической и фонетической сторон говорения.

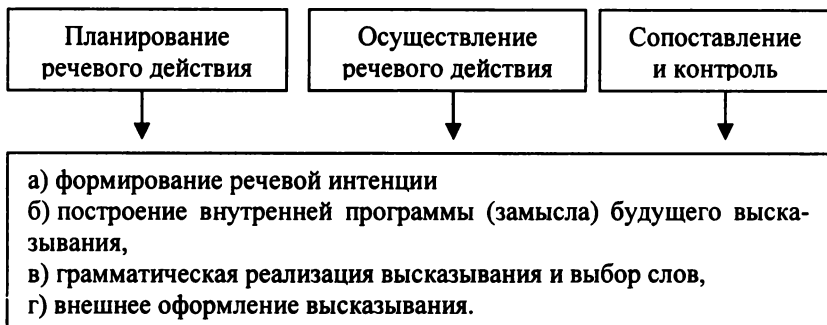
4. *Принцип новизны.* Процесс общения характеризуется постоянной сменой темы разговора, обстоятельств, задач и т. д. Новизна обеспечивает гибкость речевых навыков, без чего их перенос невозможен, а также развитие речевого умения, в частности его динамичности (методически неподготовленной речи), способности перефразировать (качество продуктивности), механизма комбинирования, инициативности высказывания, темпа речи и особенно стратегии и тактики говорящего. Для этого необходимо постоянное варьирование речевых ситуаций (Шубин, 1975).

5. *Принцип ситуативности.* Ситуативность как принцип в общих чертах означает, что все обучение говорению происходит на основе и при помощи ситуаций. К тому же определение поня-

тия «ситуация» в коммуникативном методе существенно отличается от известных определений.

Уже упоминалось то, что говорение представляет собой вид речевой деятельности, посредством которого (совместно со слушанием) осуществляется устное вербальное общение.

А. А. Леонтьев представляет структуру речевого действия как взаимоотношение трех фаз:

На основе мотива и других факторов формируется речевое намерение, которое опосредуется речевым, субъективным (предметным) кодом и формируется как замысел (или программа) речевого высказывания. В этих компонентах отсутствуют еще сведения о грамматической структуре и всех последующих компонентах производства речи.

На начальном этапе обучения иностранному языку перевод программы говорения в собственно языковую форму отличается от такого перевода на родном языке и производится по схеме: программа – высказывание на родном языке – высказывание на иностранном языке.

Каковы же основные задачи говорения на начальном этапе? Общие умения, свидетельствующие о взаимодействии различных видов речевой деятельности, рассматриваются (Гальскова, 1995)

на сенсорно-перцептивном уровне, формирование которого происходит на начальном этапе.

Например, умения: 1) соотносить акустические (при слушании и говорении) и зрительные (при чтении и письме) образы с семантикой; 2) коррелировать скорость аудирования (чтения) в зависимости от условий восприятия и целевой установки; 3) проявлять гибкость в восприятии и переработке информации в зависимости от трудности речевого сообщения; 4) автоматически применять правила, накопленные в долговременной памяти; 5) пользоваться ориентирами восприятия и порождения речи; 6) преодолевать направленность внимания на артикуляцию; 7) широко пользоваться прогнозированием на уровне языковой формы и содержания; 8) использовать сенсорно-перцептивную базу родного языка в иностранном языке и др.

Для ребенка язык, которым он овладевает пусть даже в отрыве от естественной языковой среды, является не системой знаков, правил или речевых образцов, а инструментом, позволяющим ему осуществлять свои намерения, удовлетворять интеллектуальные и эмоциональные потребности, достигать практического результата (узнать что-либо новое, совместно сделать что-либо и т. д.). Выполняемые языком в жизни ребенка функции многообразны, и все они должны быть представлены в учебном процессе:

Язык	Функция
Средство выражения собственной индивидуальности, сходство с окружающими и отличия от них	«Это – я»
Средство удовлетворения материальных потребностей ребенка	«Дай мне!»
Средство, контролирующее поведение самого ребенка и его парт-	«Делай, что я тебе говорю»

нера по общению	
Средство познания окружающей действительности	«Почему?»
Средство, с помощью которого ребенок может «построить» свой собственный мир, представить его и «разыграть»	«Представь себе»
Средство, позволяющее сообщать, передавать то или иное содержание	«Я должен тебе что-то сказать»

Конкретизация целей (задач) обучения говорению осуществляется по этапам. Каждый этап обучения имеет свои задачи и является очередной ступенькой в овладении учащимися основами иноязычной коммуникативной компетенции.

При этом важно заметить, что на начальном этапе в силу возрастных особенностей детей-первоклассников, а также по причине того, что в первом классе проводится обучение школьников родному алфавиту и чтению на родном языке, вся работа на уроке иностранного языка строится на устной основе с акцентом на игровую мотивацию обучаемых. В результате у детей формируется коммуникативное ядро – первичные навыки и умения иноязычного общения.

Наряду с учебной деятельностью значительное место в жизни младшего школьника занимают игры, особенно игры с правилами. Участие в них способствует формированию у детей произвольности поведения, положительно влияет на физическое и нравственное развитие.

Обучение говорению на начальном этапе представляет достаточную сложность для учителей и, тем более, для учащихся.

Множество факторов влияют на активность и желание учащихся участвовать в разговоре не родном языке, не говоря уже об иностранном. Российская методика преподавания ИЯ выделяет следующие проблемы, возникающие у изучающих иностранный язык: во-первых, во многих случаях молчание на уроке учащиеся стесняются говорить по-фински, поскольку боятся обнаружить незнание определенных грамматических правил или нехватку лексики, необходимой для выражения мысли на финском языке; во-вторых, может быть предъявлена для обсуждения тема на каком-либо возрастном этапе, по которой у учащихся могут просто отсутствовать знания, либо они могут быть морально не готовы к обсуждению предлагаемой проблемы. В результате учащиеся молчат потому, что им просто нечего сказать.

Эти психолого-педагогические положения были учтены авторами нового учебника финского языка для 1-го класса школ с углубленным изучением финского языка. Учебник и прилагаемые к нему методические материалы являются вариантом устного вводного курса, рассчитанного на 30 часов (количество часов соответствует программе преподавания финского языка в 1-м классе). Учебник и методические материалы к нему разрабатывались по заказу Министерства образования РК.

Перед коллективом авторов Министерством образования РК была поставлена следующая задача: исходя из того что дошкольный уровень поступающих в школу детей далеко не равномерен – часть их умеет читать и писать по-русски, часть не умеет, было предложено не вводить в первом классе обучение чтению и письму и ограничиться только обучением говорению. Естественно, учителя начальной школы в первую очередь стараются научить не умеющего еще читать и писать по-русски школьника навыкам чтения и письма на родном языке, и только потом уже необходимо начинать обучение чтению и письму на уроках финского языка.

В связи с ограниченностью во времени (программой предусмотрено всего 33 учебных часа в 1-м классе) коллективом авторов было принято решение обратить основное внимание на 4 функции языка из 6: «Это – я», где помимо осознания индивидуальности перед ребенком стоит задача установления первичного контакта с собеседником; «Я хочу, дай мне», где наряду с удовлетворением собственных материальных потребностей ребенку прививается желание поделиться с собеседником; «Делай, что я тебе говорю», где перед ребенком стоит задача и морального выбора – «помоги другу». Функция же «Я должен тебе что-то сказать» представлена довольно поверхностно в связи с тем, что первоклассник еще не имеет достаточного инструментария для продолжительного монологического высказывания, однако уже может рассказать, что у него есть, и дать примитивное описание предмета.

Естественно и то, что авторами было выбрано обучение диалогу как первичная цель обучения ФЯ. Диалог наиболее отвечает коммуникативной направленности обучения и, что самое главное, стимулирует ребенка и мотивирует его общение на финском языке.

Для того чтобы иметь представление о возможных путях реализации задач общения, помимо коммуникативных ситуаций, сфер, оформления коммуникативных задач, даны примерные стимулы для оформления разных типов высказываний, таких как диалог-расспрос, диалог-«этикет» и др. Например, для решения задачи «Установить контакт с партнером по общению» такими стимулами могут быть следующие: «Представься, скажи, как тебя зовут. Если тебе нужно срочно уйти, извинись и попрощайся», «Представь его (ее) своим друзьям, родителям», «Поздравь его (ее) с...», «пожелай ему (ей)...». Уже по окончании *второго* урока первоклассники могут вести элементарный диалог:

– Päivää!

- Päivää!
- Kuka sinä olet?
- Minä olen Mari. Kuka sinä olet?
- Minä olen Maksim.
- Näkemiin.
- Hei-hei!

Третий, четвертый, пятый и шестой уроки посвящены отработке конструкций *Minulla on... ja Mitä sinulla on?* Кроме того, вводится лексика, касающаяся игровой и учебной тематики (ребенку на данном возрастном этапе интереснее уметь называть предметы, находящиеся в непосредственной близости от него, предметы, которые окружают его дома и в школе. В этом случае на уроке он сможет осуществлять общение, обусловленное реальной ситуацией). Поскольку память первоклассника еще не достаточно развита, авторы предлагают постоянное возвращение к пройденному лексическому материалу и изученным ранее конструкциям с помощью игр, развивающих долговременную память и оптимизирующих усвоение материала. Например:

1. Поиграем. Ты начинаешь фразу: *Minulla on...*, а одноклассники продолжают ее, добавляя каждый по одному названию предмета.

2. Разыграй диалог: а) между тобой и бабушкой (бабушка хочет узнать, что у тебя в портфеле); б) между тобой и учителем.

3. Представь, что ты забыл сегодня ручку дома. Можно попросить ее у друга, если у него есть запасная. Как это сделать? Как узнать, есть ли у друга нужный тебе предмет? Как попросить дать его тебе? Учитель тебе поможет (*Suomen kielen oppikirja*, 2008, с. 15).

Последнее задание может служить также примером, в котором осуществляется принцип проблемного обучения.

С *седьмого* по *девятый* уроки ребята знакомятся с названиями животных и учатся называть цвета, благодаря чему на *девятом* уроке уже можно поиграть в лесную школу:

«Ты работаешь учителем в школе, куда приходят учиться зверята. Они все пришли в школу первый раз. Учитель знакомится с учениками. Он спрашивает, как их зовут, что и какого цвета у них есть» (Suomen kielen oppikirja, 2008, с. 22).

Через каждые 9 уроков учитель проводит обязательные 1–2 урока повторения, на которых в игровой форме закрепляет изученный материал. Например: «Встаньте в круг. Представьте, что каждый из вас ученик школы, где учатся зверята. Скажите соседу слева, кто вы, что у вас есть и какого цвета» (Suomen kielen oppikirja, 2008, с. 24). В данной игре от ребят требуется умение пользоваться изученным материалом и сказать следующие фразы: *Huvää päivää! Minä olen musta kissa. Minulla on punainen vihko.*

Проверяются также коммуникативные навыки: «Если в класс придет новый ученик, как с ним можно поздороваться, что у него можно спросить, как его можно поблагодарить за ответы на вопросы?»

Предлагаются игры на тренировку памяти:

1. Хорошая ли у тебя память? Посмотри, в какой последовательности нарисованы игрушки около девочки. А теперь закрой книжку и перечисли игрушки по порядку.

2. Посмотри и запомни, в какой последовательности стоят игрушки на подоконнике. Закрой картинку и перечисли их по порядку.

3. Игра «Отгадай игрушку».

Ведущий прячет игрушку, ребята стараются отгадать ее название. Тот, кто угадает, становится ведущим.

Игры на тренировку внимания:

1. Какие игрушки ты нарисовал для Нонны? Покажи и назови их.

2. Игра «Будь внимателен».

Разделитесь на 2 команды. Взяв рисунки, встаньте напротив друг друга. Участники одной команды быстро показывают рисунки и называют их иногда правильно, а иногда нет. Участники другой команды отвечают «Да» или «Нет». Затем команды меняются ролями.

Ведущий подсчитывает очки.

В учебнике авторский коллектив освещает грамматические и лексические темы, предусмотренные школьной программой. Основой обучения ИЯ на данном этапе является осознание мира вокруг ученика. К сожалению, малое количество часов позволило обратить внимание лишь на сферу игр и учебы ребенка. Такая важная тема, как «Семья», осталась практически полностью за рамками курса, присутствуя в материале учебника лишь фрагментарно.

Подводя итог, важно отметить, что так как начальная школа является первым звеном в общей системе школьного образования, то ее задача – заложить основы коммуникативной компетенции, позволяющие осуществлять иноязычное общение и взаимодействие детей.

Список литературы

Suomen kielen oppikirja 1. / K. Gruzova, S. Korobeinikova, K. Juntunen. Петрозаводск: Периодика, 2008.

Гальскова Н. Д., Чепцова М. Б. Цели и содержание обучения говорению в начальной школе // ИЯШ.1995. № 2.

Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иностранному языку. М., 1985.

Шубин У. П. Языковая коммуникация и обучение иностранным языкам. М., 1972.

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА СТУДЕНТОВ
ПО ВЫЯВЛЕНИЮ, СИСТЕМАТИЗАЦИИ
И ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМУ ОПИСАНИЮ ЛЕКСИКИ
С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ
СЕМАНТИКИ**

Идеи связи языка и культуры высказывались еще к XVIII веку, однако целенаправленное изучение этой проблемы началось только в конце прошлого века. По словам А. А. Реформатского: «Национальный язык есть форма национальной культуры. Он связан с культурой и немыслим вне культуры, как и культура немыслима без языка» (Реформатский, 2003, 23). Согласно Д. С. Лихачеву, язык выступает «неким концентратом культуры нации, воплощенной в различных группах данного культурно-языкового сообщества» (Лихачев, 1996, 28). В настоящее время в отечественном языкознании все большее внимание уделяется рассмотрению проблемы соотношений языка и культуры в плане их национальной специфики. Как известно, язык является универсальным средством общения, который возникает и развивается в обществе. Процессы взаимодействия и интернационализации культур получают свое выражение в формировании интернациональной лексики. Однако национальная культура обладает своими национальными единицами лексико-семантического уровня языка. Таким образом, изучение иностранного языка не может ограничиваться его знаковой системой, так как любой язык несет в себе информацию о культуре, истории и традициях страны. На практике овладение иностранным языком связано с приобщением к иноязычной культуре. Идея о связи языка и культуры, о том, что язык воплощает в себе своеобразие целого народа, получила продолжение в

исследованиях по лингвострановедению (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Г. Д. Томахин, В. В. Ощепкова), лингвокультурологии (В. В. Воробьев, В. Н. Телия), межкультурной коммуникации (С. Г. Тер-Минасова), этнолингвистике, социоллингвистике и др.

Лингвострановедение – раздел науки о языке, с одной стороны, включающий обучение языку, а с другой – дающий определенные сведения о стране изучаемого языка, при этом иностранный язык изучается в сопоставлении с родным языком. Наряду с овладением иностранным языком происходит усвоение культурологических знаний и формирование способности понимать ментальность носителей другого языка. Лингвострановедение, являясь филологической дисциплиной, преподается не только как отдельный предмет, а получение лингвострановедческой информации происходит также на занятиях по практике языка в процессе работы над семантикой языковой единицы. Главная цель лингвострановедения – обеспечение коммуникативной компетенции в актах межкультурной коммуникации, что предполагает необходимость формирования у обучаемого лингвострановедческой компетенции. «Лингвострановедческая компетенция представляет собой способность осуществлять межкультурную коммуникацию, основываясь на определенном запасе фоновых знаний, знаниях о национально-культурных особенностях языковых и речевых явлений, навыках и умениях адекватно интерпретировать и употреблять правила речевого и неречевого поведения и сопоставлять феномены родной и иноязычных культур для достижения взаимопонимания в ситуациях межкультурного общения» (Тополева, 2005, 88).

Чаще всего под фоновыми подразумеваются страноведческие знания, включающие общие сведения о культуре страны, которыми располагают все члены определенной исторической общности. Основной лингвострановедческой задачей является изуче-

ние языковых единиц, в которых наиболее ярко отражаются национальные особенности культуры народа – носителя языка. Согласно Г. Д. Томахину, «...перед тем как приступить к обучению языку, необходимо сравнить не только системы языков (родного и изучаемого), но и обслуживаемые ими культуры, причем не просто культуры как таковые, но как культуры, выраженные в семантике языковых единиц» (Томахин, 1995, 57). Лексика с национально-культурным компонентом представляет собой одну из категорий содержания лингвострановедческого материала. В научной литературе нет единого мнения о том, какие лексические единицы следует включать в состав лексики с национально-культурной семантикой, используется большое количество дублирующих друг друга терминов: «реалии» (Г. Д. Томахин), «безэквивалентная лексика», «фоновая лексика», «лакуны» (В. И. Жельвис, Н. В. Чичерина), «внекультурная лексика» (В. В. Кабакчи), «лингвокультурема» (В. В. Воробьев, Л. Г. Веденина) и др. Номинативные единицы языка часто обладают экстралингвистическим содержанием, т. е. они непосредственно отражают обслуживаемую языком национальную культуру. Эта часть значения слова, восходящая к истории, географии, религии, фольклору, т. е. к культуре страны, называется национально-культурным компонентом, а номинативные единицы языка, содержащие такой компонент, принято называть лексикой с национально-культурным компонентом семантики, или лингвострановедчески-ценной лексикой.

Проблема отбора и классификации лексики с национально-культурным компонентом связана с проблемой реалий. Существует двоякое понимание этого явления: реалия – предмет, понятие, явление, характерное для истории, культуры, уклада жизни того или иного народа и не встречающееся у другого народа; и реалия – слово, т. е. языковая единица, обозначающая такие явления, предметы и понятия. Таким образом, реалии – это слова, которые обо-

значают предметы, понятия и явления, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. Сюда относятся слова, обозначающие разного рода предметы материальной и духовной культуры, свойственные данному народу, например, названия блюд национальной кухни, видов народной одежды, танцев, видов устного народного творчества и т. д. Большинство исследователей группируют реалии, основываясь на тематических ассоциациях, выделяя географические, культурно-исторические, общественно-политические и этнографические реалии. Различные подходы к трактовке реалий, отсутствие четкого определения привели к существованию большого количества терминов. Наиболее часто для обозначения лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики используют термины «безэквивалентная» и «фоновая» лексика. Безэквивалентная лексика – это лексика, служащая для выражения понятий, которые отсутствуют в иной культуре и, как правило, не переводятся на другой язык одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат. Фоновая лексика – это обозначение предметов и явлений, имеющих аналоги в сопоставляемых культурах, но различающихся национальными особенностями функционирования, формы, предназначения предметов. Это слова или выражения, имеющие дополнительное содержание и сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение, известные говорящим и слушающим, принадлежащим к одной языковой культуре. Отнесение слова к безэквивалентной или фоновой лексике остается спорным вопросом в лингвострановедении. При распределении лексики по разрядам возникают следующие проблемы: отсутствие четкой методики соотнесения лексических единиц с указанными разрядами, проблемы перевода безэквивалентной лексики, семантическая недос-

таточность словарной дефиниции в плане предъявления существенных культурно-маркированных признаков или отсутствие в словарях дефиниции (определения, истолкование понятия) по данной лексической единице.

Теоретическая база, необходимая для ведения научно-исследовательской деятельности студентов, формируется при изучении таких курсов, как «Лексикология финского языка», «Теория и практика перевода», «Традиции и обычаи Финляндии в аспекте лингвострановедения» и др., а формирование умений и навыков научно-исследовательской работы происходит при подготовке заданий к семинарским занятиям по теоретическим курсам. Спецкурс по лингвострановедению входит в программу обучения на четвертом курсе финско-английского отделения ФИЯ КГПУ. Разработчиком программы данной дисциплины является старший преподаватель кафедры финского языка Н. М. Момотова. В результате изучения дисциплины студент получает представление о традициях и обычаях Финляндии, о государственных, календарных и семейных праздниках, знает и понимает значение финских реалий, использует реалии в речи и имеет навыки лингвострановедческого описания финских реалий, связанных с государственными, календарными и семейными праздниками Финляндии. На практических занятиях студенты отбирают лексические единицы, семантика которых несет на себе печать своеобразия национальных праздников Финляндии, сопоставляют лексические единицы на материале толковых словарей, создают толково-переводные словники или лингвострановедческие словари, которые обнаруживают культурный компонент значения слова – наименования традиций, гостей, традиционных блюд, символов праздника. Работа по составлению словника основывается на методе сопоставительного анализа лексики (и ее сплошной выборки) с использованием параллельных текстов близкого содержания на сравниваемых язы-

ках. Данные дифференциальные двуязычные словники являются тематическими, они описывают только ту лексику, которой различаются описываемые языки (Момотова, 2005, 105–106). Таким образом, студенты получают необходимые знания и навыки работы с лингвострановедческим материалом.

Интерес к лингвострановедению проявляется и в том, что студенты пишут курсовые и дипломные работы по данной тематике. Целью дипломных работ является лингвострановедческое изучение лексики в рамках выбранной темы, составление лингвострановедческого словаря (словника); задачами исследования – выработка критериев отбора соответствующих лексических единиц, в которых наиболее ярко проявляются своеобразие и специфика национальной культуры, отбор лексики на основе выработанных критериев, составление тематической классификации отобранных лексических единиц, сопоставление семантики отобранных лексических единиц с их возможными русскими аналогами, подбор вариантов перевода лексики с национально-культурным компонентом семантики. Исходя из предмета страноведения, которым является безэквивалентная и фоновая лексика, критериями выделения ценной лингвострановедческой лексики являются: наличие культурного компонента семантики, понятного носителю языка, отсутствие или расхождение понятийных или фоновых семантических долей при их сопоставлении с другим языком, неперевоидимость слова на другой язык с помощью регулярного соответствия и др. В процессе научно-исследовательской работы используются следующие методы: сплошная выборка материала, описательный метод, метод компонентного анализа, метод компарации (сопоставительного анализа лексики). Практической целью дипломных работ является составление лингвострановедческих словников или словарей, что объясняется необходимостью их использования при

обучении финскому языку, т. к. лингвострановедческий словарь (или двуязычный толково-переводной словарь) является одним из способов получения лингвострановедческих знаний. Лингвострановедческий словарь включает, прежде всего, лексику с национально-культурным компонентом семантики. В нем подобраны эквиваленты перевода лексической единицы, раскрывается национально-культурная семантика слова, описан его лексический фон.

В последние годы студентами финско-английского отделения написано около десяти работ по лингвострановедческой тематике. Организацию и последовательность научно-исследовательской работы студентов можно проследить на примере дипломной работы Е. С. Пимушкиной «Лексика с национально-культурным компонентом семантики в рамках темы "Блюда финской национальной кухни"» (Пимушкина, 2008).

Среди слоев лексики, отличающихся особой национально-культурной образностью, исследователи выделяют т. н. этнографические реалии, к которым относятся пища, напитки, блюда. Интерес к национальной кухне объясняется тем, что она отражает быт и культуру народа, условия его жизни и развития. Каждая национальная кухня обладает особым пищевым сырьем и способами его обработки, что делает эту кухню отличительной от других. Национальными продуктами финской кухни являются: крупы, мука злаков, типичных для климатических условий страны (перловая, ячменная), мясо животных (свинина, говядина, лосятина, оленина) и птицы, рыба (салака, лосось, сиг), овощи, ягоды и грибы, молоко, сливки. В финской национальной кулинарии есть редкие в европейской практике блюда, в состав которых входят рыба и мясо, или несколько видов мяса, или рыба и молоко. Примерами таких необычных блюд являются: рыбник, в который кладут рыбу и свинину; жаркое в горшочке по-карельски, в котором сочетаются два вида мяса – свинина и говядина; пирог «Ювянен», начинкой

которого является филе радужной форели с салом. Для финской кухни характерна особая технология применения продуктов, например «сухая засолка» и вымачивание, необходимое для приготовления такого блюда, как *lipëäkala* (рыба, вымоченная в щелочном растворе; традиционное рождественское блюдо). Несмотря на наличие общих черт, финская кухня отличается от русской, что и определило выбор темы. Во время прохождения педагогической практики студентка столкнулась с трудностями определения и перевода некоторых названий блюд, относящихся к праздникам Финляндии, например *lipëäkala*. Ученики нуждались в дополнительной информации и просили ответить на вопросы: чем отличается *pirarkakku* от русского пряника, почему рисовая каша называется *jouluruuro*, в чем отличие нашего привычного карельского рыбника от финского *kalakukko*? Эти обстоятельства также вызвали интерес к теме.

Работа над практической частью дипломной работы была сопряжена с определенными трудностями. Во-первых, надо было определить корпус исследования, т. е. отобрать лексику с национально-культурным компонентом семантики, отделив ее от эквивалентной. Сложность задачи состояла еще и в том, что кухня любой страны является в определенной мере интернациональной, такие блюда, как пицца, люля-кебаб, гамбургер, йогурт и т. д., широко известны. Тематическая классификация также представляла определенную проблему. В курсовой работе студентка классифицировала блюда, распределив их в соответствии с праздниками. Такой подход значительно уменьшил количество исследуемых лексических единиц. Было принято во внимание, что этнографические реалии имеют не только национальную, но и локальную и временную отмеченность: они связаны либо с праздником, либо со знаменательной датой, либо с тем или иным районом страны. Не-

обходимо было также отметить, что национальная кухня Финляндии сложилась из кухонь тех этнических групп, которые проживали и проживают на территории страны. Например, к традициям северной части Саво относятся закрытые пироги, в том числе рыбник; к кухне Лапландии – блюда из оленьего мяса, сырный хлеб; к кухне южной Финляндии – ржаной хлеб, мямми. Таким образом, основной тематической классификации послужили продукты, входящие в блюда, и лексические единицы были разделены на названия рыбных, мясных блюд, блюд из молока, из теста, названия изделий из крупы, десерты. В конечном итоге корпус исследования составил 43 лексические единицы. Основными источниками информации были сайт fi.wikipedia.org, книга Сату Аалто «Suuri perinnekirja» (Аалто, 2005), Сирпы Карьялайнен «Juhlan aika. Suomalaisia vuotisperinteitä» (Карьялайнен, 1994), кулинарный словарь В. В. Похлебкина «О кулинарии от А до Я: Словарь-справочник» (Похлебкин, 1988), толковые словари финского и русского языков.

Разбор лексем происходил следующим образом: были представлены финноязычная дефиниция, ее перевод, русскоязычная дефиниция, если таковая имеется, и комментарий. В комментарии указывается, к какому разряду лексики принадлежит данная лексическая единица, ее перевод и способ перевода. Для того чтобы выбрать правильный способ перевода, необходимо было выяснить, к какому разряду принадлежит данная лексическая единица: эквивалентной, фоновой или безэквивалентной лексике. Для этого использовался семный анализ, с помощью которого выделяются компоненты значения слова – семные доли (семы), и на основе полного совпадения, частичного совпадения или расхождения значений или отсутствия аналога лексемы лексика была отнесена к тому или иному разряду и выбран соответствующий способ перевода. Лексика с национально-культурным компонентом семантики

можно перевести на русский язык несколькими разными способами: транскрипцией, транслитерацией, приблизительным переводом или подбором аналога, описательным или разъяснительным переводом и др. Чаще всего студентка использовала описательный перевод, т. к. он помогает раскрыть значение слова и его роль в культуре народа более полно. Рассмотрим на нескольких примерах анализ лексической единицы, отнесение ее к безэквивалентной или фоновой лексике и способ перевода.

1. Безэквивалентная лексика

Блюда из мяса

Särä

Särä on lampaasta ja perunasta leivinuunissa paistamalla valmistettu itäsuomalainen perinneruoka. Sen nimi tulee valmistamisessa käytetystä koivupuisesta kaukalosta. Säräkaukalo tehdään koivupuusta. Ruoka paistetaan puukaukalossa, jonka nimestä – särä – tulee myös ruoan nimi (<http://www.lemi.fi/kunta/matka/sara.htm>).

[Сяря является традиционным блюдом восточной Финляндии. Его готовят из баранины и картофеля, запекая в печи. Название данного блюда происходит от названия деревянной формы из березы, которую используют при приготовлении. Его пекут в деревянном лотке, который называется сяря. Название лотка и дало название блюду].

Комментарий: аналог или прямое соответствие данной лексической единицы отсутствует в русском языке. Следовательно, данная лексическая единица относится к разряду безэквивалентной лексики. Перевод на русский язык сделан при помощи транслитерации и описательного перевода.

Särä – «Сяря» – баранина, запеченная с картофелем в деревянном лотке.

Блюда из крупы и муки

Mämmi

Mämmi on makea suomalainen perinneruoka, jota nautitaan varsinkin pääsiäisenä. Sen arvellaan olevan juutalaisen hapattamattoman leivän vastine. Mämmiä valmistetaan pääosin yedestä, maltaasta ja ruisjauhoista.

Nykyään mämmi tarjotaan jäähdytettynä sokerin ja kerman kera, mutta aikaisemmin sokeria ei käytetty; ja kermakin oli hapanta smetana-tyyppistä. Mämmillä, kun monella muullakin perinneruoalla, on ollut myös tärkeä ruoansulatuksellinen tehtävä, eikä sitä siksi ole turhaan syöty paastoaajan loppuksi.

[Mämmi является сладким финским традиционным блюдом, которое едят в основном на Пасху. Его считают еврейским аналогом не кислого хлеба. Мямми в основном готовят из воды, солода и ржаной муки.]

В наше время мямми едят охлаждённым с сахаром и сливками, однако раньше сахар не добавляли, а сливки были кислого вкуса, похожие на сметану. Мямми, как и многие другие традиционные блюда, благотворно влияло на процесс пищеварения, недаром ее ели после окончания поста].

Комментарий: данная лексическая единица не имеет прямых соответствий в русском языке, поэтому относится к безэквивалентной лексике. Для перевода на русский язык были использованы транслитерация и описательный перевод.

Mämmi – «Мямми» – пасхальное блюдо из воды, солода и ржаной муки.

2. Фоновая лексика

Блюда из мяса

Joulukinkku

Joulukinkku on keskeisin joulun ajan ruokalaji. Se on perinteinen osa skandinaavista joulujuhlaa ja on yhtä tärkeä kuin joulukuusi.

Joulukinkun voi ostaa suolattuna ja paistaa itse.

[Окорок, запечённый к Рождеству, занимает на рождественском столе центральное место. Он является традиционной составляющей скандинавского празднования Рождества и важен так же, как и рождественская ель. Окорок можно купить уже засоленным и самому запечь его].

Так как основным компонентом данной лексической единицы является `kinkku`, то нужно дать его финноязычное определение.

Kinkku on lihaa, joka saadaan porsaан tai sian pakarasta ja reidestä. Useimmiten kinkku suolataan ennen kypsentämistä.

[Окорок – это мясо с задней части или бедра поросенка или свиньи. Обычно окорок перед приготовлением солят].

Окорок

Мясо вокруг ноги туши животного. Отсюда различают передний и задний окорок.

Тазобедренная или плечелопаточная часть свиной, бараньей или телячьей туши. Для непосредственного употребления в пищу окорока вырабатываются главным образом свиные: вареные, запеченные, копчено-вареные.

Комментарий: лексические единицы `kinkku` и `окорок` принадлежат к разряду эквивалентной лексики на основе схожести сем: задняя часть, бедро поросенка. В определении `joulukinkku` содержится информация о его значении в финской традиции празднования Рождества. Данная лексическая единица относится к фоновой лексике, на основе частичной схожести сем. Для перевода использован описательный перевод.

Joulukinkku – окорок, запечённый к Рождеству.

Изделия из теста

Tippaleipä

Tippaleipä on vapun ruokaperinteisiin kuuluva makea leivonnainen.

Tippaleipä valmistetaan maidosta, vehnä jaujoista, kananmunista, sokerista, sitruunan kuoresta, kasviöljystä, suolasta ja mausteista. Taikina laitetaan pursotinpusssiin tai suppiloon, ja pursotetaan ohuena spagettimaisena nauhana kuumaan öljyyn asetettuun pyöreään muotiin. Taikina kypsyy öljyssä, ja tippaleivät nostetaan öljystä reikäkauhalla. Ylimääräinen rasva valutetaan pois, ja päälle sirotellaan tomusokeria. Tippaleivät ovat rapeita herkkuja, joita vappuna tarjoillaan siman kanssa.

[Хворост – сладкое изделие, относящееся к традициям Вавну. Хворост готовят из молока, пшеничной муки, яиц, сахара, цедры лимона, растительного масла, соли и пряностей. Тесто кладут в кондитерский мешок или воронку и выдавливают тонкими полосками, похожими на спагетти, в заранее опущенные в разогретый жир круглые формочки. Тесто готовится в жире и затем удаляется с помощью шумовки. Лишний жир стекает, и сверху хворост посыпают сахарной пудрой. Хворост – это хрупкое кулинарное изделие, которое подают на Вавну вместе с сима].

Хворост

Русское название полукондитерского изделия из пресного сдобного теста, обжариваемого во фритюре. В тесто для хвороста добавляют муку, сахар, молоко, взбитые белки. Тесто приготавливается настолько жидким, чтобы оно могло свободно литься из носика чайника, откуда его и постепенно наливают, направляя струю по разным направлениям так, чтобы хворост получил вид сетки или сетчатого клубка. Когда тесто зарумянится, его вынимают дуршлагом и кладут на непроклеенную бумагу, чтобы удалить избыток жира, затем пересыпают сахаром.

Комментарий: в данных лексических единицах совпадает большинство сем: молоко, мука, сахар, обжаривание во фритюре; однако наблюдается и несовпадение сем: Ваппу, пряности, растительное масло, способ формования. На основании этого данную лексическую единицу можно отнести к фоновой лексике. Для перевода на русский язык необходимо подобрать аналог и транслитерировать финское название.

Tippaleipä – хворост «Типпалеипя»

Из 43 проанализированных лексических единиц 19 (44%) принадлежат к фоновой лексике, 24 (56%) – к безэквивалентной. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что финская кухня стремится сохранить свое своеобразие, приверженность традициям, несмотря на влияние кухни других стран. Результатом исследования стал лингвострановедческий словарь, в который вошла лексика по теме «Блюда финской национальной кухни». Этот словарь можно использовать в преподавательской или переводческой практике, а также для составления более подробного учебного лингвострановедческого словаря «Финляндия». Примерами для подражания являются лингвострановедческий словарь «Великобритания» (Рум, 2000), содержащий описание исторических реалий, безэквивалентную и ономастическую лексику, а также словарь «США», в котором содержится фоновая и коннотативная лексика, также представлен лексический фон безэквивалентной и ономастической лексики (Томахин, 2001).

Изучение языка и культуры при подготовке учителей иностранного языка является, по сути, требованием времени. Учитель должен практически владеть языком и обладать обширными знаниями как о культуре страны изучаемого языка, так и культуре собственной страны. Научно-исследовательская работа студентов в области лингвострановедения помогает использовать получен-

ные знания, сформированные умения и навыки в процессе межкультурной коммуникации и профессиональной деятельности.

Список литературы

Реформатский А. А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под. ред. В. А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 2003. 536 с.

Лихачев Д. С. Очерки по философии художественного творчества / РАН. Ин-т рус. лит. СПб.: Рус.-Балт. информац. центр БЛИЦ, 1996. 159 с.

Тополева О. В. Комплекс упражнений, направленных на формирование лингвострановедческой компетенции студентов // Языковое образование в вузе: Метод. пособие для преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов. СПб: КАРО, 2005. С. 88–101.

Томахин Г. Д. От страноведения к фоновым знаниям носителей языка и национально-культурной семантике языковых единиц в их языковом сознании // Русский язык за рубежом. 1995. № 1. С. 54–58.

Момотова Н. М. Из опыта преподавания спецкурса «Лингвострановедение Финляндии. Традиции и обычаи» на ФИЯ КГПУ // Вопросы теории и практики преподавания финского языка как иностранного: Материалы научно-практич. конф. 16 декабря 2005 г., г. Петрозаводск / ГОУ ВПО «Кар. гос. пед. ун-т». Петрозаводск, 2005. Вып. 1. С. 100–110.

Пимушкина Е. С. Лексика с национально-культурным компонентом семантики в рамках темы «Блюда финской национальной кухни»: Дипломная работа / КГПУ. Петрозаводск, 2008. 85 с.

Aalto Satu (toim.). Suuri perinnekirja: Suomalaista juhlaperinnettä ennen ja nyt. Hämeenlinna: Karisto, 2005.

Karjalainen Sirpa: Juhlan aika: Suomalaisia vuotuisperinteitä. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1994.

Похлебкин В. В. О кулинарии от А до Я: Словарь-справочник. Минск: Полымя, 1988. 233 с.

Рум А. Р. У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000. 558 с.

Томахин Г. Д. США: Лингвострановедческий словарь. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. 576 с.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ
ПЕРЕВОДА И ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДАМ»
2009 год**

**КОРПУСНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ
СТРАТЕГИЙ ДОМЕСТИКАЦИИ И ФОРЕНИЗАЦИИ**

Вопрос о переводческих стратегиях обсуждается переводоведами уже давно. Типично для данных обсуждений противопоставление двух основных категорий. Ю. Найда (Nida, 1964) говорит о динамической и формальной эквивалентности, П. Ньюмарк (Newmark, 1981, 64) – о коммуникативном и семантическом переводе. Дихотомия Ю. Хаус (House, 1977), в свою очередь, состоит из категорий «открытого» (overt) и «закрытого» (covert) перевода. Общей чертой этих подходов является четкое противопоставление переводов в зависимости от их ориентированности на язык и культуру исходного текста или текста перевода. Еще одна дихотомическая категоризация встречается у Г. Тури (Toury, 1980). Он, однако, подчеркивает, что текст перевода обычно представляет собой компромисс между стремлением к приемлемости и стремлением к адекватности. Приемлемый перевод характеризуется свойствами, минимально отличающими его от свойств непереводных текстов культуры получателя перевода, а адекватный перевод обнаруживает максимально точное соответствие оригиналу.

В 1990-е годы вышеназванные подходы были развиты Л. Венути (1992, 1995), предложившим идею двух стратегий перевода, которые он назвал «доместикацией» и «форенизацией». При доместизирующей стратегии переводчик стремится к удалению из перевода элементов исходной культуры и исходного языка, старательно приспособлявая текст к системе ожиданий читателя и маскируя иносистемные черты. Одним из ведущих принципов переводческой работы становится создание переводного текста, который характеризуется гладкостью стиля. Форенизирующая страте-

гия, наоборот, сохраняет черты исходной культуры и свойства текста-источника без выраженного стремления облегчить читательское восприятие. Форенизирующая стратегия подчеркнуто избегает гладкости, выбор этой стратегии намеренно затрудняет восприятие перевода в культуре назначения.

Дихотомия Л. Венути отличается от деления стратегий у других исследователей тем, что его категории вписывают переводческую деятельность в широкий контекст социальной жизни. В основе его концепции лежит идея преобладания той или иной стратегии в переводческой традиции данной культуры, с которой конкретные решения каждого переводчика соотносятся, при этом подход, предлагаемый Л. Венути, не исключает рассмотрение индивидуальных подходов отдельных переводчиков.

Л. Венути подвергает критике американскую переводческую традицию, определяя ее как доместизирующую. Сам он выступает за форенизирующий перевод и ставит под сомнение основы функциональной теории перевода, где главное внимание обращается на свойства перевода с точки зрения принимающей культуры. Критические комментарии Л. Венути не означают, что переводчики должны составлять «плохие» переводы, отражающие сильное влияние языка-источника. Суть идей Л. Венути заключается в том, что переводчик может играть активную роль в процессе перевода и принимать решения, которые привносят элементы исходного языка и исходной культуры в текст перевода. Переводчик, применяющий форенизирующую стратегию, делает «сопротивляющийся» (resistant) переводческому канону перевод.

Корпусный подход: анализ ключевых слов. Целью настоящего исследования является операционализация концептов «доместикация» и «форенизация». Эта цель обоснована критикой, указывающей на неопределенность, размытость этих понятий

(Tymoczko, 2000, 34). М. Бойден (Boyden, 2006, 124) критикует Л. Венути за прямолинейное приписывание определенной культуре приверженности к одной из двух стратегий. М. Бойден подчеркивает, что внутри одной культуры может встречаться «многоголосие» разных культур, представляющих разные подходы к выбору переводческой стратегии. К такому же выводу приходит также Х. Крюгер (Kruger, 2009, 174), считая переводы гибридами, включающими черты как «чужого», так и «собственного». Некоторые исследователи пытались конкретизировать дихотомическое разделение Л. Венути путем соединения его с более подробной таксономией переводческих стратегий. Я. Педерсен (Pedersen, 2007), например, выделяет внутри форенизирующей стратегии подстратегии сохранения, спецификации и прямого перевода, а внутри доместизирующей стратегии – подстратегии генерализации, замены и опущения. Каждая из подстратегий делится еще на более мелкие подкатегории.

В нашем исследовании стратегии «доместикация» и «форенизация» рассматриваются с новой точки зрения. В анализе применяется т. н. анализ ключевых слов, где используется компьютерная методика для извлечения из электронного материала характерных для отдельного текста или множества текстов лексических черт. В подобном – корпусном – анализе ключевыми, по определению М. Скотта (Scott, 1998), являются слова, имеющие высокую частотность по сравнению с определенной *нормой*. Мы предполагаем, что появление слова в списке ключевых слов свидетельствует об отклонении от нормы. Таким образом, подобные лексические элементы реализуют форенизирующую стратегию. В результате применения этой стратегии перевод характеризуется лексическими чертами, отличающими его от непереводаемых текстов данного дискурса в принимающей культуре. Сходство перевода в лексическом

составе с нормой непереводаемых текстов, наоборот, сигнализирует о доместикации.

В рамках корпусной лингвистики методика ключевых слов получила дальнейшее развитие в виде программного обеспечения «WordSmith Tools». В программе имеется функция «KeyWords», которая позволяет сравнивать электронный корпус, состоящий из одного или множества текстов, с сопоставляемым корпусом. Программа сравнивает списки слов, составленные на основе частотности их употребления в двух сопоставляемых электронных корпусах, и, опираясь на статистические тесты, определяет контингент слов или сочетаний слов, представляющихся как ключевые в одном из анализируемых корпусов по отношению к сравнительному корпусу. В результате выполняется построение списка, где указана частотность каждого из ключевых слов в рассматриваемом тексте и частотность тех же слов в сравнительном корпусе. К тому же в списке представляются показатели относительной доли каждого ключевого слова в двух сопоставляемых корпусах и показатель «keyness», выражающий уровень «ключевого характера» слов. Первые позиции в списке занимают слова, которые отличаются наибольшей разницей в их относительной пропорции в данных корпусах.

Употребление ключевых слов может анализироваться более подробно при рассмотрении их *коллокатов*, т. е. слов, встречающихся вместе с ними в *коллокациях*, под которыми подразумевается совместная встречаемость искомого слова и его коллоката. Коллокация определяется в корпусной лингвистике на основе частотности, а не на основе очевидных семантико-синтаксических связей между словами. Анализ коллокатов определенного слова дает информацию о его сочетаемости и может быть применен для выяснения причин «значимости» каждого ключевого слова. В про-

грамме «WordSmith Tools» для создания списка коллокатов используется поиск «collocates» при функции конкорданса «Concordance».

Более основательный анализ ключевых лексических элементов требует составления отдельного списка т. н. *ключевых кластеров* (key clusters) – цепочек трех (или больше) слов, встречающихся в тексте подряд, одно за другим. Программа «WordSmith Tools» дает возможность сравнить списки не только отдельных слов, а также списки, составленные на основе совместной встречаемости слов. Таким образом, функцию «Key Words» можно использовать также для вывода списка сочетаний слов, которые отличаются от сочетаний, представленных нормой.

Корпусная методика ключевых слов использовалась в переводоведении, прежде всего, для конкретизации различий между переводными и непереводными текстами, представляющими разные жанры. Что касается переводов художественной литературы на финский язык, было, например, показано, что переводные тексты характеризуются лексическими чертами, отражающими нормы литературного языка, а для непереводных художественных текстов типично частое употребление разговорных лексических элементов, чем для переводов (Nevalainen, 2004). Другим примером применения методики ключевых слов является недавно опубликованное исследование С. Пробирской (Probirskaja, 2009), объектом анализа которой были финляндско-российские межгосударственные соглашения, составленные на двух языках. С точки зрения нашего исследования представляется интересным вывод С. Пробирской (Probirskaja, 2009, 173–174) о том, что данную методику можно использовать не только для установления лексических различий между сопоставляемыми материалами, но и для идентификации общей для них лексической базы. Можно предположить, что лексические черты, соответствующие нормам языка

перевода и принимающей культуры, служат сигналами о применении доместицирующей стратегии. Отклонения от нормы, наоборот, свидетельствуют о форенизирующем переводе.

Кроме вышеупомянутых целей, анализ ключевых слов использовался также для выяснения идеологических черт лексического состава переводных и непереводных текстов (Kempainen, 2008). В данном исследовании было установлено, что корпусная методика позволяет выделить из материала разные функциональные группы лексических элементов. Сравнение двух корпусов – русско-финских переводов и финских непереводных текстов по политической истории Финляндии – показало, что часть ключевых слов выполняет ярко выраженную идеологическую функцию. Появление в переводах нетипичных для финского исторического дискурса элементов свидетельствует, во-первых, об идеологических различиях в русской и финской историографии, а во-вторых, о готовности переводчика к передаче идеологических свойств исходного текста. В свете теоретических взглядов Л. Венути можно говорить о применении форенизирующей стратегии перевода. Часть наблюдений над ключевыми словами, в свою очередь, явно свидетельствует о языковом стимуле, исходящем из текста оригинала.

Материал исследования. Материал нашего исследования состоит из финских переводов русских монографий по политической истории Финляндии. В качестве сравнительного материала используется корпус, состоящий из непереводных текстов – книг той же тематики, написанных уже изначально по-фински финскими авторами. Объем всего материала составляет около миллиона

слов. Количество слов в обоих подкорпусах – 500 000 слов¹. Корпус непереводных текстов представляет собой норму финских текстов нехудожественного жанра по политической истории. Каждый из переводных текстов отдельно сравнивается с данной нормой.

Для более подробного анализа мы берем один из переводов – перевод книги Т. Бартеньева и Ю. Комиссарова (1976) «Тридцать лет добрососедства (к истории советско-финляндских отношений)». Перевод под названием «Kolmekymmentä vuotta hyvää naariuutta» был сделан Улла-Лийсой Хейно в 1977 г. Далее будут продемонстрированы результаты анализа на примере данного перевода. Его лексические черты будут рассмотрены с помощью списка ключевых слов. Некоторые детали списка будут изучены путем анализа употребления отдельных ключевых слов в коллокациях. Также будет выведен и прокомментирован список ключевых кластеров на материале данного перевода.

Результаты анализа: список ключевых слов. В таблице 1 представлен список ключевых слов, составленный на материале перевода книги Т. Бартеньева и Ю. Комиссарова. Нами будет рассмотрено только начало списка, которое включает слова, больше всего отклоняющиеся от нормы сравнительного корпуса. Всего в списке 211 слов. Список ключевых слов дает основу для определения лексических черт перевода, отражающих отклонения от нормы.

---

¹ Корпус переводных и непереводных текстов по политической истории Финляндии является отдельным модулем корпуса «*Käännössuomen korpus*» (Корпус переводного финского языка) (Mauranen, 1998).

Таблица 1 – Список ключевых слов (перевод книги Т. Бартеньева и Ю. Комиссарова)²

N	Key word	Freq.	%	Freq.	C. %	Keyness
1	SUOMEN	1 232	2,50	3 092	0,08	5 664,91
2	NEUVOSTOLIITON	782	1,59	399	0,01	5 318,45
3	SOPIMUKSEN	219	0,44	203		1 328,01
4	NEUVOSTOLIITTO	153	0,31	141		928,77
5	#	1 353	2,75	40 633	1,08	886,99
6	SUOMI	197	0,40	522	0,01	884,61
7	KEKKONEN	120	0,24	96		750,51
8	RAUHAN	119	0,24	109		723,26
9	N	258	0,52	1 906	0,05	714,84
10	YHTEISTYÖN	103	0,21	48		709,16
11	SUHTEIDEN	119	0,24	134		689,71
12	PÄIVÄNÄ	187	0,38	871	0,02	663,92
13	PRESIDENTTI	121	0,25	234		604,02
14	YSTÄVYYDEN	79	0,16	23		579,46
15	VÄLISTEN	85	0,17	67		533,15
16	TURVALLISUUDEN	88	0,18	84		529,95
17	SOPIMUS	95	0,19	141		512,59
18	NEUVOSTOLIITTOON	81	0,16	65		506,21
19	PAASIKIVI	68	0,14	26		481,79
20	SAKSAN	96	0,19	233		444,55
21	HALLITUS	92	0,19	214		432,31
22	SDP	67	0,14	46		431,74
23	NEUVOSTOHALLITUS	52	0,11	10		398,15

В списке отличаются разные семантические группы слов. Отдельную категорию составляют слова (точнее, словоформы), именующие географические понятия: *Suomen* (№ 1 в списке), *Suomi* (№ 6) «Финляндия»; *Neuvostoliiton* (№ 2), *Neuvostoliitto* (№ 4), *Neuvostoliittoon* (№ 18) «Советский Союз»; *Saksan* (№ 20) «Германия». В данном тексте этими лексическими элементами

² Знак «#» в списке обозначает элемент корпуса, выраженный цифрами. Соответствующий показатель частотности обозначает общее количество таких «слов» безотносительно к их конкретному числовому выражению.

называют государственных деятелей, которые являются главными действующими лицами описываемых исторических событий. Эти названия встречаются довольно часто и в оригинальных финских текстах, но полученные результаты выявили статистически значительную разницу в частотности их употребления в переводе книги Т. Бартеньева и Ю. Комиссарова. Анализируемый перевод характеризуется также обильным употреблением собственных имен Kekkonen «Кекконен» (№ 7) и Paasikivi (№ 19) «Паасикиви», чем непереводные тексты. Повторение вышеназванных лексических элементов чаще нормы подчеркивает роль данных государственных деятелей больше, чем принято в текстах финских авторов.

Специальную группу ключевых слов образуют существительные, обозначающие «положительное отношение между деятелями»: *sopimuksen* (№ 3), *sopimus* (№ 17) «договор», *rauhan* (№ 8) «мир», *yhteistyön* (№ 10) «сотрудничество», *ystävyyden* (№ 14) «дружба», *turvallisuus* (№ 16) «безопасность». В эту категорию можно включить также словоформу *suhteiden* (№ 11) «отношения». В историческом дискурсе эти лексические элементы отражают чужую для принимающей культуры норму.

Из списка ключевых слов можно выделить еще одну категорию лексических элементов: слова *hallitus* (№ 21) «правительство» и *presidentti* (№ 13) «президент». Эти слова входят в семантическую сферу административной или политической организационной структуры. Близко по семантике к данной группе словосокращение SDP (№ 22), именующее политическую партию (Социал-демократическая партия). В отличие от многих других слов списка слова этой группы встречаются в форме именительного падежа, что указывает на их употребление в качестве наименований активно действующих субъектов.

Результаты анализа: конкорданс и коллокаты. Более основательный анализ ключевых слов предусматривает выяснение

причин отклонений от нормы в частотности слов. В рамках нашей статьи невозможно дать описание употребления каждого из ключевых слов. В качестве примера такого анализа будет рассмотрено более детально одно из слов списка – слово *hallitus* «правительство». Одним из способов выяснения причин вхождения слова в список ключевых определенного лексического элемента является его анализ с помощью конкорданса и поиска коллокатов. Ниже представлена таблица 2 с коллокатами слова *hallitus* «правительство». Частотность коллокатов указана по позициям слева (L1–L5) или справа (R1–R5) от искомого слова.

Таблица 2 – Коллокаты слова *hallitus* «правительство»

N	Word	With	Total	Left	L5	L4	L3	L2	L1	Centre	R1	R2	R3	R4	R5
1	HALLITUS	hallitus	92	0	0	0	0	0	0	92	0	0	0	0	0
2	PÄIVÄNÄ	hallitus	10	8	2	0	1	4	3	0	0	0	0	2	0
3	EI	hallitus	5	1	4	0	0	1	0	0	0	4	0	0	0
4	TULI	hallitus	5	1	4	0	1	0	0	0	0	4	0	0	0
5	ILMOITTI	hallitus	6	1	5	1	0	0	0	0	0	5	0	0	0
6	NEUVOSTOLIITON	hallitus	20	14	6	1	0	0	0	13	0	0	2	2	1
7	OLI	hallitus	10	3	7	1	0	0	2	0	0	4	0	1	1
8	ETTÄ	hallitus	16	8	8	0	0	1	5	2	0	0	3	5	0
9	SUOMEN	hallitus	50	41	9	2	1	1	1	36	0	0	2	1	2
10	JA	hallitus	16	6	10	0	3	0	3	0	0	0	0	2	5

Как видно из таблицы 2, самая высокая частотность (36) встречается у коллоката *Suomen* «Финляндия, в род. п.». (левая позиция 1). Более подробный анализ контекстов коллокации *Suomen hallitus* «правительство Финляндии» показывает, что она повторно употребляется в негативно-оценочном контексте. Приведем примеры из конкорданса данной коллокации.

Suomen hallitus hylkäsi Neuvostoliiton aselepoehdot ja jatkoi sota. «Финляндское правительство, отклонив советские условия перемирия, продолжало войну».

Suomen hallitus pysytteli neuvottelujen alusta alkaen vähemmän rakentavalla linjalla. «Финляндское правительство с самого начала переговоров придерживалось неконструктивной линии».

Высокая частотность ключевого слова *Suomen* «Финляндия, в род. п.» частично объясняется его частым употреблением в вышеназванной коллокации. Конкорданс комбинации *Suomen hallitus* «правительство Финляндии» демонстрирует ее идеологическую функцию. Данная коллокация именуется негативно оцениваемого деятеля – буржуазное правительство Финляндии.

Результаты анализа: список ключевых кластеров. Анализ ключевых слов можно еще углубить путем рассмотрения списка ключевых кластеров, т. е. комбинаций слов, встречающихся в тексте подряд, одно за другим. Мы сосредоточимся на кластерах, которые состоят из трех слов. Ниже представлен список кластеров, созданный с помощью программы «WordSmith Tools» (табл. 3).

В продемонстрированном списке отличаются две главные группы ключевых кластеров: во-первых, кластеры, отражающие кооперацию деятелей СОВЕТСКОГО СОЮЗА и ФИНЛЯНДИИ, и кластеры, обозначающие дату. В первую группу входят такие сочетания слов (точнее, словоформ), как *Neuvostoliiton ja Suomen* (№ 1), *Neuvostoliitto ja Suomi* (№ 8) «Советский Союз и Финляндия», *ja Suomen välisten* (№ 3), *ja Suomen välisen* (№ 6), *ja Suomen välisissä* (№ 7) «между... и Финляндией», *Suomen ja Neuvostoliiton* (№ 15) «Финляндия и Советский Союз», *Suomen välisissä suhteissa* (№ 9) «отношения между Финляндией». Частое появление данных кластеров в переводном тексте удаляет его от нормы, представленной непереводаемыми текстами. Кластеры со значением «кооперация деятелей СОВЕТСКОГО СОЮЗА и ФИНЛЯНДИИ» именуют чужое для финского дискурса истории действие и, таким образом, придают переводу форенизирующий оттенок.

Вторая из выделенных групп – кластеры, обозначающие дату, – представлена следующими цепочками слов: # *päivänä* # (№ 2) «...го ... а/я ... года», *vuoden* # *sopimuksen* (№ 4) «договор ...го года», *huhtikuun* # *päivänä* (№ 10) «...-го апреля», *maaliskuun* # *päivänä* (№ 13) «...-го марта», *vuosina* # # (№ 14) «в ... – ... гг.». В отличие от предыдущей категории кластеры с элементами даты свидетельствуют об отклонениях от лингвистической нормы оформления письменного финского текста, требующей исключительного употребления цифр в формате даты (типа 6.4) вместо гибридных словесно-цифровых графических репрезентаций количественно-именных словосочетаний типа *6-го апреля*, более свойственных русской письменной речи.

Таблица 3 – Список ключевых кластеров

N	Key word	Freq.	%	Freq.	C. %	Keyness
1	NEUVOSTOLIITON JA SUOMEN	300	0,61	26		1 312,47
2	# PÄIVÄNÄ #	128	0,26	81	0,02	370,10
3	JA SUOMEN VÄLISTEN	55	0,11	0		272,79
4	VUODEN # SOPIMUKSEN	58	0,12	21		199,85
5	SUOMEN VÄLISTEN SUHTEIDEN	35	0,07	0		173,58
6	JA SUOMEN VÄLISEN	33	0,07	0		163,66
7	JA SUOMEN VÄLISISSÄ	29	0,06	0		143,82
8	NEUVOSTOLIITTO JA SUOMI	25	0,05	0		123,98
9	SUOMEN VÄLISISSÄ SUHTEISSA	24	0,05	0		119,02
10	HUHTIKUUN # PÄIVÄNÄ	31	0,06	10		109,94
11	NEUVOSTOLIITON KORKEIMMAN NEUVOSTON	21	0,04	0		104,14
12	ETTÄ NEUVOSTOLIITON JA	20	0,04	0		99,18
13	MAALISKUUN # PÄIVÄNÄ	23	0,05	11		73,18
14	VUOSINA # #	33	0,07	60	0,01	53,18
15	SUOMEN JA NEUVOSTOLIITON	54	0,11	230	0,04	31,76

Закключение. Анализ показал, что метод ключевых слов способен эффективно находить в текстовых массивах лексические элементы, отличающиеся от нормы. Анализ списка ключевых слов может быть дополнен рассмотрением конкордансов и коллокатов

отдельных ключевых слов или построением списка ключевых кластеров из трех или более слов. Данная корпусная методика может, на наш взгляд, быть применена именно для идентификации форенизирующих лексических элементов.

Корпусная методика позволяет изучение таких форенизирующих элементов, которые невозможно установить при рассмотрении переводческих стратегий, например, при изучении перевода реалий. В переводных текстах повторяются нетипичные для принимающей культуры лексические элементы. Можно предположить, что эти элементы влияют на восприятие каждого текста. Часть лексических элементов четко выражает идеологическую точку зрения на финскую историю, отличную от финской историографии. Проанализированный перевод характеризуется нетипично высокой частотностью номинаций деятелей «Финляндия» и «Советский Союз», обилием лексических реализаций их положительно оценочной кооперации и коллокаций типа *Suomen hallitus* «правительство Финляндии», что свидетельствует о форенизирующем дискурсе. Часть из элементов, представляющих отклонения от нормы, можно считать форенизирующими только в отношении их языковых признаков. Данное явление традиционно именуется интерференцией.

В результате анализа выяснилось, что метод ключевых слов способен выделить именно форенизирующие лексические элементы. Идентификация доместизирующих элементов с помощью наших методов практически невозможна, так как списки ключевых слов и цепочек слов выделяют именно элементы, отражающие отклонения от нормы. Установление элементов, общих для каждого перевода и сравнительного корпуса, требует более глубокого исследования, которое нельзя осуществить с помощью отдельной функции корпусной программы. Необходима дополнительная разработка методики.

Что касается понятия знакомого лексического элемента, следует отметить, что наше исследование заставило переоценить эту концепцию. Знакомые для принимающей культуры элементы могут также выполнять форенизирующую функцию. Повторение знакомых элементов с нарушением нормы употребления или нетипичное их сочетание может создать эффект остранения. Можно предположить, что отклонения от типичной частотности слов влияют на общее впечатление о тексте с точки зрения доместикации / форенизации. Таким образом, независимо от того, что отдельное переводческое решение не играет особой роли с точки зрения целостной стратегии, общее впечатление о переводном тексте может стать важным фактором при восприятии перевода как текста принимающей культуры.

Список литературы

Boyden M. Language, politics, translation, and American literary history. Target. 2006. 18 (1). P. 121–137.

House J. A Model for Translation Quality Assessment. Tübingen: Gunter Narr, 1977.

Kemppanen H. Avainsanoja ja ideologiaa: käännettyjen ja eikäännettyjen historiatekstien korpuslingvistinen analyysi. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja, n:o 51. Joensuu: Joensuun yliopisto, 2008.

Kruger H. The concepts of domestication ad foreignization in the translation of children's literature in the South African educational context. // Judith Ingg & Libby Meintjes (eds) Translation Studies in Africa. London; N. Y. Continuum, 2009. P. 161–179.

Mauranen A. Käännössuomi ja kääntämisen universaalit: tutkimus korpusaineistolla. Projektisuunnitelma, mimeo. Joensuu: Joensuun yliopisto, 1998.

Nevalainen S. Colloquialisms in translated text. Double illusion? // *Across Languages and Cultures*. 2004. 5 (1). P. 67–88.

Newmark P. *Approaches to Translation*. Oxford; N. Y.: Pergamon, 1981.

Nida E. A. *Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden: E. J. Brill, 1964.

Pedersen J. How is culture rendered in subtitles? S. Nauert (red.) *Challenges of Multidimensional Translation. Proceedings of the Marie Curie Euroconferences MuTra: Challenges of Multidimensional Translation – Saarbrücken 2–6 May 2005: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.euroconferences.info/proceedings/2005_Proceedings/2005_proceedings.html*

Probirskaja S. Rajankäyntiä. Suomen ja Venäjän kahdenväliset valtiosopimukset käännöstieteellisen avainsana-analyysin valossa. *Acta Universitatis Tamperensis 1389*. Tampere: Tampere University Press, 2009.

Scott M. *WordSmith Tools Manual. Version 3.0*. Oxford: Oxford University Press, 1998: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lexically.net/wordsmith/version3/manual.pdf>

Toury G. *In Search of Theory of Translation*. Tel Aviv: The Porter Institute for Poetics and Semiotics, Tel Aviv: Tel Aviv University, 1980.

Tymoczko M. Translation and political engagement. activism, social change and the role of translation in geopolitical shifts. *The Translator*. 2000. Vol. 6. № 1. P. 23–47.

Venuti L. (ed.) Rethinking Translation. Discourse, Subjectivity, Ideology. London; N. Y.: Routledge, 1992.

Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London; N. Y.: Routledge, 1995.

**ПЕРЕВОД С ФИНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
И НАОБОРОТ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Перевод с финского на русский и наоборот мало изучен, хотя на практике он осуществляется на протяжении веков – как на уровне бытового общения, так и на уровне официальных и государственных контактов двух соседствующих стран. К тому же на приграничных территориях всегда жили и живут русскоговорящие и финноговорящие люди (Jänis, 2006; Kolomainen, 2006).

Подготовка переводчиков в высших учебных заведениях Финляндии осуществляется в Хельсинки, в Тампере и в Йёнсуу, а в России в основном в университетах юго-восточной части страны. Отдельные вопросы перевода широко освещены в дипломных работах будущих переводчиков и в Финляндии, и в России, и результаты этих студенческих работ имеют несомненный интерес. Что касается тематики дипломных работ финских студентов, то в них рассматриваются такие области переводоведческого знания, как вопросы выбора переводческой стратегии, контрастивный анализ текстов разных жанров, специальная лексика и терминология, проблемы перевода разных видов и жанров художественной литературы, история перевода с русского на финский язык, в том числе изучение личности и переводов известных переводчиков и т. д. (Jänis, 1996). В последнее время многие дипломники заинтересовались мультимодальными текстами. Однако число фундаментальных исследований пока незначительно.

В этом году получил финансирование совместный исследовательский проект факультета прибалтийско-финской филологии и культуры Петрозаводского государственного университета и кафедры иностранных языков и переводоведения Университета

Восточной Финляндии (Йозенсуу). В рамках заявленного проекта проблемы перевода с финского на русский и наоборот анализируются с помощью понятий «доместикация» (приемлемость; приближение к непереводаемым текстам принимающей культуры) и «форенизация» (адекватность; подчеркнутая чужеродность переводного текста), которые ввел в оборот Лоуренс Венути (Venuti, 1995, 1996). Эти понятия в целом основываются на размышлениях В. фон Гумбольдта и на теории Г. Тури о гипотетических величинах «приемлемость» и «адекватность». Как отмечает В. Н. Комиссаров (2000, 126), текст перевода является компромиссом между стремлением к приемлемости и адекватности.

Для того чтобы вставить заявленный проект в более широкий контекст, представляется целесообразным провести краткий обзор академических работ, выполненных в Финляндии и посвященных изучению перевода между языковой парой «русский – финский».

Первая докторская диссертация, посвященная переводу русских текстов на финский язык, была написана Инкери Вехмас-Лехто (1989). В ней она рассматривает переводы журнальных текстов, применяя понятие «квазиправильность», разработанное венгерскими переводоведами. Впервые понятие «квазиправильность» употребляли Ференц Папп (1972). Согласно Паппу, квазиправильный перевод грамматически правилен, но в целом его текст не соответствует критериям нормального, корректно структурированного текста у читателей переводящей культуры. И. Вехмас-Лехто анализирует ряд переводов, выполненных переводчиками бюро советского агентства печати «Новости» в Финляндии и в Москве, и показывает их «квазиправильность» – это касается и лексики, и синтаксиса, и прагматики, т. е. формы обращения к читателю и убеждения читателей. Для того чтобы показать, что

содержание исходного текста может быть передано в привычной для финского читателя форме, она сделала альтернативные переводы. Приведем пример, где дается, во-первых, русский оригинал, во-вторых, альтернативный перевод, выполненный И. Вехмас-Лехто, а в-третьих, оригинальный финский перевод, сделанный переводчиком агентства печати «Новости» (Vehmas-Lehto, 1989, 196–197).

В июле 1980 года, во время визита канцлера Г. Шмидта в Москву, в рамках этого соглашения была разработана и согласована долгосрочная программа основных направлений сотрудничества СССР и ФРГ, которая конкретизировала наиболее перспективные и реальные объекты хозяйственных связей.

Liittokansleri Schmidtin vieraillessa Moskovassa heinäkuussa 1980 tämän sopimuksen pohjalta laadittiin pitkäaikainen yhteistyöohjelma. Siihen kirjattiin lupaavimmat yhteistyömuodot...

Liittokansleri Helmut Schmidtin Moskovaan heinäkuussa 1980 suorittaman vierailun aikana tämän sopimuksen puitteissa käsiteltiin ja lyötiin lukkoon SNTL:n ja BRD:n yhteistyön perussuuntia koskeva pitkäaikainen ohjelma, jossa konkretisoitiin keskinäisen yhteistyön lupaavimmat ja reaalisimmat kohteet.

В своих альтернативных переводах И. Вехмас-Лехто нейтрализовала лексику, отказалась от дословного перевода клишированных выражений и фразеологизмов, сократила длину предложений, частотность употребления отглагольных существительных и т. д., т. е. избежала типичных для русской журналистики, но редко встречающихся в оригинальных финских журнальных текстах черт. Следует отметить, что диссертация И. Вехмас-Лехто высоко оценивается В. Н. Комиссаровым (2000, 111–115) с точки зрения разработки методов экспериментального изучения перевода.

Диссертация И. Вехмас-Лехто и собранный ею материал относятся к последним годам перестройки, и можно предположить, что языковые и жанровые нормы в языке журналистики изменились вследствие коренных общественно-политических перемен в России. Оказывается, однако, что хотя ценностная ориентация многих слов и введение разговорных и даже просторечных выражений в журнальные тексты являются новым явлением в русской журналистике по сравнению с советским временем, синтаксическая структура текстов изменилась незначительно (Vanhala-Aniszewski, 2005). Все это говорит о том, что многие проблемы перевода журнальных текстов с русского на финский остаются такими же, как раньше, и дословный перевод может вызывать удивление у финского читателя. Выходит, что адаптация того же типа, которая была применена Вехмас-Лехто, желательна и в настоящее время. Примером такой адаптации могут служить переводы Антти Карппинена в его книгах (Karppinen, 1999, 2003, 2006). Антти Карппинен является видным финским дипломатом, и он глубоко знаком с русской культурой и русским языком. В своих книгах он хочет дать финским читателям представление о критической общественно-политической дискуссии современной России. В его книгах приводятся длинные цитаты из текстов современных российских журналистов в переводе на финский язык. Анализ переводов в последней из книг Карппинена и сравнение их с оригиналами (Jänis, 2009) выявили особые черты адаптирования: число предложений часто меньше, чем в оригинале, что является результатом объединения предложений, причинно-следственные связи аргументов эксплицированы, риторические вопросы почти целиком устранены, и в целом эмоциональность и экспрессивность русской журнальной дискуссии затушевана. В следующих примерах показана стратегия А. Карппинена при переводе цитат из ста-

тьи Л. Радзиховского «Либералофобия» (Независимая газета, 2004. 18 мая). Сначала дается цитируемый Карппиненом текст, а потом его перевод:

... известно, что подавляющее большинство начальников в России, штатских и военно-полицейских, левых и правых, космополитов и патриотов, русских, евреев и немцев, последнюю тысячу лет смотрят на народ как на быдло, они у себя в голове крепостное право не отменили.

Tunnettu asia on, että Venäjän päälliköiden enemmistö, sekä siviilivirkamiehet että sotilas- ja poliisipäällystö, vasemmistolaiset yhtä hyvin kuin oikeistolaiset, kosmopoliitit ja patriootit, venäläisten, juutalaisten ja saksalaisten esimiesten enemmistö, viimeksi kuluneiden tuhannen vuoden aikana ovat aina pitäneet kansaa 'bydlona' (orjamassana) siksi, että he omassa päässään (mentaalisesti) edelleenkin pitävät kiinni maaorjuudesta (Karppinen, 2006, 134).

Второй пример наглядно иллюстрирует затушевывание экспрессивности оригинала:

А у нас нет независимых профсоюзов, партий, продажен суд, грубы и безнаказанны чиновники. С этим не спорит никто. И предлагают модное решение: усилим Государство. Прелестно! Только переведем на житейский язык: усилим власть чиновника. Куда ж ее еще-то усиливать? Задерем выше уровень хамства и взяток «по просьбе трудящихся»? Так что ли? Причем власть бесконтрольную – ведь всякий контроль «от лукавого», от того самого подлого гражданского общества, «либерализма».

Ниже перевод цитаты из книги Карппинена. Отметим, что переводчик дает в скобках центральные понятия автора в транслитерации:

Kun (vastakohdaksi) vaaditaan valtion voimistamista, johtaa se yhä kauemmaksi pois oikeuslaitoksen korruptiosta, vapaasta riippumattomuudesta ja lisää virkakoneiston raakuutta ja rankaisemattomuutta (grubost i beznakazennost). Haluavatko 'tavalliset kansalaiset', että toimivaltaa pitävät luisuisivat yhä kauemmaksi kontrollista, kun vastustetaan liberaalien suositamaa (demokraattista) kansalaisyhteiskuntaa (Karppinen, 2006, 134).

Можно сказать, что выявляемые И. Вехмас-Лехто различия русских и финских журнальных текстов и вызванная этими различиями необходимость переводческой адаптации сознательно или неосознанно учтены А. Карппиненом в его переводах. Приводимые Карппиненом цитаты во многом напоминают альтернативные переводы, сделанные И. Вехмас-Лехто для своей диссертации.

Корпусная лингвистика представляет собой новый метод описательного изучения конкретных переводов. С помощью корпусов можно анализировать и обрабатывать большие текстовые массивы. Преимуществом корпусов является машинная разработка анализа, что ведет к большей объективности его результатов. Переводоведы университета Йёнсуу собрали достаточно представительный корпус переведенных с разных языков на финский язык текстов разных жанров, а также сравнительный корпус текстов тех же жанров, оригинально написанных на финском языке. Эти корпуса применялись для изучения того, как вообще переводные тексты отличаются от неперевоенных, т. е. для тестирования правильности так называемой гипотезы о переводческих универсалиях (Baker, 1996; Laviosa, 2002; Mauranen&Kujamäki, 2004). Согласно этой гипотезе, процесс перевода привнесет определенные черты в переводный текст, вне зависимости от исходного языка. Результаты приведенных исследований подтверждают, по крайней мере, частично верность гипотезы.

Собранный корпус также позволяет проводить исследования, в фокусе которых влияние исходного языка на языковые свойства перевода. Так, Сари Эскола (Eskola, 2002) сравнивает современную художественную литературу, переведенную с русского и английского на финский язык, с оригинальными финскими литературными произведениями того же периода. Ее заинтересовало количественное распределение определенных синтаксических структур в переводах и оригинально написанных финских текстах. Она выделяет в переводах частотность употребления некоторых конструкций, которые редки, хотя возможны в финском языке. Например, она отмечает, что переводчики часто употребляют финский комитатив («сопроводительный падеж») для обозначения качеств человека или предмета. Он достаточно редко встречается в этой функции в оригинально написанных на финском языке текстах. С. Эскола (2002, 227) отмечает, что длинные конструкции с комитативом ведут к излишнему усложнению синтаксиса, делая предложение громоздким, как показывает следующий пример:

Tammisen pääportaikko vuosisadan ajan kiillotettuine kaiteineen ja leikkauksin koristeltuine kaiteen kannatinyväineen, kuluneine loivine askelmineen, joka tasanteella olevine tilavine syvennyksineen, jotka oli tarkoitettu ikuisiksi ajoiksi hävinneitä pensaita ja lyhtyjä varten oli samalla yhteiskunnallisen hierarkian portaikko (Eskola, 2002, 227–228).

Она установила, что на частотность употребления этой и некоторых других конструкций влияет исходный язык: эти синтаксические структуры встречаются в переведенных с русского языка произведениях гораздо чаще, чем в переведенных с английского или в написанных изначально на финском языке текстах. Эскола предполагает, что причиной может быть консервативный подход к

переводу с русского языка, который по структуре и способам выражения значительно отличается от финского.

Ханну Кемппанен (2008) сравнивает описания политической истории Финляндии в переведенных с русского языка книгах с оригинальными историческими публикациями на финском языке. Он ищет в этих текстах ключевые слова, т. е. слова, которые встречаются значительно чаще в переводах, чем в текстах, оригинально написанных на финском языке. Ключевые слова и встречающиеся с ними словосочетания отражают идеологические установки текстов. К ключевым словам относится, например, существительное *дружба* и семантически связанные с этой лексемой слова. Х. Кемппанен называет идеологическую установку переведенных с русского текстов по истории Финляндии «идеологией дружбы». Некоторые слова говорят о дословности перевода: к ключевым словам относится такое слово, как *год*, а подробный анализ причины того, почему *год* является ключевым, показал, что переводчики переводили выражение *договор 1948 года* дословно, хотя на финском языке его обычно называют *YVA-sopimus*.

В этом году в университете Тампере защитила свою диссертацию Светлана Пробирская о ключевых словах в государственных соглашениях между Финляндией и Российской Федерацией (Probirskaja, 2009). Она собрала корпус текстов государственных соглашений между Финляндией и Российской Федерацией и параллельный корпус соглашений, заключенных Финляндией и Россией с другими государствами, для того, чтобы выявить специфику финляндско-российских соглашений. Она предположила, что на основе ключевых слов, т. е. слов, которые появляются только в соглашениях наших стран или же частотность употребления которых значительно отклоняется от жанровой нормы, можно сделать выводы о характере взаимоотношений Финляндии и России.

Предполагалось, что на основе анализа ключевых слов можно определить отношения власти, т. е. кто кому диктует как составлять межгосударственное соглашение. Выяснилось, однако, что двусторонние соглашения в основном не отличаются от соглашений, заключенных нашими государствами с другими странами. Достаточно сильно влияют на соглашения между Финляндией и Российской Федерацией и наднациональные конвенциональные нормы подготовки государственных соглашений. Среди ключевых слов, выявленных С. Пробирской, лексемы, обозначающие разных деятелей (*комиссары, стороны, власти*), международные документы, ценности и принципы, а также слова, обозначающие приграничные территории, т. е. номинативные единицы, описывающие общую географию и историю. Частотность перечислений международных соглашений и названных в них общих ценностей в финляндско-российских государственных соглашениях С. Пробирская объясняет тем, что, в отличие от соглашений советского времени, в которых подчеркиваются особые отношения наших стран, договаривающиеся стороны хотят сейчас сделать акцент на соответствии наших соглашений общепринятым международным стандартам и ценностям.

Устный перевод с финского на русский, в данном случае синхронный перевод, является предметом изучения в диссертации Ольги Роухе, которая скоро будет защищена в университете Йозенсуу. О. Роухе собрала корпус оригинальных речей и их переводов с целью выяснения, какие синтаксические структуры финского языка могут вызвать исправления и повторения в речи устного переводчика-синхрониста. Теоретической основой ее работы служила теория французского ученого Даниэля Жилья (Gile, 1999). Жилья предполагает, что так как синхронный перевод требует одновременного выполнения ряда сложных ментальных операций, которые он называет «эффортами» (усилиями), перевод между

языками, синтаксическая структура которых сильно отличается, требует особых усилий и может привести к помехам при устном переводе. О. Роухе выяснила, что сложные слова и причастные обороты, которые в финском языке в норме располагаются перед существительными, приводят к регулярным исправлениям (автокоррекции) в речи переводчика. Интересно то, что наибольшие трудности вызывает передача значения финских сложных слов на русском языке. Так как ее материал собран на семинаре, на котором обсуждались вопросы безопасности в сфере применения вычислительной техники, она приводит в качестве примеров термины из этой области: *keskuskoneympäristö*, *tietoturvallisuusajattelu*, *sähköpostihyökkäys* и т. д.

В заключение хотелось бы предложить вопросы, которые еще мало изучены переводоведами наших стран. На них ищут ответы, в том числе исследователи нашего совместного проекта «Перевод с финского на русский язык и с русского на финский язык в поликультурном мире». Во-первых, следует изучать, из каких языковых и текстовых черт возникает ощущение чужеродности переведенного текста. Во-вторых, мы еще мало знаем о причинах возникновения той практики, что с русского на финский переводят дословнее, чем с других языков. Какую роль играют решения отдельного переводчика, с одной стороны, а какую – традиция – с другой? С. Пробирская (2009, 174) называет следующие возможные причины для *форенизирующего перевода*: 1) доброжелательное стремление ознакомить читателей перевода с чужой культурой; 2) демонстративное сопротивление конвенциям написания текстов в своей культуре; 3) стереотипическое отношение к исходной культуре и ее текстам или стремление подчеркнуть ее экзотизм; 4) желание отделить свою культуру от чужой или же подчеркнутое противопоставление своей культуры чужой и ее

текстам; 5) верность оригиналу; 6) влияние чужой культуры и ее идеологии; 7) интерференция. Она предполагает, что к переводам с русского на финский применимы, по крайней мере, пункты 3, 4 и 7. На ее предположения стоит обратить внимание, хотя окончательный ответ на вопрос о причинах возникновения в Финляндии эффектов форенизации в переводах с русского на финский найти непросто. В-третьих, мы не знаем, мешает ли форенизирующий перевод чтению и восприятию текста, и вообще, как форенизирующий / доместицирующий способ перевода может влиять на восприятие переводного текста. В-четвертых, следует сравнить переводы с русского на финский, выполненные в Финляндии и в Республике Карелия, так как задачи перевода и положение переводного текста частично имеют разную функцию в Финляндии, где финский язык государственный, и в Карелии, где это миноритарный язык. Представляется интересным сравнить финский язык в российской Карелии с другими миноритарными языками современного мира.

Список литературы

Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: Юрайт, 2000.

Патт Ф. Окончательная редакция текстовых единиц, длиннее предложения, или квазиправильность речи лиц, освоивших иностранный язык // *Slavica*. 1972. XII. С. 27–41.

Янис М. Дипломные работы будущих переводчиков // Проблемы финско-русского и русско-финского перевода: Сб. ст. Marja Jänis & Hannu Kemppanen (eds.) Kielitieteellisiä tutkimuksia 31 / Joensuun yliopisto, Humanistinen tiedekunta. Joensuu, 1996. С. 136–152.

Baker M. Corpora in translation studies: An overview and some suggestions // *Target*. 1995. 7 (2). P. 223–243.

Eskola S. Syntetisoivat rakenteet käännessuomessa. Suomennetun kaunokirjallisuuden ominaispiirteiden tarkastelua korpusmenetelmällä. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 30 / Joensuun yliopisto. Joensuu, 2002.

Gile D. Testing the Effort Models' tightrope hypothesis in simultaneous interpreting – A contribution // *Hermes, Journal of Linguistics* 23. 1999: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hermes2.asb.dk/archive/FreeH/H23_09.pdf

Jänis M. Sanatarkasti venäjistä suomeksi // *Idäntutkimus*. 2009. 2. S. 27–37.

Jänis M. Venäjästä suomeksi ja suomesta venäjäksi // *Aleksanteri-sarja* / 2006. 1. Helsinki: Aleksanteri-instituutti, 2006.

Karppinen A. Venäjän aatetta jäljittämässä. Porvoo: WSOY, 1999.

Karppinen A. Minne troikka rientää? Porvoo: WSOY, 2003.

Karppinen A. Sirppi, vasara ja tähti: kansallisesta aatteesta uuden Venäjän ideologia. Porvoo: WSOY, 2006.

Kemppanen H. Avainsanoja ja ideologiaa: käännettyjen ja eikäännettyjen historiatekstien korpuslingvistinen analyysi. Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 51 / Joensuun yliopisto. Joensuu, 2008.

Kolomainen R. Käännöstoiminnan vaiheet Venäjällä ja Venäjän Karjalassa // *Jänis Marja.* Venäjästä suomeksi ja suomesta venäjäksi. *Aleksanteri-sarja* / 2006. 1. Helsinki: Aleksanteri-instituutti, 2006. S. 175–184.

Laviosa S. Europe in the making translational and non-translational English. Keith Harvey (ed.) CTIS Occasional Papers. 2002. Vol. 2. P. 85–95.

Probirskaja S. Rajankäyntiä. Suomen ja Venäjän kahdenväliset valtiosopimukset käännöstieteellisen avainsana-analyysin valossa. Acta Universitatis Tamperensis 1389. Tampere: Tampere University Press, 2009.

Rouhe O. Suomen ja venäjän syntaktisen asymmetrian vaikutus simultaanitulkkauksen sujuvuuteen (рукопись).

Translation Universals – Do They Exist? Anna Mauranen & Pekka Kujamäki (eds.). Amsterdam & Philadelphia, Johns Benjamins, 2004.

Vanhala-Aniszewski M. Тенденции развития постсоветского медиа-текста. Re-reading Soviet and Post Soviet Texts. Natalia Baschmakoff & Marjatta Vanhala-Aniszewski (eds.) / University of Joensuu. Joensuu, 2005. C. 140–155.

Vehmas-Lehto I. Quasi-Correctness. A Critical Study of Finnish Translations of Russian Journalistic Texts / Neuvostoliittoinstituutti. Helsinki, 1989.

Venuti L. The Scandals of Translation: Towards an Ethics of Difference. London: Routledge, 1998.

Venuti L. The Translator's Invisibility. A History of Translation. London & New York: Routledge, 1995.

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
МЕТАФОР С ФИНСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ
В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЙ «ФОРЕНИЗАЦИЯ» /
«ДОМСТИКАЦИЯ»**

На английском «Народ и партия непобедимы» звучит как чушь собачья. Другое дело на русском, на русском это звучит хорошо, подразумевается некий триумф, который одновременно ждет впереди и присутствует в настоящем, так что еще и с точки зрения времени эта фраза непереводима.

И. Бродский. Интервью Дэвиду Бетеа
«Наглая проповедь идеализма»

1. Практически в каждом общественно-политическом тексте читатель сталкивается с метафорами, правда, в отличие от художественных текстов, в которых метафора функционирует как средство достижения *эстетического* эффекта, в общественно-политических текстах метафора используется для склонения аудитории к авторской точке зрения, для эмоционального воздействия на читателя / слушателя с целью убеждения и может быть названа, по определению И. М. Кобозевой (Кобозева, 2002), развивающей идеи А. Н. Баранова, эвристической и аргументативной. В работах последних лет, в частности в исследованиях А. П. Чудинова, выделяется четыре **функции** политической метафоры: *когнитивная* (метафора – средство познания и осмысления мира, организующее и структурирующее мышление человека и, соответственно, человеческий язык), *коммуникативная* (информация, передаваемая с помощью метафор, «упакована» в наиболее доступную для адре-

сата форму), *прагматическая* (метафора – мощное средство преобразования существующей в сознании адресата картины общественно-политической реальности, средство побуждения его к определенным действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния) и *эстетическая* (мысль, облеченная в метафорическую форму, воспринимается как более яркая и значимая; то есть метафора – как красивая упаковка товара, которая не гарантирует качества, но очень важна для реализации товара) (Чудинов, 2003; Чудинов, 2007, 122–130).

2. В качестве **объекта исследования** концептуальная политическая метафора и ее презентация в переводе, безусловно, представляет научный интерес. Для переводчика, будь он начинающий или опытный, метафора всегда является одной из наиболее проблемных зон из-за сложности передачи на языке перевода всех тех ассоциативных связей, которые возникают у читателя, относящегося к культуре оригинала. С учетом важности функций, которые выполняет метафора в политическом тексте, задача переводчика усложняется вдвойне (Калужская, 2006, 118, 121). Различия структурных типов языка, неконгруэнтность картин мира, воплощенных в языках, разность культур – все эти особенности переводчик в норме учитывает при выборе стратегии перевода и воплощении этой стратегии в конкретных переводческих решениях. Он может склоняться к сохранению, быть может, странного, непривычного для принимающей культуры оригинального метафорического образа (стратегия *форенизации*) или, более или менее решительно отказываясь от метафоры оригинала, подбирать эквивалент, укорененный в дискурсе принимающей культуры (стратегия *доместикации*). Иными словами, переводчик оказывается перед проблемой выбора:

1) тем или иным образом сохранить оригинальную метафору и донести до нового читателя, по определению В. фон Гумбольдта,

«странное» (*Das Fremde*) оригинала, тот своеобразный способ видения мира, который способен поразить воображение реципиента странностью инокультурной метафорической логики³;

2) максимально встроить оригинальную метафору в переводной текст таким образом, чтобы читатель не распознал в ней иностранного гостя или даже вовсе не заметил ее в «гладко написанном» тексте назначения.

«Выбор ориентации – на исток либо адресат – остается в этих случаях критерием, подлежащим обсуждению от фразы к фразе» (Эко, 2006, 230). Однако вполне очевидно, что переводчик далеко не всегда находится в состоянии выбора. *Форенизирующий перевод* наиболее стершихся, конвенциональных языковых метафор, как кажется, затруднен в силу того, что их буквальный *остраняющий перевод*, скорее всего, будет сочтен адресатом ошибочным, свидетельствующим о недостаточной компетентности переводчика, балансирующим на грани приемлемости и полным корявой «странности» (*Fremdheit*), в терминах В. фон Гумбольдта. Поэтому не удивительно, что в русских переводах с английского мы не найдем выражений типа *зуба кувшина* (для *the lip of the jug*) или *зуба кружки* (для *the lip of the beer glass*), а только *носик кувшина* или *край кружки*. Точно так же, как и финское словосочетание *kahvikupin korva* (букв. *ухо чашки*) может быть переведено только как *ручка чашки*, но никак не *ухо чашки*. И напротив, русское *игольное ушко* по-фински будет *neulansilmä* (букв. *глаз*). Доместикация таких укорененных в языках метафор имеет практически принудительный характер.

Перевод подлинных креативных, особенно структурирующих текст концептуальных метафор, например из художественных текстов, является уже не столько переводом с языка культуры,

---

³ У. Эко (2006, 206) со ссылкой на В. фон Гумбольдта (Humboldt, 1816).

сколько переводом с языка индивидуального воображения, и переводчик в норме оставляет неизменной метафорическую проекцию оригинала, до известной степени новую и непривычную для всякого читателя – и читателя текста-источника, и читателя перевода, например: История, то есть бессознательная, общая, роевая жизнь человечества (Л. Н. Толстой) (НКРЯ). Перевод таких метафор обычно характеризуется максимальной степенью форенизированнойности, так как затушевывание, стирание оригинальности приводит к невосполнимым потерям в содержании текста и утрате воздействующего эффекта.

3. Исследовательская гипотеза. Отправной точкой данного исследования служит предположение о том, что при переводе конвенциональных метафор переводчики придерживаются доместицирующей стратегии, при переводе креативных метафор – форенизирующей, то есть степень форенизации при переводе определяется степенью креативности оригинальной метафоры. Однако основной массив метафор общественно-политической речи располагается в пространстве между полюсами узуальности и креативности: как правило, когнитивные схемы, задействованные в метафорическом переносе, являются достаточно стандартными (ВЫБОРЫ – ЭТО СПОРТ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА – ЭТО ВОЙНА, ГОСУДАРСТВО – ЭТО МЕХАНИЗМ) для разных языков, но конкретные языковые воплощения этих схем варьируют в широком диапазоне, обеспечивая возможность реализации как стратегии доместикации («одомашнивания»), так и стратегии форенизации («остранения»).

Креативные (новые, творческие, живые) метафоры традиционно противопоставляются конвенциональным (стертым, мертвым), однако граница между ними довольно размыта и подвижна, что подтверждает множество примеров т. н. оживления конвенциональных метафор (Баранов, Караулов, 1994), поэтому одно-

значно говорить об исключении конвенциональных метафор из списка подлежащих рассмотрению с позиций фореизации/доместикации не стоит (Кобозева, 2002, 2).

Еще один вопрос: насколько далеко переводчик готов идти по пути фореизации при переводе, чем он при этом руководствуется, и какое влияние оказывают его шаги на восприятие переводного текста представителями принимающей культуры? Например, достаточно распространенное выражение *jokin on (kuin) kuuma peruna suussa* 'что-н. как горячая картофелина во рту' в предложении *Venäjä on nyt suomalaisten suussa kuuma peruna* (HS 22.12.2004) на сайте ИноСМИ переведено буквально: *Россия сейчас во рту у финнов, что горячая картофелина*. Тем самым переводчик, отказавшись от сохранения оригинального уровня узуальности, вариантом транслемы (т. е. единицы любого языкового уровня в переводе – от фонемы до текста в целом), для которого могло бы послужить широко употребляемое русское выражение как заноза в пальце, заметно поднял уровень креативности метафоры в переводе, что привлекает внимание читателя.

Как будет видно ниже, при переводе метафор общественно-политического дискурса используются как метафоры, аналогичные оригинальным (то есть совпадающие по сфере-источнику, фрейму, слоту), так и метафоры, не совпадающие с оригинальными (то есть на уровне сферы-источника, фрейма или слота оригинальная метафора и метафоры переводного текста имеют расхождения). Возникновение изменений в структуре метафор объясняется языковыми и культурными особенностями аудитории, на которую ориентирован перевод, а также стремлением переводчика донести до читателя информацию в как можно более понятной форме. Кроме того, в некоторых культурах существуют определенные переводческие традиции, в первую очередь литературные,

которые практически навязывают переводчику ту или иную переводческую тактику⁴.

Таким образом, задачи предполагаемого исследования – на основании готовых переводческих решений определить основные стратегии при переводе политической метафоры, обнаружить возможные причины переводческого выбора, а также попытаться выявить зависимость восприятия текста читателем принимающей культуры от избранного переводчиком – форенизирующего или доместицирующего – способа перевода.

4. Материалом для исследования служат общественно-политические статьи из различных финских СМИ (сейчас это 170 статей), опубликованные в 2004–2009 гг. в газетах «Helsingin Sanomat», «Turun Sanomat», «Suomen Kuvalehti», «Kaleva», «Ilkka», «Keski-suomalainen», «Voima», «Maaseudun tulevaisuus», «Pohjalainen», «Suomen Tietotoimisto», «Tiedonantaja» и некоторых других периодических изданиях. Вторую часть материала составляют переводы этих статей на русский язык, которые размещены в открытом доступе на сайте интернет-проекта Российского Агентства Международной Информации РИА Новости ИноСМИ, специализирующегося «на переводах наиболее ярких и примечательных материалов зарубежных СМИ на русский язык» (<http://www.inosmi.ru/services>).

Объемы финской и русской частей из-за разного морфологического строя языков довольно сильно различаются: в финском корпусе количество текстоформ составляет чуть более 62 000, в русском переводном – около 150 000.

5. Методика исследования. Оригиналы и переводы статей будут объединены в параллельном электронном корпусе, в котором метафоры будут размечены в терминах фреймов и слотов.

---

⁴ См., например, статью «Перевод» о традиции перевода стихов (Гаспаров, 2008).

Фреймо-слотовая разметка позволит установить абсолютную и относительную частотность метафор в оригиналах и переводах, определить общую метафоричность текстов на языке-источнике и на языке перевода, проследить трансформацию метафорических структур при переводе на уровне фреймов и слотов, обнаружить зоны наибольшей и наименьшей этноспецифичности метафор в языке-источнике и языке перевода.

При сопоставлении оригиналов и переводов могут быть выявлены как факты изоморфизма метафорических образов, так и существенного изменения оригинального метафорического образа. Разметка поможет выявить различия в наборе и структуре метафор, что, в свою очередь, послужит свидетельством межнациональных различий в метафорической актуализации политических явлений (Чудинов, 2003; Будаев, Чудинов, 2008, 94). Так, для многих языков характерно использование зооморфных тропов, однако конкретные метафоры, относящиеся к зооморфной модели, в разных языках совпадают далеко не всегда (Гак, 1977, 15–17).

Анализ метафорики политического дискурса основан на когнитивной теории метафоры, разработанной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (Лакофф, Джонсон, 2004 (1980)), согласно которой в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний двух понятийных сфер – сферы-источника и сферы-мишени. В результате однонаправленной метафорической проекции элементы одной семантической сферы (сферы-источника) структурируют менее понятную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Таким образом, структура сферы-источника определяет способ осмысления сферы-мишени, если точнее – область сферы цели структурируется аналогичным образом, что и область источник. Большинство современных исследователей рассматривают политическую

метафору именно в контексте когнитивной теории (Будаев, Чудинов, 2008, 42–43), считая метафору особым способом осмысления и объяснения мира, организующим и структурирующим мышление человека и проявляющимся в языке.

При рассмотрении метафоры в паре «оригинал–перевод» для каждой метафоры в оригинальном и переводном тексте может быть выстроена цепочка из дескрипторов, обозначающих *сферу-источник*, или источниковый *домен*⁵, *фрейм*⁶, *слот*⁷ как структурные составляющие метафоры. Глубина структурной трансформации метафоры при переводе может быть разной: от полной замены сферы-источника до полного совпадения фреймо-слотовой структуры. Трансформация может быть зафиксирована в соответствующих частях корпуса в виде цепочек, состоящих из условных обозначений зон метафорической проекции (на уровне сфер, фреймов и слотов). Полностью совпадающие цепочки оригинальной и переводной метафоры будут служить свидетельством глубокого параллелизма метафорических образов.

Классификации метафор, которые можно было бы взять за основу при разметке в корпусе, в работах разных исследователей варьируются в достаточно широком диапазоне – от обобщенных индуктивных классификаций (Лакофф, Джонсон, 2004 (1980)), в том числе по объектам действительности, вовлеченным в метафорический процесс (Скляревская, 2004), с учетом типа сравнения по основному и вспомогательному субъекту сравнения (Москвин, 2000), до конкретных описаний метафорических моделей с выходом на лексикографический уровень (Баранов, Караулов, 1991;

---

⁵ Источник буквального значения метафорического выражения.

⁶ Структура данных для представления стереотипной ситуации, представление обычной ситуации в виде набора слотов.

⁷ Элемент ситуации, включающий какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации; каждый слот представляет некоторый тип информации, релевантный для описываемого фрагмента действительности.

Баранов, Караулов, 1994) и выделения основных разрядов русской политической метафоры последнего десятилетия XX века (Чудинов, 2003; Будаев, Чудинов, 2008).

Однако имеющиеся классификации нельзя назвать универсальными, поскольку их применение к имеющемуся в нашем распоряжении финско-русскому материалу, конкретно к общественно-политической метафоре, оказывается затрудненным из-за наличия метафор, которые не могут быть подведены ни под один из предлагаемых разрядов. Например, школьная метафора, продуктивная в обоих дискурсах (*Герман Греф сидел, как нашкодивший ученик, не знавший, куда руки девать <...>*; *Опять двойка! Нижнегородцы начали ставить оценки чиновникам; Protektionismin vastaisesta kamppailusta G20:lle ei voi antaa hyvää arvosanaa* (HS 27.9.2009); *Valtion aluehallinnon uudistus tuo lisää mahdollisuuksia yhteistyölle, mutta sovun saaminen siitä on takkuillut <...>* *Kymenlaaksolaiset ovat selittäneet, että he ovat mieluummin hyvän luokan kehnoin kuin huonon luokan paras oppilas* (HS 5.11.2008)), пока находится за пределами всех известных автору таксономий политической метафоры. В связи с этим необходимым этапом работы по исследованию перевода метафоры будет построение сводной расширенной классификации, для чего будут привлечены данные идеографических словарей и онтологий для автоматической обработки языковых данных (Леонтьева, 2001; Добров, Лукашевич, 2006).

6. Наблюдения. На основе частичного анализа собранного материала можно сделать предварительный вывод о том, что, работая с метафорически насыщенными текстами, переводчики предлагают следующие решения:

1) оригинальная метафора передается в языке перевода метафорой той же самой сферы/фрейма/слота, ее аналогом: <...>

Nikita Hruštšev, Porkkalan palauttamisen (1955) pääarkkitehti, paljastaa kootuissa venäjänkielisissä muistelmissaan halunsa ja kykynsä ymmärtää suomalaisten katkeraa psyukeä ja pelon ilmapiiriä sodanjälkeisessä tilanteessa (HS 22.12.2004) – <...> Никита Хрущёв, главный архитектор возврата Финляндии военно-морской базы в Порккала, раскрывает в своих мемуарах, опубликованных на русском языке, свое стремление и свою способность понять психологию обиженных результатами войны финнов с их страхом в атмосфере тех лет (метафора строительства); Kivitteleeko joku, että suomalaiset ovat korkealla moraalisella periaatteellisuudellaan saavuttaneet venäläisten kauppakumppanien keskuudessa sellaisen arvonannon, että heillä on varaa pelata Venäjällä suomalaisin pelisäännöin? (HS 4.2.2005). – Неужели кто-то считает, что финны с их высокими моральными принципами добились такого уважения со стороны своих российских коллег, что могут играть в России по чисто финским правилам? (метафора игры); Saksan häviön väistämättömyys sammutti optimismin ja alettiin pyrkiä rauhaan (HS 18.3.2005). – Неизбежность поражения Германии «погасила» оптимизм, и начали предприниматься шаги к миру (метафора стихии); Erillissotateesi oli ja on yhä ennen kaikkea vastaus tähän ideologiseen traumaan (HS 18.3.2005). – Тезис об «отдельной» войне был и остается до сих пор ответом на эту идеологическую травму (метафора болезни); Taistelu Saksan puolella ei johtunut suomalaisten moraalisesta konkurssista, vaan valtion johdon kylmistä reaali poliittisista laskelmista (HS 18.3.2005). – Борьба на стороне Германии не означала морального банкротства финнов. Такое решение основывалось на хладнокровном анализе руководителями государства факторов реальной политики (экономическая метафора⁸); <...> peruspilari Suomen

⁸ Сфера экономики может выступать и как источниковый, и как целевой домен (Чудинов, 2003).

integroitumiselle Länsi-Euroopan talousjärjestelmään lyötiin pystyyn Tamminiemessä syyskuun 4. päivän vastaisena yönä, jolloin Nikita Hruššov oli onnittelemassa 60-vuotiasta Kekkonista (HS 22.12.2004). – <...> главная свая при выстраивании интеграционных связей Финляндии с Западной Европой была вбита в ночь на 4 сентября в резиденции президента «Тамминиеми», где Никита Хрущев поздравлял Кекконена с 60-летием (метафора строительства); Mutta seuraavan vuoden alkupuolella hyökkäjän ja puolustajan roolit vaihtuivat (HS 16.3.2005). – Но в начале следующего года роли нападающей и защищающейся сторон поменялись (театральная метафора);

2) оригинальная метафора передается в языке перевода метафорой другой сферы / другого фрейма / другого слота, то есть когда в языке перевода не находится соответствующей метафоры, изоморфной, оригинальной. При этом глубина трансформации может быть различной: *Marikansan ahdinko syvenee Venäjällä (HS 1.10.2005). – Проблемы марийцев в России растут* (разное направление ориентационной метафоры, в финском – вниз, в русском – вверх); *Tiedeyhteisön ulkopuolisilta keskustelijoilta ei voi vaatia samaa tarkkuutta, analyttisyyttä ja tyhjentyvyyttä kuin tutkijankammioissa hiotuilta tiiliskiviltä (HS 18.3.2005). – От того, кто высказывает свое мнение, не являясь историком, невозможно требовать такой же точности, анализа и исчерпывающего владения материалом, как от корифеев науки* (общая сфера – научная деятельность: фин. – артефактная метафора, рус. – человек); *Silloinkin kun mukaan otetaan 60 maata eri puolilta maailmaa, suomalaiset sijoittuvat kärkikastiin kielteisessä suhtautumisessa Venäjään (HS 11.10.2004). – Даже если принять во внимание результаты опроса, проведенного в 60 странах мира, финны все равно входят в «лидирующую» группу государств, где негативно*

относятся к России (фин. – социальная иерархия; рус. – спорт); *Venäläinen epäluulo on jättänyt epäluulon kytämään myös rajan toisella puolella* (HS 22.12.2004). – *Подозрительность русских нимаает подозрительность и по другую сторону границы* (фин. – природная метафора, рус. – физиологическая); *Maata johtanut sisärengas ohjasi presidentti Risto Rytin ja marsalkka C. G. E. Mannerheimin johdolla valtiolaivan uudelle kurssille helmikuussa 1943* (HS 18.3.2005). – *Руководящий политикой страны небольшой круг лиц под руководством президента Ристо Рюти и маршала К. Г. Э. Маннергейма принял решение об изменении политического вектора государственной власти в феврале 1943 года* (фин. – транспортное средство, рус. – геометрия);

3) в тексте перевода неметафорическим способом передается смысл оригинальной метафоры. Иногда переводчик отказывается от метафорической передачи оригинальной метафоры и прибегает к экспликации, что может свидетельствовать об этноспецифичности некоторых метафорических моделей: *Olisiko kohua syntynyt, jos kirja ei olisi käsitellyt Venäjää, vaan esimerkiksi kiinalaista tai yleensä aasialaista tapakulttuuria lahjusten pyytäminen ja antaminen mukaan lukien? Veikkaanpa, että ei olisi. Venäjä saa meillä edelleen hälytyskellot soimaan* (HS 4.2.2005). – *Вызвала ли бы такие споры книга не о России, а, скажем, о культуре и этикете Китая или Азии, включая попытки подкупа и взяточничество? Осмелюсь предположить, что нет. Но Россия по-прежнему заставляет Финляндию волноваться* (фин. – артефакт). *Tämän demokratian ihanteiden mukaisesti on keskusteltava myös menneisyytemme epämiellyttävistä piirteistä. Niiden lakaiseminen maton alle ei ole mikään isänmaallinen velvollisuutemme, vaikka keskustelusta ajoittain sen kuvan saakin* (HS 18.3.2005). – *В рамках идеалов этой демократии следует обсуждать и нелицеприятные моменты нашей истории. Их замалчивание не входит в число наших патриотиче-*

ских обязанностей, хотя при полемике иногда и слышны такие призывы (фин. – бытовая деятельность); *Suomessa onkin havahduttu tajuamaan, ettei imperiumin kainalossa köllöttäminen olekaan niin lokoisaa kuin on kuviteltu* (HS 22.12.2004). – И в Финляндии в очередной раз «спохватились»: *находиться рядом с империей не так-то просто, как считалось* (фин. – антропологическая метафора);

4) в тексте перевода метафора используется там, где в соответствующем месте текста оригинала метафоры нет, то есть тактика, прямо противоположная предыдущей: *Mielenosoituksessa oli mukana vain 200–300 aktivistia. Pahempi asia oli Suomen Yleisradion kuvausryhmä, joka lähetti mariliikkeen viestin maailmalle* (HS 1.10.2005). – В демонстрации приняло участие всего-то около 200–300 активистов. Основную головную боль создало (властям) присутствие съемочной группы «Юлейсрадио» Финляндии, которая и передала миру заявление марийского движения (рус. – метафора болезни); «*Pääpiirteissään ero suomalaisten ja muiden kansojen suhtautumisessa Venäjään varmaan säilyisi, vaikka otos olisi suurempi*», sanoo Suomen Gallupin toimitusjohtaja Juhani Pehkonen (HS 11.10.2004). – «Отрыв финнов от представителей других народов в вопросе об отношении к России в целом остался бы на полученном уровне, даже если бы в опросе приняло участие большее количество респондентов-финнов», – говорит директор-распорядитель финляндского института Gallup Suomi Юхани Пехконен (рус. – спортивная метафора); *Pienten maiden poliittinen historia kansainvälisten kriisien yhteydessä on harvoin kaunista luettavaa* (HS 18.3.2005). – Политическая история маленьких государств в водовороте международных кризисов в редких случаях выглядит привлекательно (рус. – природная метафора); *Miksi emme olleet siihen varautuneet?* (HS 16.3.2005). – Почему мы не

были готовы к такому сценарию развития событий? (рус. – театральная метафора).

Нынешняя версия выделения переводческих решений пока имеет эскизный характер. В приведенных примерах не делаются различия между узуальными и креативными метафорами, явным образом образующими континуум, для установления тонких границ в котором требуется отточенная методика. Первоначальный количественный анализ конкретных переводческих решений показывает, что в арсенале переводчиков обнаруживаются четыре способа передачи метафорической авторской идеи, причем среди перечисленных вариантов преобладают переводы метафоры ее прямым метафорическим аналогом. Возможно, причиной тому служит намеренная переводная политика сайта ИноСМИ, нацеленная на соблюдение чужого характера текстов, для того, чтобы «русский читатель переводов иностранной прессы, как пишет П. Ван Пук об ИноСМИ (Ван Пук, 2008, 273), ознакомился не только с содержанием дискурса в странах исходной культуры (что зачастую требует от него довольно серьезной эрудиции. – А. Б.), но и с национальной спецификой этого дискурса». Однако то, что среди примеров перевода есть случаи и они отнюдь не уникальны, когда на месте оригинальной метафоры одной концептуальной сферы в переводе возникает метафора другой сферы, или когда неметафора в тексте оригинала переводится метафорой, свидетельствует об определенных ограничениях в сохранении оригинальных элементов, чуждых для принимающей культуры.

Список литературы

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М., 1991.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Воскрешение метафоры // Словарь русских политических метафор. М., 1994. С. xiii–xxi.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

Баранов А. Н., Михайлова О. В., Шипова Е. А. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики ('взаимоотношения бизнеса и власти', 'коррупция'). М., 2006: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.indem.ru/PUBLICATII/TrudiFI/metaphors.pdf>.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М., 2008.

Ван Пук П. Переводческий web-сайт «ИноСМИ» как русскоязычное зеркало западной прессы // *Rossica olomucensia XLVI–II. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XIX.* Olomouc, 2008. С. 271–274: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.upol.cz/fileadmin/user_upload/Veda/AUPO/01RosOloXLVI II - cely_sbornik1.pdf

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977.

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М., 2008.

Добров Б. В., Лукашевич Н. В. Онтологии для автоматической обработки текстов: описание понятий и лексических значений // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2006».* М., 2006. С. 138–142: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-1.ru/dialog2006/materials/html/Dobrov.htm>

ИноСМИ: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru>

Калужская Л. О. Особенности перевода украинской агональной метафоры на английский язык // *Вісник Сумського державного університету. Серія Філологічні науки.* 2006. Т.2. № 11(95). С. 117–121: [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://visnyk.sumdu.edu.ua/arhiv/2006/11%2895%292/21_Kaluzska.pdf

Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международного семинара «Диалог-2002». М., 2002. С. 188–194: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/materials/archive.asp?id=7339&y=2002&vol=6077>

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004 (*Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live by. Chicago, 1980).

Леонтьева Н. Н. К теории автоматического понимания естественных текстов. Ч. 2. Семантические словари: состав, структура, методика создания. М., 2001.

Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. 2000. № 2. С. 66–74.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru

Склярская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-03a.htm>

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2007.

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб., 2006.

HS = Helsingin Sanomat: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hs.fi>

Humboldt W. von. Einleitung. In: Aeschylus Agamemnon
metrisch Übersetz. Leipzig: Fleischer, 1816.

**DUBBAUS JA TEKSTITYS AUDIOVISUAALISEN
KÄÄNTÄMISEN TUTKIMUKSEN KOHTEENA**

Audiovisuaalinen kääntäminen on maailmanlaajuisesti voimakkaassa kasvussa. Perinteisillä av-kääntämisen aloilla kyse on siitä, että globalisoituvassa maailmassa televisio-ohjelmien ja elokuvien tarjonta ja kauppa lisääntyy koko ajan. Ohjelmia ja elokuvia yksinkertaisesti kaupataan maasta toiseen ja kielialueilta toiselle enemmän.

Mutta kyse on myös siitä, että uusi teknologia luo jatkuvasti uusia av-kääntämisen lajeja. Viime vuosien laajin kasvu on liittynyt digitaalisten ohjelmien ja DVD-markkinoiden syntyyn. Lähitulevaisuuden kasvun teknologiseksi perustaksi veikataan Internetiä.

En keskity tässä esitelmässä av-kääntämisen koko kenttään, vaan sen perinteisemmälle alueelle: televisio-ohjelmien kääntämiseen ja erityisesti sen kahteen muotoon, tekstitykseen ja dubbaukseen. Myös ne ovat joutuneet reagoimaan markkinoiden muuttuneisiin tilanteisiin. Tarkastelen tähän mennessä tehdyn tutkimuksen pohjalta sitä, miten nämä kaksi av-kääntämisen muotoa loppujen lopuksi eroavat toisistaan.

Tekstityksen ja dubbauksen kulttuurierot

Vierasmaalaisten ja -kielisten televisio-ohjelmien ja teatterielokuvien välittäminen katsojille hoidetaan eri maissa eri tavoin. Joissakin maissa, kuten Venäjällä, televisio-ohjelmat jälkiäänitetään eli dubataan äidinkielisiksi; joissakin maissa, kuten Suomessa, ohjelmat tekstitetään äidinkielisiksi. Kyse on kulttuuriin liittyvistä totumuksista. Niissä maissa, joissa on totuttu tekstitykseen, dubbaus koetaan vieraaksi ja karkottavaksi, ja päinvastoin.

Periaatteessa **tekstitys** hoidetaan teknisesti yhdellä ainoalla tavalla: ohjelman puhe käännetään ja tekstitetään kuvan alareunaan yhtenä, kahtena tai kolmena tekstirivinä. Lähes aina tekstittäminen vaatii kielellisen ilmaisun tiivistämistä, niin että kaikkea puhetta ei voida kääntää tekstiksi. Tekstityksellä on sekä tila- että aikarajoituksensa, esimerkiksi Suomen Yleisradion ohjelmat tekstitetään niin, että yhdelle tekstiriville mahtuu 30–33 merkkiä ja jokainen yksirivinen on ruudussa näkyvässä 2–3 ja kaksirivinen 4–5 sekuntia.

Kohderyhmän kannalta tekstityksessä voidaan vielä erottaa varsinainen kääntäminen ja kuulovammaistekstitys toisistaan. Suomessa edellinen on vielä enemmistönä, mutta esimerkiksi Isossa-Britanniassa suurin osa tekstityksestä on kuulovammaistekstitystä.

Toisin kuin tekstityksellä **niin jälkiäänityksellä eli dubbauksella** on erilaisia teknisiä muotoja. Niistä **selostusteksti** on se, jota käytetään myös samassa ohjelmassa tekstityksen rinnalla, esimerkiksi dokumenteissa: kuvamateriaaliin liittyvät juonnot kuullaan yhden henkilön puhumana selostuksena, joka on käännetty alkuperäisestä ohjelmasta, ja haastattelut tai dramatisoidut jaksot on tekstitetty. **Voice over -käännös** on osittain ohjelman alkuperäisen ääniraidan päälle jälkiäänitetty dramatisoitu selostus, jossa yksi henkilö (joskus kaksi, mies ja nainen) toistaa henkilöhahmojen puheen hieman jäljessä ja käännettynä. Näin ohjelman alkuperäinen ääni kuuluu heikkona taustalla. **Dubbaus** on jälkiäänityksen vaativampi ja kalliimpi muoto. Siinä ohjelman alkuperäisen ääniraidan puhe korvataan kokonaan käännettyillä repliikeillä, jotka joukko kohdekielisiä näyttelijöitä esittää eli näyttelee.

Tekstitys ja dubbaus ovat valikoituneet eri maihin erilaisin perustein. Kun esimerkiksi Suomen Yleisradiossa aikoinaan 1950-luvun lopulla kokeiltiin erilaisia televisio-ohjelmien kääntämisen

vaihtoehtoja – ja lyhyen aikaa siis myös käytettiin mm. *voice over*-kääntämistä – niin päätös tekstityksen puolesta tehtiin taloudellisin perustein: tekstitys tuli halvimmaksi. Tätä nykyä Suomessa käytetään eri vaihtoehtoja eri tarkoituksiin. Televisio-ohjelmia enimmäkseen tekstitetään, myös kuulovammaisille. Televisiodokumenteissa sen sijaan käytetään myös selostustekstiä. Lapsille suunnattuja televisio-ohjelmia enimmäkseen dubataan, mutta vähäisessä määrin käytetään myös *voice over* -käännöksiä. Elokuvat enimmäkseen tekstitetään, mutta lapsille suunnattuja elokuvia dubataan. Joistakin erityisen suosituiksi tiedetyistä elokuvista, mm. *Simpsons – The Movie*, laaditaan levytykseen sekä tekstitetty että dubattu versio.

Esimerkiksi Saksassa täysi dubbaus pitää kalleudesta huolimatta pintansa, tuottajien toisenlaisista pyrkimyksistä huolimatta. Katsojatottumusten lisäksi kyse on viime aikoina paljolti ollut myös siitä, että dubbaus työllistää näyttelijöitä ja että näyttelijöiden ammattiliitto on neuvotteluissa vahvoilla.

Monissa Itä-Euroopan maissa televisio-ohjelmissä käytetään *voice overia*, mutta teatterilevityksessä elokuvat tekstitetään. DVD-markkinat ovat viimeisen kymmenen vuoden aikana kuitenkin muuttaneet tekstityskäytäntöjä, ja niinpä esimerkiksi Venäjälläkin DVD-elokuvat tekstitetään.

Av-kääntämisen tutkimuksesta

Kun kääntämisen koulutus 1980-luvulla Euroopan-laajuisesti siirtyi yliopistoihin, kehittyi myös kääntämisen tutkimus. 1990-luvun kuluessa tutkimus löysi lopulta av-kääntämisenkin ja sen erityispiirteet.

Parin vuosikymmenen aikana harjoitetun tutkimuksen voisi jakaa esimerkiksi seuraavanlaisiin tutkimusalueisiin. Perusjako kolmeen ryhmään noudattaa Jääskeläisen (2009) esitystä, ja esimerkit ovat omiani.

1. Av-kääntämisen kielelliset ominaispiirteet. Esimerkiksi

ruututekstien kieli ja erityisesti se kielellinen ominaislaatu, joka syntyy tiivistämisen pakon vaikutuksesta. Tätä tutkimusta motivoi paljolti tekstittäjien koulutus: On ensiksikin välttämätöntä tietää, kuinka pitkään tekstitystä harjoittaneet ammattikäntäjät tiivistämisen pakon aiheuttamia ongelmia ratkovat. Toiseksi on kyse myös siitä, että ammattikäntäjätkään eivät itse ole käyttämistään keinoista tietoisia eivätkä pysty niitä eksplikoimaan; tutkimuksen on osoitettava tiiviin ilmaisun keinot todellisilla aineistoilla. Kolmanneksi koulutuksessa on myös hyvä tietää annettujen käytännön ohjeiden toteutumisesta. – Lähellä tätä tutkimusta, etenkin tutkimusmenetelmiltään, on av-kääntämiseen liittyvien kulttuuri-sidonnaisuuksien tutkimus: kuinka käntäjät ratkovat voimakkaasti kulttuurisidonnaisen informaation ongelmat?

2. Resektion eli av-käännösten vastaanoton tutkimus – joka tosin on hyvin nuorta. Kuinka tietoisia katsojat ovat käännösten seuraamisesta? Millaiset seikat ja esimerkiksi käännösvirheet katsojia häiritsevät? Kuinka erilaisiin ryhmiin katsojat jakautuvat? – Yhtenä uusimpana esimerkkinä voisi mainita television katsomisen silmänliikkeiden tutkimuksen erityisellä silmänliikekameralla. Lukemisen silmänliikkeet ovat tiedostamattomia, ja ne herkästi paljastavat mm. lukemisen automaattiset tottumukset ja kielellisistä ilmaisuista johtuvat häiriöt.

3. Käytännön työelämän vaatimukset. Esimerkiksi Suomessa sekä tekstittäjien työolot että palkkaus ovat vain huonontuneet, vaikka markkinatilanteen perusteella voisi luulla päinvastaista, kun markkinoiden laajetessa ammattitaitoisista käntäjistä on yhä suurempi pula. Käytännössä muun muassa DVD-elokuvien käännöksiä tehdään freelancer-sopimuksin ja jopa harrastelijavoimin.

Tekstityksen ja dubbauksen erityispiirteitä

Ruututekstien ja dubbauksen tekniset vaatimukset poikkeavat toisistaan paljonkin. Ruututekstit ovat puheesta muokattua kirjoitettua tekstiä, kun taas jälkiäänityksessä modaliteetti säilyy. Katsojan kannalta ruututekstien lukemiseen käytetty aika on pois kuvan seuraamisesta, kun taas jälkiäänityksessä samanaikainen seuranta on mahdollista. Kääntäjän kannalta olennainen ero syntyy siitä, että ruututekstien tekemisellä on sekä aika- että tilarajoituksensa, kun taas jälkiäänityksellä on vain aikarajoitus. Taulukko 1 kokoaa keskeiset erot.

Taulukko 1 – Ruututekstien ja jälkiäänityksen tekniset vaatimukset ja rajoitukset.

	RUUTUTEKSTI	JÄLKIÄÄNITYS
Modaliteetti	Puhutusta kirjoitettua	Puhutusta puhetta
Tekstin suhde kuvaan	Eriaikainen seuranta	Samanaikainen seuranta
Synkronia	Kuvien leikkauksen ja puheen kanssa	Puheen ja huulten liikkeiden kanssa
Fyysiset rajoitukset	Aika (1–5 sek.) ja tila (30–34 merkkiä/rivi)	Aika (synkronia puheen kanssa)
Reseptio rajoitukset	Katsojan lukunopeus ja repliikkien ylityksissä työmuistin kapasiteetti.	–

Ruututeksteillä ja jälkiäänityksellä on myös kielellisiä vaatimuksia ja niissä eroja (ks. taulukkoa 2). Ruututekstien kieli on lähes poikkeuksetta yleiskieltä, vaikka se muokataankin puheesta. Ninpä siihen korkeintaan luodaan tietyin keinoin puhekielen illuusio. Jälkiäänityksen kielen taas on oltava luontevaa puhekieltä. Kumpaakin

sen sijaan koskee kohderyhmät huomioon ottava sensuurin vaatimus, joka lähinnä liittyy televisiossa lapsikatselijoiden suojelemiseen seksuaalisilta ilmaisuilta ja muilta tabuilmaisuilta, erityisesti kirosanoilta, ns. prime time -katseluaikaan.

Taulukko 2 – Ruututekstien ja jälkiäänityksen kielelliset vaatimukset ja rajoitukset.

	RUUTUTEKSTI	JÄLKIÄÄNITYS
Kielimuoto	Yleiskieltä	Puhekieltä
Sensuuri	Tabuilmaisujen välttäminen ja lieventäminen kirjoitettuna (kohderyhmäsidonnaista)	Tabuilmaisujen välttäminen kohderyhmän vuoksi (lapset)
Ilmaisun muokkaaminen	Tiivistäminen.	–
Puhekielisyys	Puhekielisyysden illuusion tarve	Puhekielisyysden säilyttäminen
Rakenteelliset rajoitukset	Repliikkien looginen eheys	–

Televisiotekstityksen ruututekstien keskeisin piirre on tiivistämisen pakko. Jos ruututekstejä verrataan sekä muihin käännettyihin tekstilajeihin että muihin supisuomen tekstilajeihin, niin yllättäen ruututekstit monilta piirteiltään ovat lähempänä supisuomea kuin muita käännössuomen tekstilajeja. Tirkkonen-Condit ja Mäkisalo (2007) ovat selvittäneet esimerkiksi ruututekstien konnektiivisuutta ja mm. liitepartikkelien (*-kin/-kaan, -han/-hän*) käyttöä. Liitepartikkelit ovat suomen kielessä ns. uniikkiainesta, joka ei kääntäjälle helposti tarjoudu suomennosvaihtoehdoksi, koska sille ei lähtökielessä, silloin kun se on esim. englanti, ole suoranaista vastinetta. Sen vuoksi

käännössuomessa esiintyy liitepartikkeleita huomattavasti supisuomea vähemmän. Ruututeksteissä kuitenkin liitepartikkeleita esiintyy yhtä paljon kuin supisuomessa. Syitä on kaksi, ja ne vaikuttavat samaa suuntaan: ensinnäkin ruututekstiä on tiivistettävä, ja sen ansiosta kääntäjä irtaantuu lähtötekstin otteesta kauemmas kuin normaalissa kääntämisessä, minkä vuoksi hän joutuu hakemaan ilmaisuvaihtoehtoja myös suomen uniikkiainesten joukosta; toiseksi juuri liitepartikkelit ovat oiva keino tiivistää ilmaisua, koska ne ovat lyhyitä.

Nevalainen (2003) on verrannut käännettyä kertovaa kaunokirjallisuutta alun perin supisuomeksi kirjoitettuun kaunokirjallisuuteen ja tarkastellut erityisesti puhekielisiä piirteitä kummastakin. Niiden käytössä on selvä ero: siinä missä supisuomalainen kaunokirjallisuus käyttää mahdollisimman aitoa puhekieltä, esimerkiksi jonkin tietyn murteen muotoa, niin käännöskirjallisuus pyrkii luomaan puhekielen illuusiota muutamien keinoin, erityisesti sanastollisin keinoin, mm. korvaamalla persoonapronominit puhekielisillä varianteilla mä, sä jne.

Television ruututeksteihin pätee paljolti sama puhekielisyyden illuusio kuin käännettyyn kaunokirjallisuuteen. Moisio (2003) on tarkastellut Amerikan mustan väestönosan puhekielen käännöksiä ruututeksteissä. Esimerkiksi elokuvassa *Do the Right Thing* (suom. *Kuuma päivä*) alkuperäiset puhekieliset lauseet on enimmäkseen käännetty yleiskielisiksi (ks. esimerkki 1), mutta paikoin kokonaisia alkuperäisiä puhekielisiä lauseita vastaavat suomennoksessa sanastollisesti puhekieliset elementit muuten yleiskielisissä lauseissa (esimerkin 2 alleviivaukset):

(1) Ya father ain't no real father. Isäsi ei ole mikään oikea isä

(2) How you be? Mitä jäbä?

I be. Living large, bro. Hyvin pyyhkii, veli.

Jälkiäänityksessä sen sijaan suositaan täyttä puhekielistä ilmaisuja. Esimerkiksi Shrek-elokuvan animaatiohahmo Donkey eli Aasi puhuu tekstitettyssä versiossa yleiskieltä, mutta jälkiäänitettyssä versiossa kokonaiset lauseet ovat puhekielisiä ja ne sisältävät myös slangi-ilmauksia, vaikka juuri täsmälleen samassa alkuperäisessä lauseessa ei sellaista olisikaan (ks. esimerkkiä 3).

(3) Wow, only a true friend would be that cruelly honest.

RUUTUTEKSTI

Vain tosiystävä olisi noin julman suora.

JÄLKIÄÄNITYS

Vau, vaan tosiystävä on noin streitti.

Pääasiassa lapsille suunnatun animaatioelokuvan tekstitetty ja jälkiäänitetty versio poikkeavat siis kielimuodoltaan paljon. Esimerkissä (4) on lueteltu kahden eri version vastaavia ilmauksia:

(4) haista – döfätä
nenä – klyyvari
pitää 'to like' – digata
toimia – skulata

Paakkinen (2006) selvitti sitä, kuinka *Shrek*-elokuvan jälkiäänitetyn version slangi-ilmausten käyttö vaikuttaa itäsuomalaisten

lasten kykyyn ymmärtää elokuvan tapahtumia. Hän näytti elokuvan kahdelle eri ryhmälle 10-vuotiaita savonlinnalaisia lapsia, toiselle tekstitetyn, toiselle jälkiäänitetyn version. Lapsille tehtiin ymmärtämistesti ja tuloksille tilastollinen analyysi. Tulosten mukaan suurin osa jälkiäänitetyn version slangi-ilmauksista jää itäsuomalaisille lapsille merkitykseltään epäselviksi, esim. ilmauksia *döfätä*, *klyyväri* ja *streitti* ei ymmärretty. Osan merkitys ymmärrettiin, mutta ei siksi, että ne olisivat entuudestaan tuttuja, vaan siksi, että merkitys selvisi kuvan ja tapahtumien luomasta kontekstista, esim. ilmaisun *digata* merkitys lauseessa *Mä diggaan susta*, samalla kun animaatiohahmot osoittivat kiintymyksen eleillään. Tuloksista on luotavissa se hypoteesi, että ruututekstien ymmärtämisessä kuvan ja tekstin suhde on avainasemassa.

Ruututekstien lukemisen on epäilty olevan automatisoitunutta, ja sitä on tutkittu toisenlaisin menetelmin. Lukemisen automaattisuutta voi selvittää esimerkiksi silmänliikkeitä rekisteröivän kameran avulla. Lukemiseen liittyvät silmänliikkeet ovat tiedostamattomia ja tahdosta riippumattomia. Mäkisalo ja Lång (2009) ovat tutkineet silmänliikkekameralla television katsojien ruututekstien lukemista silloin, kun ruututekstejä manipuloidaan, esim. rikotaan äänen ja ruututekstin synkronisaatiota tai syötetään ruututeksteihin käännösvirheitä. Tulokset osoittavat, että lähes kaikille television katsojille ruututekstien lukeminen on täysin automatisoitunutta. He eivät juurikaan tiedosta lukevansa ja huomaavat sen vasta, kun sujuva lukeminen teknisesti estetään, esim. viivästäväällä ruututekstin ilmestymistä silloin, kun henkilö jo puhuu. Tällöin katsoja hakee jo viimeistään sekunnin päästä puheen alkamisesta katseellaan ruudun alalaitaa. Vasta tällöin lukeminen myös tiedostetaan.

Katsojat eivät myöskään helposti huomaa käännösvirheitä, eivätkä ne häiritse katsomisen kokemusta (Mäkisalo & Lång, 2009). Se viittaa hyvin samaan suuntaan kuin yllä mainittu hypoteesi kuvan ja

tekstin suhteen keskeisyydestä: katsojalle tärkeintä on ruututekstien luonteva sijoittuminen kontekstiinsa, so. kuvan ja elokuvan tapahtumiin.

Lopuksi

Ruututeksteillä ja jälkiäänityksellä on yhteisiä piirteitä, jotka liittyvät siihen, että molemmilla on tiivis suhde kuvaan: niitä ei ole olemassa ilman mukana seuraavaa kuvaa. Silmänliikekameralla tehdyt tutkimukset osoittavat, että ruututekstien lukeminen on lähes kaikille katsojille täysin automaattista: he eivät tiedosta lukevansa, ja huomaavat tekstin olemassalon vasta kun se esimerkiksi viivästyy tai kokonaan puuttuu.

Tärkein ominaisuus kummallekin av-kääntämisen lajille teknisesti on synkronisaatio eli oikea-aikainen tahdistaminen kuvan kanssa. Synkronisaation virheet katsojat huomaavat herkimmin. Samoin molempien käännösmuotojen ymmärtämisen kannalta keskeistä näyttäisi olevan kielellisen ilmaisun suhde kuvaan: sen on toimittava.

Sen sijaa kielellinen ilmaisu erottaa nämä kaksi av-kääntämisen muotoa toisistaan. Ruututekstit ovat periaatteessa yleiskieltä, siinä missä jälkiäänitys on puhekieltä. Ruututeksteissä on kuitenkin paikoin tarvetta luoda puhekielisyyden illuusiota, ja se toteutetaan paljolti sanastollisin keinoin muuten yleiskielisiin lauseisiin. Tiivistämisen pakko luo ruututekstien kääntäjälle paineita irtaantua lähtökielisestä tekstistä kauemmas kuin normaalisti, ja monet käännösratkaisut lähentävät ruututekstejä ilmaisullisesti supisuomen kielimuotoon.

Viitteet

Jääskeläinen R. AV-kääntämisen lajit ja niiden tutkimus. Luento Joensuun yliopistossa 7.10.2009.

Moisio J. Translation of Black English Vernacular in Spike Lee's Do the Right Thing – Kuuma päivä. Julkaisematon proseminaarityö. Joensuun yliopisto, Kansainvälisen viestinnän laitos, 2003.

Mäkisalo J. & Lång J. Breaking the Conventions in Finnish Subtitling. Tracking the Eye Movements. Käsikirjoitus, 2009.

Nevalainen S. Käännöskirjallisuuden puhekielisyksistä – kaksinkertaista illuusiota? // *Virittäjä*. 2004.107 (1).

Paakkinen H. Comprehensibility of Slang in Audiovisual Translations for Children. The Finnish Dubbed and Subtitled Versions of Shrek as a Case in Point. Julkaisematon pro gradu -tutkielma. Joensuun yliopisto, Kansainvälisen viestinnän laitos, 2006.

Tirkkonen-Condit S. & Mäkisalo J. Cohesion in Subtitles. A Corpus-based Study. Across Languages and Cultures. 2007. 8 (2). S. 221–230.

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Эквивалентность – это центральная проблема переводоведения. Речь идет о том, каким условиям должен соответствовать текст, чтобы его можно было считать переводом другого текста. Сторонники *принципиальной непереводаемости* текста утверждали, что каждый язык отражает уникальную картину мира и мировосприятие носителей данного языка. Другие ученые провозглашали принцип *абсолютной переводимости* и утверждали, что существует некий универсальный язык, а для перевода важна лишь общность понятий.

Предметом изучения переводоведения являются лингвистические и экстралингвистические аспекты перевода. Это значит, что перевод рассматривают, с одной стороны, с точки зрения соответствия подлинника и текста на переводящем языке, а с другой стороны, учитывается влияние факторов, находящихся за пределами языка, но влияющих на процесс перевода и на конечный результат. Поскольку ни одно явление не существует отдельно от остального мира, а занимает свое место во времени и пространстве, перевод также следует рассматривать в контексте остальной культуры. При этом помимо содержания текста нужно учитывать личность автора, эпоху, средства и каналы передачи информации, нужно учитывать, кто переводит, для кого, где и когда это происходит.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Перевод с финского на русский язык и с русского на финский язык в поликультурном мире» (проект № 09-04-95203а/Ф).

Основные требования к переводу обычно формулируются следующим образом:

- перевод должен полностью передавать содержание оригинала;
- стиль и манера изложения должны быть такими же, как в оригинале;
- перевод должен читаться так же легко, как и оригинальное произведение.

Для общей характеристики результатов переводческого процесса используются термины «адекватный перевод», «эквивалентный перевод», «точный перевод», «буквальный перевод» и «свободный (вольный) перевод».

У термина «эквивалентность» сложная история.

Он пришел на смену чисто переводческому термину «адекватный перевод», то есть перевод, соответствующий оригиналу, и позволяет рассматривать и решать проблему тождества оригинала и перевода на более высоком уровне.

В разное время были популярны разные концепции и модели переводческой эквивалентности:

- концепция формального соответствия,
- концепция полноценности перевода (т. е. исчерпывающая передача содержания равноценными средствами),
- концепция динамической или функциональной эквивалентности (совпадение реакции получателя текста на исходном языке и получателя текста на языке перевода).

В настоящее время популярны концепции скопос и неогерменевтическая универсальная модель перевода. Скопос – греч. «цель». Если цель перевода достигнута, то перевод можно считать успешным. При этом целью может быть не только полноценная передача содержания подлинника, но и чисто прагматические цели типа введение читателя в заблуждение, стремление внедрить чуж-

дую политическую идею, насмешить и т. п. Неогерменевтическая модель перевода основана на понимании переводчиком исходного текста. Каждый переводчик принимает свои переводческие решения, не похожие на решения других переводчиков. Таким образом, понятие эквивалентности растворяется.

Современный научный взгляд на эквивалентность избавился от прежнего метафизического представления о том, что можно добиться такого перевода, который будет точной копией оригинала. Выяснилось, что ни стопроцентная передача информации, ни стопроцентное воспроизведение единства текста через перевод невозможны. И это не означает, что перевод невозможен вообще, а только то, что перевод не есть абсолютное тождество с оригиналом. Таким образом, переводческая эквивалентность предусматривает достижение максимального подобия. **Теория эквивалентности – это теория возможного, исходя из максимальной компетенции переводчика.**

Например, Пастернак говорил, что переводы не имеют никакого смысла, так как соответствие текста не дает понятия о главной стороне подлинника, его силе. Главная ценность художественного произведения в его неповторимости. В идеале переводы должны быть художественными произведениями и при общности текста становиться вровень с оригиналом своей собственной неповторимостью. Сам Пастернак, передавая в своей работе над переводами стихов, в т. ч. сонетов Шекспира, мысли и чувства подлинника, а не только слова его текста, вернул искусству перевода его литературное значение. Сохраняя самое главное в оригинале – силу его художественного воздействия, Пастернак сделал свои переводы событием русской литературы.

Время от времени тщательно подбирать слова приходится всем, но переводчики занимаются этим с утра до вечера, изо дня в

день. К правильному подбору слов сводится весь смысл их профессии. Иногда даже идентичные фразы будут переводиться совершенно по-разному в зависимости от контекста. В одних случаях фразе «Возьми его себе» будет соответствовать значение «я тебе его дарю», а в другом – «ничего мне от тебя не надо». И не надо думать, что это редкая ситуация, какая-то языковая экзотика. В той или иной мере проблема неоднозначности постоянно стоит перед переводчиком. И выбор одного из нескольких вариантов опирается на его здравый смысл, эрудицию, понимание ситуации. Возьмем, например, пресловутую «кузькину мать». Можете себе представить, как трудно перевести такой оборот экспромтом? Я не знаю, как поступил в свое время переводчик того исторического выступления Хрущева, но в менее высокопоставленной аудитории другой переводчик в похожей ситуации сказал: «Докладчик пошутил, использовал совершенно непере译имую игру слов, и я думаю, ему будет приятно, если все вы сейчас засмеетесь». Как вы можете догадаться, нужный эффект был достигнут. Похоже, что разные виды перевода требуют различных способностей и темперамента. Устный переводчик должен уметь собраться: его задача максимально полно передать информацию здесь и сейчас.

Эквивалентность – понятие комплексное. Для ее описания используется множество параметров, например:

- 1) денотативная эквивалентность, т. е. внеязыковое понятийное содержание;
- 2) передаваемые текстом коннотации, обусловленные стилистическими, социолектальными, географическими факторами;
- 3) нормативно-конвенциональная эквивалентность, текстовые и языковые нормы;
- 4) прагматическая эквивалентность, «настроенность» перевода на читателя;

5) формально-эстетическая эквивалентность, т. е. эстетические и индивидуальные свойства текста.

Следует особо подчеркнуть, что эквивалентность оригинала и перевода – это, прежде всего, общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства и которая не только прямо выражена в тексте, но и скрыта и отнесена к подтексту. В художественном переводе существуют свои особые законы эквивалентности оригиналу. Перевод может лишь бесконечно сближаться с подлинником и не более, потому что у художественного перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника. Художественный перевод в то же время обладает относительной самостоятельностью, так как становится фактом переводящего языка. Но есть и другие причины относительной эквивалентности художественного перевода подлиннику. Они вызваны своеобразием восприятия оригинала переводчиком, разносистемностью языков, различиями социокультурной среды. Проявится и индивидуальность переводчика, определяемая его художественным восприятием, талантом, своеобразием отбора языковых средств. Эти обусловленные индивидуальностью переводчика черты не имеют никакого отношения к авторскому стилю оригинала, не соотнесены непосредственно с текстом подлинника. Их парадокс в том, что они нежелательны, но неизбежны. Это элементы переводческого стиля. Еще один источник уменьшения уровня эквивалентности – это вертикальный контекст, многозначность слов, различные аллюзии, намеки на другие тексты или ситуации, а также различные реалии и т. п.

Лингвистика и перевод тесно взаимосвязаны и существенно дополняют друг друга как теоретическая основа и ее прикладное

применение. Перевод может рассматриваться как естественный эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух языках в реальных актах межъязыковой и межкультурной коммуникации. Изучение перевода позволяет обнаружить немаловажные особенности, которые могут оставаться невыявленными в рамках «однойязычного» исследования.

В отечественном и зарубежном переводоведении все более утверждается понимание перевода как канала взаимодействия языков и культур. Такой подход означает, по мнению большинства исследователей, что в результате переводческой деятельности возникает новый текст, адекватно заменяющий текст оригинала в другой культуре, другом языке, другой коммуникативной ситуации. Именно на этом пути находится способ достижения эквивалентности двух текстов, которая предполагает не абсолютную их тождественность, а достаточную общность для целей коммуникации в конкретных условиях. Переводчик, как посредник, должен быть не только билингом, но и бикультурной личностью. При этом актуальным в теоретическом и прикладном плане остается вопрос об эквивалентности перевода оригиналу.

По мнению В. С. Виноградова, эквивалентность предполагает сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, стилистической, функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Эквивалентность перевода зависит от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Подобная трактовка эквивалентности отражает полноту и многоуровневость этого понятия.

Таким образом, если понимать под эквивалентностью равноценное соответствие одного объекта (текста перевода) другому (тексту оригинала), то следует согласиться с большинством переводчиков по следующим принципиальным пунктам.

Во-первых, абсолютной эквивалентности (тождества) при переводе достичь невозможно в силу целого ряда причин, наиболее важными из которых являются:

- специфичность семантики языковых знаков в разных языках;
- несовместимость «картин мира», создаваемых языками;
- различия в самой реальности, культуре и цивилизации носителей разных языков.

Во-вторых, при всех объективных трудностях перевода существует, тем не менее, принципиальная возможность их преодоления. Необходимость осуществления перевода различных видов, все возрастающая роль перевода и востребованность профессии переводчика в обеспечении межъязыковой и межкультурной коммуникации доказывают, что факты чужой культуры не являются чем-то непостижимым, недоступным для понимания, описания, изучения и, в конечном счете, передачи средствами другого языка. В-третьих, понятие эквивалентности распространяется, прежде всего, на текст в целом, и смысл целого не равен механической сумме его частей. Однако верно и то, что любое сообщение состоит из языковых единиц, каждая из которых несет определенную информацию, имеет собственное значение. Содержание всего высказывания не существует помимо значений языковых единиц, из которых оно состоит, а цель любого перевода – передача смысловой информации текста.

Все остальные ее виды и характеристики (функциональные, стилистические, социолокальные, эмоциональные и т. п.) не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание сообщения лишь наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ей, трансформируется в образные ассоциации.

Наконец, проблема эквивалентности перевода может быть продуктивно рассмотрена с позиций теории компенсаций, суть которой состоит в том, что при всех сложностях перевода языки и культуры демонстрируют способность компенсировать недостаточность одной из своих сфер за счет других.

Список литературы

Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых: Учеб. пособие. М., 2000.

Виноградов В. С. Проблема эквивалентности и тип переводимого текста // Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.

Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб., 2001.

**О ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ В РАБОТЕ
С БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКОЙ**

Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров в книге «Язык и культура» дают следующее определение безэквивалентной лексики: «Слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в другой культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т. е. к культурным элементам, характерным для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» (Верещагин, Костомаров, 1973, 53).

А. В. Фёдоров относит к безэквивалентной лексике этнографические и местные реалии, а также термины. «Научные термины, обозначающие в определенном языке абстрактные – философские, политические, эстетические и т. п. – понятия, иногда не имеют еще соответствия в другом языке. История языков, в частности и русского языка XVIII – начала XIX века, дает целый ряд примеров того, как напряженно шли поиски нужного соответствия термину, – иногда путем заимствования иноязычного корня, иногда путем словотворчества, а иногда путем приблизительного перевода более или менее близким по смыслу существующим словом» (Фёдоров, 2002, 184).

Он отмечает, что «в отличие от научных и общественно-политических терминов, возможности перевода которых могут

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Перевод с финского на русский язык и с русского на финский язык в поликультурном мире» (проект № 09-04-95203а/Ф).

расширяться с течением времени, слова, обозначающие наиболее обычные предметы и имеющие лишь неполное словарное соответствие в другом языке, уже не находят, как правило, новых средств передачи» (Фёдоров, 2002, 198). Об особенностях работы с реалиями он говорит: «...речь должна идти именно о переводе названий реалий, а отнюдь не о "переводе" самих реалий, ибо реалия – понятие экстралингвистическое и не может "переводиться", как не может "переводиться" с одного языка на другой любая существующая в природе вещь». Между тем в целом ряде работ можно прочесть о «переводе реалий» (Фёдоров, 2002, 206). Заметим также, что Фёдоров относит к безэквивалентной лексике слова, имеющие формальное семантическое соответствие в ПЯ, но которые несут, например, иную эмоциональную нагрузку.

Н. К. Гарбовский «В теории перевода» подразделяет реалии на территориально-административные, социально-классовые, этнографические и административные» (Гарбовский, 2004, 484–485).

Теорией перевода разработаны определенные способы передачи реалий. Так, А. В. Фёдоров предлагает следующие: 1) транслитерация или транскрипция; 2) «создание нового слова или сложного слова или словосочетания для обозначения соответствующего предмета на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке» (Фёдоров, 2002, 207); 3) использование слова, обозначающего нечто близкое (хотя и не тождественное) по функции к иноязычной реалии (уподобляющий перевод); 4) «так называемый гипонимический... или обобщенно-приблизительный перевод, при котором слово ИЯ, обозначающее видовое понятие, передается словом ПЯ, называющим понятие родовое» (Фёдоров, 2002, 207).

Н. К. Гарбовский предлагает применение переводческой перифразы (использование в переводном тексте дефиниции, определяющей слово, обозначающее реалию в исходном тексте), транс-

крипцию и адаптирующую транспозицию, т. е. параболу (Гарбовский, 2004, 485–486). При этом он отмечает недостатки каждого из способов. Транскрипция непонятна читателю и требует комментария, перифраза утяжеляет текст произведения, адаптация предполагает использование двух вариантов: обращение к современному понятию, известному в обеих культурах, или поиск соответствующего понятия, известного в культуре языка перевода. Опускание же, по его мнению, снижает когнитивную ценность текста (дает читателю меньше информации о культуре), но не мешает достижению основной функции текста.

Финский исследователь М. Янис предлагает в качестве способов передачи реалий заимствование, транскрипцию, пояснения, использование аналогий и калькирование (Янис, 2006, 95).

К безэквивалентной лексике относятся также топонимия и ономастика. А. В. Фёдоров пишет о том, что при передаче собственных имен из области истории, географии, культуры, названия местностей, прозвищ, имеющих свою семантику, возможны и транслитерация, и перевод (Фёдоров, 2002, 215). Как показывает переводческая практика, наиболее часто при передаче имен собственных и их фонетическом оформлении переводчики все-таки прибегают к транслитерации.

Совершенно очевидно, что, приступая к работе над текстом, автор учитывает множество факторов, в том числе характер текста и его будущего читателя. Именно они в значительной мере определяют переводческие стратегии. Термин «стратегия», как отмечает Ритва Леппихалме, начал утверждаться в переводоведении в 1980-е годы. «До этого, да и наряду с ним, использовались метод, способ, решение, переводческая альтернатива, интерпретация» (Леппихалме, 2007, 365). Ритва Леппихалме выделяет четыре по-

тенциальных альтернативных стратегии: сохранение, изменение, добавление и опущение (Леппихалме, 2007, 368).

Н. К. Гарбовский изменения, добавления и опущения называет сознательной деформацией исходного текста как переводческой стратегии: «Деформации как переводческое действие затрагивает в первую очередь именно форму речевого произведения, хотя возможны и такие операции, которые затрагивают и семантический уровень» (Гарбовский, 2004, 507). Примерами сознательной деформации являются случаи, «когда переводчик вносит какие-либо добавления в текст или, напротив, когда выбрасываются отдельные фрагменты» (Гарбовский, 2004, 507).

«В теории перевода существуют две основные классификации видов перевода: по характеру переводимых текстов и по характеру действий переводчика в процессе перевода. В соответствии с *жанрово-стилистической классификацией* перевода выделяют два функциональных вида перевода: *художественный перевод* и *информативный (специальный перевод)*» (Сдобников, Петрова, 2006, 96).

В данной статье анализируется именно специальный перевод.

В качестве иллюстраций к характеристике переводческих стратегий при работе с безэквивалентной лексикой нами проанализированы переводы из «Политической истории Финляндии» (Политическая история Финляндии, 1995; Suomen poliittinen historia, 1995) и книги Президента Финляндии в 1982–1994 годах Мауно Койвисто «Русская идея» (Koivisto, 2001; Койвисто, 2002). Они во многом взаимосвязаны в тематическом отношении. В первой изложена политическая история Финляндии на протяжении почти двух веков, начиная с получения страной собственной государственности, юбилей которой отмечается в этом году. Центральное место по вполне объяснимым причинам занимают рос-

сийско-финляндские отношения. Свое «стремление понять Россию и осмыслить ее роль в мировом, прежде всего европейском, контексте» выразил в «Русской идее» великолепно знающий историю России и участвовавший на протяжении десятилетий в строительстве взаимоотношений Финляндии с восточным соседом Мауно Койвисто. Книги несколько отличаются в жанровом отношении. «Русская идея» – это авторские размышления, «Политическая история Финляндии» – коллективная научная монография, построенная на новейших исследованиях, документах и фактах. Хотя, как говорится в аннотации, адресатом помимо ученых могут быть все те, «кто интересуется историей Финляндии, ее внешней политикой, характером взаимоотношений Финляндии и России / СССР» (Политическая история Финляндии, 1995, 4). Таким образом, предполагается, что обе книги ориентированы на широкую читательскую аудиторию.

«Политическая история Финляндии» переведена ученым-экономистом, к. э. н. Т. В. Андросовым

«Русская идея» переведена Чрезвычайным и Полномочным послом России в Финляндии Ю. С. Дерябиным, обладающим глубокими политическими и историческими знаниями, в том числе т. н. фоновыми.

Как показывает анализ, стратегии переводчиков при всей схожести имеют и существенные различия. Переводчик «Политической истории Финляндии» более тяготеет к дословному переводу, «Русская идея» в значительной степени отличается прагматическим подходом и несет отпечаток культурной адаптации, содержит значительное количество пояснений, объяснений и дополнений. Здесь очевидно стремление переводчика донести до читателя максимум исторической информации.

Обратимся к текстам. Из реалий в них наиболее широко представлены административно-территориальные, политические и исторические, что определяется жанром произведений.

Сложность для перевода административно-территориальных реалий обусловлена тем, что административное деление государств часто не совпадает.

В «Политической истории Финляндии» рассказывается о наступательных действиях на севере страны так: panssaridivisioona aloitti «etenemisensä ensiksi Pudasjärvelle... Sieltä hyökkäys jatkui yhden Kajaanin suunnalta edenneen jalkaväkidivisioonan (6D) tukemana edelleen Ranuan kautta Rovaniemelle. Oulusta Kemiin johtava rautatie oli kulkuneuvoton...» (Suomen poliittinen historia, 1995, 199). Далее говорится о продвижении войск в Муюнио, Ивало, Суомуссалми, Куусамо и в других направлениях. Известные финскому читателю местности не характеризуются в оригинале в территориально-административном плане. В переводе главы (Политическая история Финляндии, 1995, 224–225): данные населенные пункты сопровождаются пояснениями: «община Пудасъярви», «поселок Каяни», «община Рануа», «поселок Рованиеми», «город Кеми», «община Инари». Далее называются «волости губернии Оулу», «Лапландская губерния», «село Хюрюнсалми» (Политическая история Финляндии, 1995, 227).

Стремясь дать представление русскому читателю о характере населенных пунктов, переводчик применяет адаптацию, используя разнообразную терминологию. В описываемое время все названные поселения, помимо Кеми, губерний Оулу и Рованиеми, территориально-административно были «коммунами, общинами, административными районами», обозначаемыми финским словом «kunta». Очевидно, необходимо было бы последовательно использовать один из языковых эквивалентов. Чужеродным словом в данном контексте является «волость», не имеющая отношения к

финляндскому административному делению. Входящая в финские словари как заимствование – «volosti» – она используется только применительно к России. Толковый словарь дает следующее определение волости: «В древней Руси – местность, область, подчиненная одной власти», в советское время до районирования – «административно-территориальная единица, подразделение уезда в сельской местности». Не оправдано использование и слова «село», обозначающего «большое крестьянское селение; сельскую деревенскую местность», которая по-фински традиционно называется «maaseutu» и не является единицей административного деления.

В исходном тексте «Русской идеи» административные и прочие исторические реалии приводятся в транскрипции, за которой следуют внутритекстовые пояснения автора на финском языке. Например: «zemski sobor, maapäivät», «prikazi eli kansanlaitos», «ulozenie, yleinen laki», «smuta, sekasorto» и т. д. Автор не прибегает к построчным примечаниям. Переводчик же активно их использует применительно к историческим, административным и прочим реалиям. Хотя, казалось бы, факты, события и реалии из российской действительности менее известны финскому, чем русскому читателю.

Значительное количество построчных пояснений, объяснений, дополнений переводчика содержит и «Политическая история Финляндии». Они касаются исторических фактов, личностей, военной и политической терминологии: «Rajavartioprikaati» (Suomen poliittinen historia, 1995, 200) – «Пограничная бригада состояла из мобильных егерских частей, основными боевыми единицами которых были самокатные взводы» (Политическая история Финляндии, 1995, 227). Порой пояснения содержат весьма пространственные комментарии (напр., Политическая история Финляндии, 1995, 235). Учитывая научный характер книги, они, очевидно, оп-

равданы. Вместе с тем представляются необходимыми для русского читателя объяснения и других политических терминов. Вряд ли ему, например, понятно, кто такой «ammattiministeri» – «министр-специалист» (Политическая история Финляндии, 1995, 265) в парламенте Финляндии. (Это министр, не являющийся представителем какой-либо партийной группировки.)

Этнографических реалий в политической литературе немного. Но сомнительным выглядит, например, использование следующей аналогии переводчиком «Политической истории Финляндии»: в качестве эквивалента названию романа финского писателя Х. Салама «Juhannustanssit»(1964) он предлагает (7, 301) – «Танцы на Ивана Купалу» (1964). Этот распространенный у восточных славян праздник имеет свои национальные особенности у финнов и известен как Иванов день.

В анализируемых книгах множество топонимов. Из исходного в переводной язык они, как можно заметить, передаются транслитерацией, если в ПЯ нет утвердившегося эквивалента. В отдельных случаях переводчик «Политической истории Финляндии» все же не последователен.

Например, в описании военных действий говорится о захвате карельских населенных пунктов Кестеньга, Лоухи, Ухта, о продвижении войск в направлении Рукаярви (Ругозеро), о бомбардировках Петсамо (Политическая история Финляндии, 1995, 206). Здесь утвердившиеся русские названия чередуются с карельским (Rukajarvi) и транскрибированным финским названием Печенги (Petsamo).

Научный аппарат книги включает также специально для русского издания составленный переводчиком список топонимов территории, перешедшей СССР в результате Зимней войны и измененных в 1948 г. (Политическая история Финляндии, 1995, 373). Он далеко не полный, в нем есть досадные несоответствия. Упо-

мянутое ранее Ругозеро (населенный пункт в Республике Карелия) ошибочно отнесено к утраченным финнами территориям. Есть исторические несоответствия в названиях населенных пунктов: Ваммелсуу назван Черной речкой (д. б. Серово), Куолеманярви – Рябово (д. б. Пионерское), Саккола – Новинка (д. б. Громово). Эти несоответствия можно установить, обратившись к ономастическому справочнику финского лингвистического центра КОТУС (Kielitoimiston nimiopas, 2008, 140–143). Имеются ошибки в транслитерации: Uusikirrko – Уускиркко, Kivennapa – Кивеннаппа. К сожалению, те же неточности нанесены на карту генерального наступления КА (Политическая история Финляндии, 1995, 216). В оригинальном тексте на карте обозначены лишь финские названия, в переводном – и русские, и финские.

Что касается передачи имен собственных и прозвищ, здесь наблюдаются разные подходы. В переводе «Политической истории Финляндии» они сохраняются в той же форме, как в оригинале. В построчных примечаниях переводчик все-таки довольно часто комментирует статус названного лица. В написании имен, как правило, используется транслитерация, хотя в ней не всегда наблюдается единообразие. Так, по рекомендациям справочника «Иностранные имена и названия в русском языке» (Иностранные имена и названия в русском языке, 1978) имя Yrjö Leino должно писаться «Ирье», по «Справочнику по русской передаче финляндских личных имен и фамилий» (Справочник по русской передаче финляндских личных имен и фамилий, 1988) оно должно писаться «Юрье», переводчиком используется форма «Юрье». Соответственно финское имя «Кеййо» по обоим названным справочникам д. б. «Кеййо», переводчик приводит в качестве соответствия «Кейо».

В переводе «Русской идеи» можно заметить, что Ю. С. Дерябин использует принятые в отечественной историографии формы имен: «Vladimir Monomah» – «Владимир II Мономах (1053–1125)», «Jaroslav» – «Ярослав Мудрый (ок. 1019–1054)» и т. д. Как можно заметить, переводчик расширяет информацию и за счет указания дат жизни правителей. Написание фамилий шведских и финских правителей соответствует в переводе установившимся в исторической науке канонам, даже если они не соответствуют современным правилам транслитерации. Например, «Kustaa Vaasa» – «Густав I Ваза».

Одновременно можно обнаружить и случаи опущения при переводе имен и прозвищ. Например: «Olavi Sylikuninkaan tytär Ingergerd» – «дочь короля Улафа Ингергерд»; «keisari Basillios II sisar Anna» – «Анна, сестра византийского императора». Опущено также имеющееся в оригинале объяснение происхождения прозвища «Грозный» царя Ивана IV: «Iivanan lisänimi venäjäksi on «Groznyj», joka on muille kielille käännetty «Julma». Se on ainoa mahdollinen käännös...» (Koivisto, 2001, 56).

Переводчик учитывает, что известные финнам исторические и политические личности, деятели культуры могут быть незнакомы русскому читателю. В оригинале часто называются лишь фамилии, в переводе информация расширяется за счет указания полного имени и характеристики деятельности персонажа: «Haavikko» – «Пааво Хаавикко»; «Agrikola» – «финский епископ Микаэль Агрикола»; «Mika Waltari» – «финский писатель Мика Валтари» и т. д.

Примеров сознательного расширения информации из «Русской идеи» можно привести достаточно много. Например: «Burbulis allekirjoitti 1992 pääministeri Esko Ahon kanssa Suomen ja Venäjän suhteiden perussopimuksen, jolla yyy – sopimus siirrettiin historiaan» (Koivisto, 2001, 95). Оно переведено: «В Финляндии

Бурбулиса вспоминают по другому поводу. В 1992 г. он вместе с премьер-министром Эско Ахо (председатель Партии центра, премьер-министр в 1991–1995 гг.) подписал Договор о добрососедстве между Россией и Финляндией, после чего Договор между СССР и Финляндией о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г. канул в историю» (Койвисто, 2002, 82). Здесь в отличие от исходного текста характеризуются политическая ориентация и деятельность Эско Ахо, приводятся полные названия основополагающих договоров.

В расширении могут использоваться печатные источники. В оригинале читаем: «Jeesus oli sanonut Pietarista, että hän on kallio, jolle rakennetaan» (Koivisto, 2001, 19). Переводчик вводит цитату из Евангелия от Матфея: «Христос сказал Симону: ”Ты – Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою...”» (Матф. 16:18) (Койвисто, 2002, 21).

В отдельных случаях расширения содержат уточнения, в отдельных – исправление авторских неточностей. Говоря о Кирилле и Мефодии, М. Койвисто пишет: «Munkkiveljekset olivat kotoisin Solonikista ja perustivat kirjakielensä sillä alueella käytössä olleeseen eteläslaavilaiseen murteeseen» (Koivisto, 2001, 23). В переводе читаем: «Они были родом из Солуни (Фессаломаники) и использовали в создании своей письменности употреблявшийся в этой местности южно-македонский (солунский) диалект древнеболгарского языка» (Койвисто, 2002, 24). В следующем предложении переводчик устраняет авторскую неточность. Койвисто пишет: «Kun Kolumbuksen Amerikan löytämisen 500-vuotispäivä (1993) lähestyi, esittivät latinalaisten maitten edustajat Yhdistyneissä Kansakunnissa, että tapausta pitäisi juhlistaa» (Koivisto, 2001, 14). Переведено: «Накануне 500-летия открытия Колумбом Америки (1992) представители стран Латинской Америки обратились в ООН с предложением

ем торжественно отметить событие» (Койвисто, 2002, 17). В переводе полное финское название Организации Объединенных Наций заменено более распространенной и чаще употребляемой в России аббревиатурой ООН.

Примером обратного процесса, доместикации сокращений, является перевод такого предложения: «Tämä niin kutsuttu ”Nestorin kronikka” on käännetty myös suomen kielelle (WSOY 1994)» (Koivisto, 2001, 13). Учитывая то, что русскому читателю использованная аббревиатура незнакома, переводчик приводит полное название издательства, а также более распространенное в России название текста: «”Повесть временных лет” под названием ”Хроники Нестора” была переведена на финский язык и в 1994 г. вышла в свет в издательстве ”Вернер Седерстрем”» (Койвисто, 2002, 16).

В особенности в «Политической истории Финляндии» фигурирует чрезвычайно много названий партий, профсоюзных и прочих объединений. Переводчик следует стратегии авторов: когда название встречается в тексте впервые, оно приводится полностью, впоследствии – в виде принятого сокращения или аббревиатуры. Очевидно, поиск сокращений вызвал немало проблем, тем более что многие объединения остались уже в истории. Поэтому переводчик сопровождает книгу списком использованных сокращений (Политическая история Финляндии, 1995, 372). Читатель должен обращаться к нему достаточно часто, ибо из-за аббревиатуры текст трудно воспринимается: «СДПФ... приняла решение о вхождении в единый избирательный блок с ПЦ, СдРСиМз и ДСНФ» (Политическая история Финляндии, 1995, 307). Через список сокращений можно понять, что речь идет о социал-демократах в блоке с Партией центра, Социал-демократическим союзом рабочих и мелких земледельцев и Демократическим союзом народов Финляндии. В оригинале предложение выглядит иначе: «SDP...

oli päätynyt vaaliliittoon maalaisliiton, TPSL:n ja SKDL:N kanssa...» (Suomen poliittinen historia, 1995, 272). – «СДПФ... вошла в предвыборный блок с Аграрным союзом, Социалистическим союзом рабочих и мелких земледельцев (ССРМЗ) и Демократическим союзом народа Финляндии (ДСНФ)». Придуманные переводчиком сокращения явно дезинформируют и вводят читателя в заблуждение.

К языковым элементам, которые, как правило, не переводятся, а транскрибируются, относятся и названия газет, журналов и др. СМИ. В «Политической истории Финляндии» они также приводятся в транскрипции: «Хельсингин саномат», «Вапаа сана», «Суомен сосиалидемократти», «Суомен кувалехти», радиоккомпания «Юлейсрадио» и т. д. По контексту читатель понимает, идет ли речь о печатном или другом информационном канале. Стратегия все же должна быть едина, поэтому рассказы об Арво Сало и «Студенческой газете» (по-фински «Ylioppilaslehti») (Политическая история Финляндии, 1995, 302) диссонируют с остальным текстом.

В «Русской идее» переводчик порой сохраняет финское написание источника: «Кнут Пиппинг и... Лейф Тэнгстрэм написали интересную статью в журнале «Kanava» (№ 6, 1984) (Койвисто, 2002, 14).

Помимо названных приемов приблизить книги к русскому читателю следует упомянуть об их научном аппарате. «Политическая история Финляндии» содержит множество построчных примечаний, пояснений, комментариев к описываемым фактам и событиям и т. п., которых нет в первоисточнике. В приложениях даны списки императоров, генерал-губернаторов, министров статс-секретарей, состава сената, руководителей правительства, президентов, состава парламента, а также сокращений, географи-

ческих названий и использованной литературы. Они вполне уместны с учетом научного характера книги.

Автор «Русской идеи», повествуя о финнах об истории России, не прибегает к примечаниям, а поясняет непосредственно в тексте отдельные моменты. Переводчик же активно использует построчные примечания, которые касаются исторических, политических деятелей и деятелей культуры разных стран, в том числе и России: Хаавикко, Агрикола, Линна, Паасикиви, Пеккала, Св. Лев I Великий, Александр Невский, царь Фёдор Иванович, царь Василий Шуйский, Сигизмунд III Ваза, Н. И. Бобриков, Хрущев, Пастернак и т. п. Вторую значительную группу построчных примечаний составляют ссылки и комментарии исторических фактов и документов, касающиеся, например, создания Флорентийской унии, состава Российского Сената в XVIII веке, «Свода законов Российской империи», принятия закона «О поземельном устройстве государственных крестьян», реформы управления государственными крестьянами, заключения Фридрихсгамского мирного и русско-японского договора 1855 года и многих других. В совокупности с внутритекстовыми расширениями они значительно углубляют информационную сторону. Вместе с тем они несколько меняют жанровую природу исходного текста, приближая его к научной монографии.

Таким образом, на основе произведенного анализа и приведенных примеров перевода можно заметить, что в работе с безэквивалентной лексикой и ее доместикацией используются с большим или меньшим успехом все предлагаемые теорией перевода способы передачи сообразно избранной переводчиком стратегии.

Список литературы

Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1973.

Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб., 2002 .

Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2004.

Jänis Marja. Venäjästä suomeksi ja suomesta venäjäksi kääntäminen. Helsinki, 2006.

Leppihalme Ritva. Kääntäjän strategiat // Suomenoskirjallisuuden historia. Jyväskylä, 2007. II osa. S. 365–373.

Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М., 2006.

Юссила О., Хентила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии 1809–1995. М., 1998.

Jussila Osmo, Hentilä Seppo, Nevakivi Jukka. Suomen poliittinen historia 1809–1995. Porvoo; Helsinki; Juva, 1995.

Койвисто Мауно. Русская идея. М., 2002.

Koivisto Mauno. Venäjän aate. Jyväskylä, 2001.

Kielitoimiston nimiopas. Helsinki, 2008.

Иностранные имена и названия в русском языке. М., 1978.

Справочник по русской передаче финляндских личных имен и фамилий. Хельсинки, 1988.

**AV-KÄÄNTÄMISEN HAASTEET NYKY-VENÄJÄLLÄ
JA KARJALASSA**

Vuosituhanisien vaihteessa maailmankuva on muuttunut ratkaisevasti. On käynnissä uusien kansallisuuksien ja kansakuntien muodostumisprosessi, maailmassa luodaan kansallisvaltioita ja kulttuurin puolella käytävä aktiivista keskustelua «oman» ja «vieraan» yhteenviemisestä. Tilannetta kuvasi osuvasti tutkija M. Bahtin: «kielten kuuro vierekkäin olemisen aika on päättynyt» (Бахтин, 1986, 397). Dialogismi on nykymaailmassa selviö, maailman avartuminen ja kulttuurien kohtaaminen toteutuvat ennennäkemättömällä tavalla.

Yhtäältä vanhojenkin kansallisten kielten ja kulttuurien asema on yhtäkkiä alkanut tuntua epävakaalta: suurella vaivalla luotujen instituutioiden, sanastojen ja kielioppien arvovalta on horjumassa. Ja tämä sillä taustalla, että maailmassa väitetään olevan tilaa vain muutamalle universaalille kielelle, joilla kaikki toiminta ja kanssakäyminen tulisi suorittaa. Ajattelumalli johtaa kielishovinismiin, kulttuurisegregaatioon sekä kansojen mitätöimiseen, tämä on tajuttu ja kielten sekä kulttuurien arvoa on yritetty vahvistaa myös pienempien kustannuksella. Toisaalta kehitys on ajankohtaistanut keskustelun globaalista maailmasta, virtuaalista todellisuudesta, median myllertävässä esiinmarssista yms. ja uudenlainen tilanne on tuomassa lisäarvoa kulttuurien väliselle vuorovaikutukselle, toistensa rikastuttamiselle. Se tukee kansallisia kulttuureja niiden kehityksessä avaamalla *ainutlaatuisia mahdollisuuksia*, portteja. Jokainen kansa etsii

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Перевод с финского на русский язык и с русского на финский язык в поликультурном мире» (проект № 09-04-95203а/Ф).

paikkaansa maailmanhistoriassa, jokainen haluaisi todeta oman kotoisen kulttuurinsa olevan yhtä arvokas kuin naapurinsakin, mutta samalla se haluaisi kirjoittaa oman tarinansa maailman kulttuurin kirjoihin, haluaisi tulla kuuluksi ja ymmärretyksi.

Erikielisten kulttuurien vuorovaikutuksen turvaamisessa on kääntämisellä mitä keskeisin rooli. Kääntäminenhan on ikiaikaista toimintaa, joka on turvannut kielten ja kulttuurien välisen kommunikoinnin. Kuten tunnettua, «kääntäjä siinä missä kirjailijakin on osallinen kohdekielen rikkaaksi (tai köyhäksi) tekemisessä» (Влахов, 2009), koska useat vierasperäiset sanat ennen kuin ottaisivat juurtuakseen kielessä näkyvät juuri käänöksissä. Kääntäminen on luovuutta, ja kääntäjä on luoja. Tämä, riippumatta lahjakkuuden mitasta ja vaikuttavuudesta edellyttää henkistä liikkuvuutta, kykyä hyväksyä vierasperäinen aines omana aineksena. Kuitenkin kääntäjän roolia ei pidä rajoittaa vain kieleen. Kääntäjä on silta, välittäjä, tosin hän on myös seula, joka sensuroi ja pahimmillaan omaksuu paternaalisesti esiintyvän kulttuurin ja/tai kielen aseman vahvistajan tehtävän. Yllä kuvatuun valossa kääntäjän rooli on entistä vastuullisempi, sen kun on turvattava monesti kaukaisten kulttuurien ja kielten kohtaaminen niin, ettei kumpikaan osapuoli jäisi potemaan alemmuudentuntoa.

Nämä ominaisuudet ilmenevät tasapuolisesti niin kirjallisuuden, kuin asiatekstien sekä av-tuotteiden kääntämisessä. Siinä missä muutkin, AV-kääntäminen on omanlainen osaamisalueensa. Kaiken ratkaisee sana tallenne. Äänen ja kuvan tallentaminen on ajatuksen graafiseen muistiinkirjoittamiseen verrattuna varsin nuori laji. Heti kun on opittu tallentamaan ääntä ja kuvaa ja myöhemmin myös yhdistämään niitä, on ollut tarvetta myös tämän *tiedon* välittämisestä muualle, tarvetta sen ymmärretyksi tekemisellä.

Joten av-kääntäminen on sektori kääntäjän työssä, johon tekniikan kehitys, toisin sanoen audiovisuaalinen ulottuvuus on

asettanut omat ehtonsa. Nykyinen maailma tarjoaa rajattomasti AV-materiaalin ilmentymismuotoja. Voisi mainita radio- ja tv-ohjelmat (suorat lähetykset ja tallennetut, näytelmälliset ja dokumentaariset), video- ja dvd-tallenteet (vanhanaikaiset kasetit ja levyt), elokuvat (animaatiot, näytelmälliset ja dokumentaariset elokuvat), äänikirjat (tapauskohtaisesti kenties), tietokonepelit, ooppera- ja teatterinäytökset. Viimeisimpänä Internet-foorumit joissa keskustelun yhtenä osapuolena toimii tulkki. Nämä hyvin erilaiset toteutukset tekevät AV-kääntämisen polveilevaksi alaksi, jonka erityispiirteet ovat laajalti tiedossa. AV-kääntämisessä on käytössä erilaisia keinoja välittää tietoa toiselle kielelle, mikä johtuu tilanteesta, tehtävästä, tilauksesta, rahoituksestakin yms. Tutkimuksessa puhutaan dubbauksesta, tekstityksestä sekä voice-overista, jotka ovat av-kääntämisen keskeisimmät lajit. Näiden rinnalla on olemassa ainakin selostustekstiä, simultaanikäntämistä, kertomista, selitystä, tekstitystä kuulovammaisille yms. Se, mikä tapa on suosittu missäkin maassa, on monesti selitettävissä taloudellisilla, poliittisilla, ideologisilla, kulttuurisilla syillä sekä yksinkertaisesti av-tuotteiden kuluttajan tottumuksilla.

NL:n aikana dubattavana oli ykkösluokan tuotanto tai elokuvateattereiden levitykseen tarkoitettut elokuvat, muissa tapauksissa turvauduttiin myös voice-over -kääntämiseen. Useimmiten tehtävän hoiti nainen, joka lausui repliikit erittäin välinpitämättömällä äänellä, tarkoituksenaan olla häiritsemättä katselua. Tällä erää voice-overia käytetään käännettäessä tv-ohjelmia sekä niitä elokuvia, jotka eivät mene levitykseen. Muutenkin nyky-Venäjällä käytössä oleva kääntämistraditio on peräisin NL:n ajoilta, tuolloin ulkomaiset artistit puhuivat enemmän tai vähemmän tunnettujen artistien äänensävyllä. Dubbauksen hoitivat ammattitaitoiset näyttelijät, jotka valikoitiin niin, että he sopisivat ikänsä, äänensä sävyn sekä temperamenttinsa puolesta dubattavaan rooliin. Tyypillisintä: kaikki mieshahmot – yksi mies, kaikki naishahmot – yksi nainen, monesti niin, että sama artisti onnistui

puhumaan eri äänillä, parhaassa tapauksessa niinkin moitteettomasti, ettei maallikkokatselija pystynyt asiaa huomaamaan. Jotkut varsin suositut ulkomaiset artistit kiinnitettiin pysyvästi johonkin samaan kotimaiseen artistiin. Esimerkiksi, virallisessa levityksessä olevissa filmeissä ranskalainen näyttelijä Jean-Paul Belmondo puhui näyttelijä Nikolai Karatšentsovin äänellä. Jälkimmäisen ääni nähtiin sopivaksi edellisen karuun imagoon miehekkään, tupakankaraiseman äänensävyensä puolesta.

Virallinen läntisen elokuvatuotannon levitystoiminta oli NL:ssa leimallisesti osa yleistä seulontapolitiikkaa. Ulkomaisten elokuvien levityksistä vastasi valtio, joka suosi vain tietyn tyyppistä tuotantoa. Harvat valkokankaille saakka päässeet yhdysvaltalaiset elokuvat olivat B-luokan tuotantoa, tietysti, ideologisesti oikeaoppisia. Vastapainoksi viralliselle av-kääntämiselle NL:n aikoihin syntyi kaikensuopa piraattituotanto. Sen myötä maahan kehittyi ainutlaatuinen voice-over-kääntämisen alamuoto «авторский перевод», joka käytännössä tarkoitti sitä, että sama henkilö teki käännöksen sekä tallensi ääniraidan jossakin kotistudiossa. Neuvosto-aikoina juuri tuo muoto teki Hollywoodin maailman tutuksi. Vauhti oli kova, eräs tunnetuimmista, Leonid Volodarski – ns. «pyykkipoikaääni» on kertonut, että yhden elokuvan kääntämiseen häneltä meni korkeintaan 4–5 tuntia eikä 3–6 päivää niinkuin ilmoittaa Suomen kääntäjien ja tulkkien liitto: mukaan mahtui pikainen esikatselu, merkillepano ja käännöksen suorittaminen, joka oli käytännössä simultaanitulkkausta. Virheilä ei tietenkään voinut säästyä, se annettiin anteeksi: «I ain't got 5 hundred dollars, man» – «У меня нет пяти штук баксов, чувак» (Kundi, ei mulloo viittä tuhatta taalaa) (Harley Davidson and the Marlboroman, 1991). Tosin nämä seikat kiinnostavat lähinnä kielitieteilijöitä, miljoonat kansalaiset Venäjällä ovat edelleen kiitollisuuden velkaa Volodarskin tyyppisille piraattikääntäjille.

Vielä 1930-luvulla kansainväliseen levitykseen tarkoitettujen elokuvien kuvamateriaali ja ääniraita tehtiin uudestaan, mikä rajoitti huomattavasti vientiä. Tekniikan kehitys teki mahdolliseksi sen, että nykyään DVD-levyt sisältävät useita ääniraitoja sekä tekstitykset aina 32 kielellä. Venäjä kuuluu maihin, joissa on vahva dubbauskulttuuri ja sillä alalla varsin pitkät perinteet, mutta näin ei ole aina ollut. Sotienkin jälkeen osa levitykseen menneistä elokuvista varustettiin huolellisilla ruututeksteillä, joiden kaikkien sanojen painolliset tavut oli merkitty. Näin varmistettiin tekstityksen luettavuus ja ymmärrettävyys eri puolilla monikielistä valtiota. Ajan mittaan venäjän kieli on kuitenkin saavuttanut ylivoimaisen aseman, joten nykyään tarvetta venäjänkielisestä ruututekstistä juuri ole olemassa. Tilanne ylipäätäänkin on toisenlainen.

Vuosittain nykyvenäläiselle kuluttajalle tarjotaan katsottavaksi ulkomaisia tv-ohjelmia, elokuvia, ajankohtaisohjelmia yms., joiden alkuperä on hyvinkin kirjava, vaikkakin merkittävä osa on amerikkalaislähtöinen, siis, englanninkielinen. Voisi ajatella, että valtava määrä av-tuotantoa, joka tulvii maahan, pakottaisi halvempien av-käännösmenetelmien laajempaan käyttöön, mutta todellisuudessa kaikki on aivan toisin. Kun nyky-Suomessa noin 80% vieraskielisistä tv-ohjelmista ja elokuvista tekstitetään, Venäjällä miltei 100% kaikista vieraskielisistä av-materiaaleista ovat dubattuja kalliilla rahoituksella. Onkin aiheellista pohtia syitä ja seurauksia.

Dubbauksen kiistamaton etu on, että kotimaiset katseluperinteet ja –tottumukset pysyvät kunniaassa. Ajatuksena on siis, että mikäli av-materiaalin pyritään avautuvan kaikille katsojille tasapuolisesti sekä kaikkine vivahteineen, on tehtävä laadukas käännös joka on osa audiovisuaalista elämystä ja palvelee kokonaisuutta. Tällaisen lopputuloksen tarjoaa vain dubbaus, jolloin kuluttajalla on mahdollisuus seurata ohjelmia huomio hajoamatta ja hänelle muodostuu täydellinen kuva tapahtuvasta. Tämän lisäksi dubbauksen

suosiminen olisi selitettävissä muilla ulkoisilla syillä. Nimittäin 1990-luvulla elettiin ideologisen kaaoksen aikaa, joka ilmeni kielellisten konventioiden murenemisena. Tuolloin tehdyt virallisetkin käännökset olivat amatöörimäisiä ja vailla toimitusta; ne viljelivät uudiskieltä joka rehotti uudiskieltä ja miksei mauttomuusiakin. Tuo välikausi on nähtävä tarpeellisena, sitä ei saa aliarvioida, sillä sääntöjen polkemisessa kääntäjät asettuivat edellisen ajan tiukan henkistä ja aatteellista valvontaa vastaan, koko kielellisellä olemuksellaan ne julistivat vanhojen arvojen kumoamista sekä uuden hapuilua.

Nykyään valtio on toden teolla huolissaan venäjän kielen asemasta maailmassa sekä erityisesti kotirintamalla. Kielelliset ylilyöntien aika on ohi ja on lähdetty koko rintaman pituudelta kohottamaan profiiliä. Urakan ylivoimaisuus on ilmeinen, onhan nostettava hyllyiltä aikaisemmin vaiennettu materiaali ja muokattava uuteen uskoon mittava määrä keskeneräisiä ellei huonojakin käännöksiä. Tästä johtuen kymmenkunta studiota on erikoistunut kääntämiseen ja jälkiäänittämiseen. On palkattu valtava määrä kääntäjiä, toimittajia, tekstiammattilaisia ja näyttelijöitä. Toistaiseksi tavoite on kutakuinkin saavutettu ja tilanne on hallussa, vaikka samojen näyttelijöiden äänet toistuvat produktiosta toiseen. Asialla on omat kääntöpuolensa, joista keskeinen vieraiden kielten käyttöreviirin suppeus. Niiden hallitseminen pysyy yhä vähäisenä ja kääntäjät ovat edelleen etuoikeutettu yhteisö, joka pahimmillaan omaksuu portinvartijan (ulos- ja sisäänheittäjän) tehtävän.

Mielenkiintoista, mutta näissä oloissa NL:ssa syntyneen «авторский перевод «-perinteen jatkajaksi on ilmeistynyt käsite «гоблинский перевод» (ns. goblinin käännös). Tällä nimikkeellä tunnettujen käännösten alkuperä on tuntematon, sitä mielenkiintoisempia ne ovat ilmiönä. Kyseessä on suosittujen elokuvien, kuten esimerkiksi *Taru sormusten herrasta*, epäviralliset käännökset, jotka toisinaan loistavat

säädttömyyksillä, mutta ovat siinäkin lajinsa nerokkaita. Kaiketi niiden tehtävä muuttuneissa oloissa on täysin toisenlainen, kuin neuvostoaikasten edeltäjiensä. Siinä, missä vanhempi virkatoverinsa edustivat vapautumista ja keinoa päästä kielletyn av-tuotannon äärelle, nämä esiintyvät muodollisesti hyväksytyjen käännösten jännittävänä irtokuvana. Ne ovat kaukana siloposkisesta «Mosfilmin» tai «Nevafilmin» sievistelystä ja edustaa sellaisenaan rahvaan syville riveille ominaista karnevalistista kaiken nurinkääntämistä, eräänlaista korvapuustia yleiselle hyvälle maulle. Tämän ilmiön syyt piilevät kenties jo syvällä kansansielussa: epäillä ja repiä.

Yllämainittujen tuotteiden lisäksi av-kääntäminen ulottuu myös muuhun toimintaan, mm. tv- ja radiolähetyksiin. Venäjällä olevan käytännön mukaan keskuskanavien paikallisedustustoilla on oikeus lähettää viikoittain tietty määrä omaa tuotantoa, joka ainakin Karjalassa on pitkään tapahtunut venäjäksi ja muilla alueen vähemmistökielillä. Perinteisestihän kansalliskielinen tuotanto on kattanut ajankohtaisohjelmia, uutisohjelmia sekä erilaisia teemaohjelmia, jotka aikaisemmin välitettiin suoraan kuluttajille ilman käännöstä. Viime vuosikymmenen kuluessa kielenkäyttäjien luonnollisen poistuman, muuttoliikkeen sekä ailahtelevan ja pitkälti harkitsemattoman suomen, karjalan sekä vepsän opetuspolitiikan seurauksena kielten käyttöala on supistunut lyhyessä ajassa merkittävästi, mikä on osaltaan johtanut siihen, että valtion rahoittaman Karjalan TV:n tuotannon kansalliskielinen toimitus on ottanut käyttöön av-kääntämisen.

Kansalliskielisellä toimituksella on käytettävänä talon venäjänkielisiä uutislähetyksiä sekä omintakeista tuotantoa, menetelminä on otettu voice-over ja ruututekstitys. Uutislähetyksissä käytetyt venäjänkieliset materiaalit lähes poikkeuksetta käännetään käyttäen edellistä työtapaa. Kääntäminen toteutuu niin, että puhujan äänen annetaan kuulua 2–3 sekuntia ja sitten päälle tulee käännös. Alkuperältään venäjänkielisen av-materiaalin muokkaaminen suomen-,

karjalan- ja vepsänkieliseksi toimintana määräytyy koko kansalliskielisen toiminnan instituution tavoitteiden mukaisesti: vähemmistökielien ja kansallisten kulttuurien säilyttäminen ja kielten revitalisaation turvaaminen myös median keinoin. Mitä tulee uutisiin ja ajankohtaisohjelmiin, jotka on tehty vähemmistökielillä, ne taas tekstitetään, näin alkuperäinen kieliasu pääsee perustellusti täysiin oikeuksiinsa. Menetelmän kannalta vähäisen henkilöstön takia avkääntämisestä on kansallisella toimituksella on toteutettu «авторский перевод»-muotoon, toisin sanoen tehdään itse, käännetään itse myös luetaan käänнос. Venäjänkielisen ruututekstin käyttöönotto on lisännyt kansalliskielisten ohjelmien kuluttajakuntaa merkittävästi, toisaalta kuitenkin arvelluttavaksi jää se, missä määrin toiminnasta hyötyvät alueen vähemmistökielet, jotka kaikki poikkeuksetta sinnittelevät kuoleman partaalla venäjänkielisen kulttuurin huomassa.

Список литературы

Бахтин М. М. Эпос и роман // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Р. Валент, 2009. 550 с.

Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 256 с.

Карху Э. Г. Общение культур и народов. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2003. 230 с.

Конрад Н. И. Запад и Восток. М.: Наука, 1972. 496 с.

Горшкова В. Е. Кинодиалог на службе подготовки переводчиков // Вестник ИГЛУ. 2008. С. 26–31.

Ranta K. Arpi korvessa ja sydämessä. Helsinki: WSOY, 2000. 455 s.

http://publ.lib.ru/ARCHIVES/V/VOLODARSKIY_Leonid_Veni_aminovich/_Volodarskiy_L._V..html

The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring. USA-New Zealand, 2001. Kesto 178 min.

Harley Davidson and the Marlboroman. USA: MGM, 1991. Kesto 98 min.

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
В ПЕЧАТНЫХ ФИННОЯЗЫЧНЫХ СМИ КАРЕЛИИ
НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛА ГАЗЕТЫ «KARJALAN SANOMAT».
ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ВОПРОС**

Данная статья является частью совместного проекта с университетом Йозенсуу «Suomesta venäjäksi ja venäjältä suomeksi – kääntäminen monikulttuurisessa yhteisössä». В любой проектной деятельности необходимо разработать план действий. Это помогает в дальнейшем продвигаться к поставленной цели. Первый шаг – изучение теории по переводоведению и сбор материала. Второй шаг – практический. Он предполагает тщательное изучение проблемы на примере лексики финноязычных печатных СМИ Карелии. Третий шаг – создание начального базового корпуса общественно-политической лексики финноязычных СМИ Карелии. В теоретической части мы опираемся на основные идеи теории и практики перевода и переводоведения таких известных отечественных и зарубежных теоретиков и исследователей-лингвистов, как А. В. Фёдоров, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, Марья Янис и др. В процессе сбора материала неизбежно сталкиваешься с необходимостью ознакомления с работами социолингвистов, например Пиркко Нуолиярви. Выбранная тема привела к следующим лингвистическим и научным понятиям / определениям: *перевод как результат, перевод как процесс, реалии, дискурс, глобализация*. Они не только помогают понять последние тенденции в язы-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Перевод с финского на русский язык и с русского на финский язык в поликультурном мире» (проект № 09-04-95203а/Ф).

кознании и переводоведении, но и обрамляют всю работу в определенные научные рамки.

Итак, практическая часть основана на материале финноязычной газеты «Karjalan Sanomat» примерно с 2004 года по настоящий момент, включая 2009 год. В основном использовалась электронная версия газеты. Она общедоступна и позволяет быстро просматривать основные новости России и Карелии. Невозможно проанализировать одновременно всю лексику, тем более что рамки статьи этого не позволяют. Объектом изучения является лишь общественно-политическая лексика (названия общественно-политических организаций, должностей и т. д.) и ее передача на финский язык. Как переводчик (а он часто является и автором статьи / текста) передает ту или иную реалию с русского языка на финский язык?

Наверняка каждый человек, владеющий помимо своего родного хотя бы одним иностранным языком, постоянно вынужден производить в своей голове разнообразные трансформации, другими словами «переводить» и «перекодировать». Или владеющий языками постоянно задумывается, как ту или иную фразу сказать на другом языке, например, по-фински, по-английски т. д. И если человек решает сделать это своей профессией – передавать смысл слов или текста одного языка на другой язык, то он становится профессиональным переводчиком. Профессиональный переводчик – это одновременно «гражданин» обоих государств (если он владеет двумя языками), знаток как минимум двух разных культур.

В современной теории перевода выделяют два уровня (или пласта) исследования – перевод как *процесс* и перевод как *результат*. Оба уровня активно изучаются, и знания пополняются с помощью абсолютно разных научных подходов и методов: психологии (в том числе когнитивной психологии), социолингвистики, литературоведения, культурологии и др. В теории перевода, как и

в любой науке, наблюдается динамика развития. Теоретики перевода XX века, такие как А. В. Фёдоров, Я. И. Рецкер и др., не уделяли переводу как психологическому процессу большого внимания, они подчеркивали значимость языка, его коммуникативную функцию, важность задачи / цели перевода и переводчика. Современная же наука о переводе – более обширное понятие, которое включает ряд научных подходов и носит философский характер. При этом нельзя сказать, что современная лингвистика игнорирует труды прошлых лет, скорее, она пополняет созданную базу все новыми идеями и взглядами. И. С. Алексеева пишет в своей работе «Введение в переводоведение», что «переводоведение в своем современном состоянии включает в себя все направления исследований, которые изучают перевод как процесс и как результат» (Алексеева, 2006, 3).

Важно определить, кто или что влияет на переводческий процесс и как? И так, еще А. В. Фёдоров отмечал, что процесс перевода делится на два основных этапа: 1) понимание и осмысление переводимого текста / мысли и 2) поиск соответствующих средств выражения конкретной мысли или смысла определенного текста в переводящем языке. Я. И. Рецкер дополняет мысль своего единомышленника и выстраивает три вида соответствий 1) эквиваленты; 2) вариантные и контекстуальные соответствия; 3) разные виды переводческих трансформаций (Рецкер, 1974). Впоследствии разработанная теория / концепция полноценного перевода А. В. Фёдорова и Я. И. Рецкера дополнялась и развивалась с требованиями времени. Первый этап переводческого процесса объективный, свойственный внутренним психическим процессам головного мозга, он происходит в голове переводчика, читателя, слушателя – получателя информации. А вот второй этап – субъективный. Каждый переводчик создает свой собственный

перевод, и у одного и того же исходного текста / подлинника может быть несколько вариантов перевода, выполненных разными переводчиками. Поэтому необходимо осознавать, что переводческий процесс – это, прежде всего, индивидуальный творческий процесс, основывающийся на крепкой теоретической и практической базе переводчика.

Но так ли уж свободен переводчик в своем творческом процессе? Существуют «ограничители», которые и обрамляют свободу действия переводчика. Во-первых, переводчик действует в рамках переводящего языка. Он учитывает его грамматический, лексический, фонетический строй и другие аспекты. Во-вторых, у перевода есть задача или цель. Ради чего или для чего он вообще делается? Надо ли передать содержание в общем или есть особенности формы и внутренней структуры оригинала? Каков круг получателей или для кого перевод делается? Приведу для сравнения два примера:

1) Первый пример взят из газеты «Helsingin Sanomat» из статьи о том, как милиция подавила выступления / протест демонстрантов.

Sitten poliisi tajuaa, ettei Anatoli Viktorovitš olekaan toimittaja ja kehottaa miestä poistumaan.

Helsingin Sanomat, 15.12.2008: Poliisi tukahdutti opposition mielenosoituksen Moskovassa. S. B1.

2) Второй пример взят из электронной версии газеты «Karjalan Sanomat».

Ajokaistoilla syntyi tämän tästä ruuhkaa. Miliisit saivat hädintuskin liikenteen sujumaan.

(Karjalan Sanomat, 8.12.2004)

В первом случае во всей статье используют слово «poliisi», когда речь идет о милиции или милиционерах. Для русского получателя это звучит немного странно, потому что в России нет поли-
226

ции, а есть милиция. Но для финского читателя в целом более близко слово «poliisi». Автор статьи рассчитывал на широкую европейскую публику – такова была цель перевода. Во втором же случае у автора не возникло никаких колебаний, какое слово использовать. Милиция и милиционер – это наши российские реалии.

В-третьих, становится важным тип текста. Что переводят? Художественный ли текст, газетно-информационный или рекламный проспект? Каждый тип требует от переводчика определенного подхода. В-четвертых, необходимо учитывать вид перевода. Устный перевод требует одних действий, письменный – других. И это далеко не все «ограничители» переводчика.

Перевод – это деятельность, заключающаяся в передаче, в «перекодировке» текста исходного языка в текст переводящего языка, осуществляемой переводчиком, который творчески действует в рамках и ресурсах переводящего языка, учитывая задачу осуществляемого перевода, тип текста, вид перевода и другие факторы. При этом под текстом понимается объем любой информации, например, начиная с ярких призывов рекламы, заканчивая толстым романом. Отсюда следует следующее понятие – «перевод как результат». Это продукт, творение переводчика, осуществляющего упомянутые выше действия.

Дискурс

Рассматривая процесс перевода и влияющие на него факторы, нельзя не обратить внимание на зависимость данного процесса также и от определенной ситуации, от отрезка времени / временного периода.

Понятие «дискурс» активно используется не только в лингвистике. В современной науке дискурс используется в социолин-

гвистике. В сборнике статей «Язык, дискурс и общество» («Kieli, diskurssi ja yhteisö») финская исследовательница Пиркко Нуолиярви в статье «Sosiolingvistiikka kielentutkimuksen kentässä» пишет о том, что этот раздел языкознания, в большей степени прикладного языкознания, появился впервые где-то в 1950-х годах, но новый термин «социолингвистика» не вошел в обиход. К нему обратились только в 1960-х гг., а в 1990-х годах термин приобрел дополнительные значения и данная наука расширила свои границы. Что же является объектом изучения в социолингвистике? Социолингвисты считают, что социолингвистика стремится изучать язык как социальное явление и пытается в меру своих возможностей найти причинные связи между употреблением языка и общественной действительностью / обществом, другими словами, она пытается выявить и прояснить, что же скрывается за вариативностью / разнообразием и изменениями языка.

Под вариативностью подразумевают схожие явления одного и того же языка в синхронном временном разрезе или на данный момент времени. Например, все говоры, территориальные различия русского языка, профессиональные языки, язык молодежи, язык женщин и т. д. В финском языке к этому списку можно отнести еще и диалекты. Качественное изменение языка происходит постепенно, хронологически. Русский язык XIX века или начала XX столетия отличался от современного языка. Каждой эпохе был присущ свой язык, на котором говорило общество.

Одним из методов социолингвистики, с помощью которого изучают линейные (синхронные) вариации языка и хронологические изменения на уровне письменной и устной речи, является дискурс-анализ, или дискурсивный анализ. По словам М. Янис, дискурс – это новый образ мышления в определении и понимании языковой коммуникации (Jänis, 2006, 16).

Вывод: дискурс – это употребление языка в конкретной, обусловленной многими факторами (такими как время, эпоха, культурные, языковые, индивидуальные особенности коммуникантов) ситуации; а дискурс-анализ – это лингвистический анализ любого вида речи, письменной или устной, в определенном контексте.

В социолингвистике действует закон: «Язык отображает общество». Язык не развивается, не меняется сам по себе, его меняет общество. Русский язык отображает особенности русских, финский – финнов и финскую культуру. Финский язык Карелии отображает круг людей, общество, которое создало специфическую культуру и поддерживает ее с помощью учебных заведений, где преподается финский язык, где работают СМИ на национальных языках.

Историческая справка

Карелия как приграничная территория, пожалуй, всегда была (и есть) местом соприкосновения культур и языков. Естественно, в карельском языке есть элементы и заимствования из финского языка, в русском языке – заимствования из карельского языка, в финском языке – из русского и карельского языков. И не мог остаться незамеченным в истории тот факт, что в 1920–30-х годах малочисленные финны-иммигранты строили и укрепляли Карельскую автономию, создавали и развивали карельскую культуру и науку. Историк И. Р. Такала пишет об этом так: «Карельская автономия строилась и укреплялась усилиями таких известных в стране людей, как Эдвард Гюллинг, Иоганн Ярвисало, Сантери Нуортева, Густав Ровио, Яакко Мяки, Тойво Антикайнен. 15 лет красные финны, составляя политическую элиту республики, проводили в жизнь идею строительства на границе с Финляндией образцо-

вого общества, способного продемонстрировать рабочему классу и крестьянству соседней страны преимущества социалистического строя» (Такала, 2002, 62).

На деятельность и язык финнов-иммигрантов повлияла советская действительность. Поэтому в то время вошло большое количество советизмов в финский язык, особенно в язык СМИ. Печатные источники пестрили своеобразными терминами, выражениями, которые были хорошо понятны советскому человеку. В процессе работы были обнаружены интересные статьи И. П. Козьяр «О социолингвистическом аспекте влияния русского языка на финскую лексику (1920–1940 годы)» и «О развитии лексики финского языка в Карелии в 20–30-е годы XX века», опубликованные в сборнике «Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии». Автор статей исследует влияние русского языка на финскую лексику в социолингвистическом аспекте, учитывает исторические особенности того времени и приводит интересные примеры из печатных СМИ советской Карелии.

Приведу несколько примеров:

1) *прямые заимствования*: *kipjatku* – *кипяток*, *suom. keitetty vesi*, *puolueen kandidaatti* – *кандидат партии*, *suom. puolueen ehdokas*, *kolhoosi* – *колхоз*;

2) *заимствованные аббревиатуры и сокращения*: *Karelles* – *Кареллес*, *polittietoisuus* – *политсознание*;

3) *лексические кальки*: *rupainen nuoriso* – *красная молодежь*, *luokkataistelu* – *классовая борьба*.

Сейчас эти слова и выражения звучат странно и незнакомы современному получателю информации. Но в то время их пользователи преследовали определенные идеологические цели. У современных СМИ другие цели, и они ориентированы на других

получателей информации. СМИ по-прежнему отражают общественно-политическую жизнь и ее изменения. Язык отражает происходящие изменения. Стираются границы между государствами, все больше людей получает возможность путешествовать, работать за пределами своего государства. Этот общемировой процесс *глобализации* охватывает все сферы современной жизни. На уровне языка это происходит следующим образом: все больше элементов иностранной культуры проникает в язык. Все больше культурных, общественно-политических и бытовых реалий не требуют от переводчика разъяснений, сопровождения комментариями или пояснениями. Финноязычные СМИ Карелии не являются исключением. Читатель может найти в них достаточно слов и выражений, отражающих современную действительность.

Приведу некоторые примеры:

1) Прямые заимствования: *duuma, presidentti, miliisi, budjetti...*

2) Заимствованные аббревиатуры и сокращения: *Vodokanal Gazprom* и т. д.

Чаще всего это имена собственные, например названия организаций.

3) Лексические кальки: *lainsäädäntökokous* – *Законодательное собрание*, *tasavallan päämies* – *глава республики*, *pienyrittäjyys* – *малое предпринимательство*, *talouskriisi* – *экономический кризис*.

Интерференция

Иногда в стремлении к полной эквивалентности и адекватности / правильности перевода переводчик может допускать некоторые неточности в передаче смысла слова или выражения. Учитывая особенности формы, содержание передается неверно. Такое явление называется *межъязыковой интерференцией*. Под ней по-

нимается «нарушение языковой нормы под воздействием элементов другого языка» (Алексеева, 2006, 170). Например, на официальном сервере правительства Республики Карелия www.gov.karelia.ru Академия госслужбы переведена как *Julkisen hallinnon akatemia / julkishallinnon akatemia*. Переводчик перевел каждую часть дословно: *государственный* – *julkinen*; *служба, управление* – *hallinto*. Таким образом, русскоязычный пользователь, не являющийся финном, но говорящий на финском языке, понимает, о чем идет речь. А пользователь, для которого финский язык является родным, не совсем понимает смысл данного выражения. Зато финну понятно было бы слово *virkamiesakatemia*. Поэтому в данном случае аналогия была бы лучшим решением при переводе.

Таким образом, на язык СМИ Карелии влияют многие факторы: особое географическое положение, особое и обособленное развитие финского языка, связь перевода со временем и местом его создания (дискурс), личность переводчика (его индивидуальность, образование) и др.

Список литературы

Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., СПб., 2006.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: Учеб. пособие. М., 2004.

Козяр И. П. О социологическом аспекте влияния русского языка на финскую лексику (1920 – 1940 годы) // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 144–148.

Козяр И. П. О развитии лексики финского языка в Карелии в 20–30-е годы XX века // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии: Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 148–154.

Реуцер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Междунар. отношения, 1974.

Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Изд-во «Журнал "Нева"», 2002. 172 с.

Фёдоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1953.

Jänis Marja. Venäjältä suomeen ja suomesta venäjäksi. Vaajakoski: Gummerus kirjapaino Oy, 2006.

Luukka Minna-Riitta. Näkökulma luo kohteen: Diskurssintutkimuksen taustaoletukset // Kieli, diskurssi ja yhteisö toimittaneet Kari Sajavaara ja Arja Piirainen-Marsh. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2000. S. 133–160.

Nuolijärvi Pirkko. Sosiolingvistiikka kielentutkimuksen kentässä // Kieli, diskurssi ja yhteisö toimittaneet Kari Sajavaara ja Arja Piirainen-Marsh. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 2000. S. 13–37.

Интернет-ресурсы: www.karjalansanomat.ru

**ИЗУЧЕНИЕ ТЕМЫ «АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ» В РУССКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ
(ПО ПУБЛИКАЦИЯМ ГАЗЕТЫ «KARJALAN SANOMAT»)**

Газета «Karjalan Sanomat» – единственное печатное издание в России, которое выходит на финском языке. В настоящее время журналистами и переводчиками газеты являются по большей части люди, для которых финский язык – это иностранный. Здесь существенным становится то, что русскоговорящий человек, который пишет на финском или переводит на финский, несомненно, подвергается влиянию своего родного языка. И это влияние наблюдается в разных языковых сферах: в лексике, словообразовании, порядке слов в предложении, построении текста статьи. Русский язык оказывает настолько сильное влияние на финский, что сейчас говорят о таком уникальном явлении, как финский язык в Карелии. Оказывается так, что родной язык переводчика начинает влиять на переводной язык на разных его уровнях. В данной статье обратимся к коммуникативной стороне языка.

Статья или какой-либо другой текст несет в себе информацию, которую пишущий хочет передать читающему. Газетные статьи интересны в этом смысле тем, что тексты строятся из определенных стандартных элементов и экспрессивных элементов. Стандартные элементы – это некие трафаретные фразы или конструкции, которые позволяют лучше воспринимать информацию, а с помощью экспрессивных элементов пишущий может выразить

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Перевод с финского на русский язык и русского на финский язык в поликультурном мире» (проект № 09-04-95203а/Ф).

отношение к описываемым событиям. От того, насколько хорошо переводчик видит эти конструкции в исходном языке и насколько точно он передает их в переводе, сохраняя все их изначальные функции, настолько перевод будет приближен к оригиналу. К сожалению, часто переводчик, сохраняя коммуникативную цель текста, пренебрегает под влиянием родного языка структурными правилами того языка, на который он переводит.

Коммуникативная цель говорящего (пишущего) состоит в том, чтобы сообщить что-то слушающему (читающему). Основными средствами достижения цели являются порядок слов и интонация. Явление нормативного словопорядка – это такое расположение синтаксических сегментов, которое обусловлено языковыми нормами и усвоено всеми носителями языка, целью которого служит донести коммуникативный смысл сообщения. Нередкими в финском и русском языках являются и случаи нарушения словопорядка. Это объясняется, в свою очередь, различными задачами и условиями коммуникации. Отступление от традиционного словоупорядка иногда обусловлено выделением определенного слова, привлечением внимания адресата к той или иной части сообщения.

В следующем примере перевод не полностью отражает коммуникативную цель оригинала, в котором акцентируется выражение «на местах». В переводе акцент сместился на выражение «активизация деятельности».

Именно с активизации работы на местах мы начнем свою деятельность.

Aloitamme nimenomaan toiminnan tehostamisesta paikkakunnilla (Karjalan Sanomat, 1.07.09).

Порядок слов является важнейшим средством организации структурно-семантической целостности текста, которая позволяет достоверно определить коммуникативные намерения адресанта. Кроме структурной и семантической роли порядок слов может брать на себя функцию воздействия на адресата. «С помощью порядка слов можно также показать, разделяет ли говорящий мнение своего собеседника, или он хочет особенно подчеркнуть различия во мнениях и исправить то, что было сказано другим» (Hakulinen, 1983, 303). Понимание и учет этих функций особенно важны при переводе таких текстов, которые кроме информативной выполняют и функцию воздействия, что крайне актуально для текстов, написанных в газетно-политическом стиле.

Одно и то же предложение может приобретать разный смысл в зависимости от коммуникативной цели, которую преследует говорящий. Предложение отчетливо делится на две части: первая представляет собой исходный пункт высказывания. Исходный пункт бывает известен слушателям или может угадываться, предопределяться ситуацией или контекстом. Исходную часть принято называть темой (*temaattinen osa, teema*), поскольку эта часть содержит то, о чем сообщается в предложении. Тема представляет собой предмет сообщения. Вторая часть сообщает нечто о первой части и представляет собой главную коммуникативную цель высказывания. Чаще всего вторая часть содержит новое, неизвестное слушателю. Ее называют ремой (*remaattinen osa, reema*). Для определения состава темы и ремы служит вопрос, поставленный к данному высказыванию. Та часть заключенной в высказывании информации, которая содержится в вопросе, относится к теме, а то, что мы отвечаем, – к реме.

В следующих примерах тема, обозначающая данное, предшествует реме, которая обозначает новое. Такие предложения называются стилистически нейтральными.

Заседание комиссии /длилось чуть больше двух часов.

Komission istunto / kesti hiukan yli kaksi tuntia (Karjalan Sanomat, 1.07.2009).

Родился я в Курганской области.

Mihail Zakomaldin / on syntynyt Kurganin alueella (Karjalan Sanomat, 10.06.2009).

Для обозначения двух коммуникативных частей в лингвистике употребляются следующие термины:

- логический субъект и предикат;
- психологический субъект и предикат (psykologinen subjekti ja predikaatti);
- смысловой субъект и предикат;
- основа и ядро;
- исходный пункт и ядро;
- основа и предизируемая часть;
- данное и новое (tuttu ja uusi);
- topiikki ja fokus.

Членение на тему и рему называют актуальным членением предложения, поскольку это членение актуально, существенно в данном контексте или данной ситуации для говорящего или пишущего. Помимо термина «актуальное членение» (informaatorakenne = tematiikka) в лингвистике употребляется ряд других терминов:

- коммуникативное членение;
- контекстное членение;
- членение на тему и рему;
- функциональная перспектива (funktionaalinen lauseperspektiivi);
- коммуникативная перспектива.

В исследованиях по русскому синтаксису почти до 60-х годов порядок слов рассматривался в связи с синтаксической структурой предложения и вне связи с актуальным членением. При таком подходе было трудно установить точные закономерности в расположении членов предложения, поскольку они подвижны, и почти каждый член может занимать в предложении любое место. Отсюда возникала иллюзия «свободы» словорасположения в русском языке (Ковтунова, 1976, 23). Подобные суждения можно встретить и в учениях о синтаксисе финского языка, где тоже обращается внимание на большую свободу в расположении слов в предложении. Вновь к проблеме изучения порядка слов в связи с актуальным членением обратился известный чешский ученый В. Матезиус, после чего теория распространилась и в лингвистике других стран. Первое обстоятельное исследование актуального членения в русском языке было предпринято И. П. Распоповым (издание вышло в 1961 году). Сам факт актуального членения предложения впервые получил освещение в учении о психологическом подлежащем и психологическом сказуемом. Еще в XIX веке немецкий ученый Г. фон дер Габеленц говорил о представлениях, которые последовательно возникают в сознании говорящего. Он определил психологическое подлежащее как комплекс представлений, появляющихся в сознании говорящего первым, а психологическое сказуемое как содержание представления, примыкающего к этому первому представлению. «Психологический субъект это то, что возбуждает мою мысль, что я называю в первую очередь в качестве предмета речи – мысли, психологический предикат – то именно, что я об этом думаю» (Распопов, 1961, 10).

Рема как коммуникативный центр высказывания обязательно должна быть выражена в предложении. Предложение без ремы невозможно. Тема, обозначающая данное, в некоторых случаях может быть опущена. Такие высказывания называют нерасчленен-

ными или высказываниями с «нулевой темой». Они содержат информацию о существовании, наличии, возникновении явлений или фактов действительности. Такие высказывания обычно служат для введения в контекст нового лица, предмета, для сообщения о наступлении какого-либо события. Отвечая на вопрос «Что нового?» или «Что произошло?», они выступают в роли сообщения-новости. Это особо показательно для заголовков и начала статей.

Карельская таможня вместе с органами прокуратуры, МВД и ФСБ еще в прошлом году раскрыла канал контрабандного ввоза автомобилей.

Länsiautojen salakuljetuskanava paljastettu Värttilässä (Karjalan Sanomat, 8.07.2009).

Жители Карелии, которые доверились контрабандистам, попали в долговую яму.

Luottavaiset Karjalan asukkaat joutuivat maksamaan suuria velkasummia (Karjalan Sanomat, 8.07.2009).

Завершился VI Съезд карел.

Karjalaisten 6. edustajakokous on pidetty (Karjalan Sanomat, 1.07.2009).

Как и планировалось, вечером 9 июля премьер-министр российского правительства Владимир Путин прибыл в карельскую столицу, чтобы возглавить выездное заседание Государственной пограничной комиссии.

Venäjän pääministeri Vladimir Putin saapui illalla 9. heinäkuuta Petroskoihin tarkoituksenaan johtaa valtion rajakomission istuntoa (Karjalan Sanomat, 15.07.2009).

Любая синтаксическая конструкция еще не есть предложение. Она должна получить какое-то коммуникативное значение, то есть в ней должно получить выражение, помимо грамматического,

еще и актуальное членение. Здесь и вступает в действие порядок слов.

Среди языковых средств, обеспечивающих оформление актуального членения, порядок слов выдвигается на первое место. Он может быть стилистически нейтральным (объективным – термин Матезиуса), где тема занимает первое место в высказывании, и субъективный, где тема и рема меняются местами. Порядок слов зависит от того, какому коммуникативному заданию отвечает предложение в речи, то есть выбор той или иной синтаксической конструкции не бывает случайным и зависит от коммуникативного задания. В то же время вариации актуального членения могут быть разнообразны, но их множество далеко не безгранично, т. к. они ограничиваются возможностями грамматического членения того или иного языка.

В следующих примерах представлены варианты актуального членения предложения. Первый вариант – это пример актуального членения, взятый из контекста, два других – это возможные варианты при других коммуникативных задачах.

Путин появился в здании карельского правительства / около половины седьмого вечера.

Putin saapui Karjalan hallituksen talon luo / puoli seitsemän maissa illalla.

(Рему определяем с помощью вопроса. Во сколько Путин появился в здании карельского правительства?)

Путин появился около половины седьмого вечера / в здании карельского правительства.

Putin saapui puoli seitsemän maissa illalla / Karjalan hallituksen talon luo.

(Где Путин появился около половины седьмого вечера?)

В здании карельского правительства около половины седьмого появился / Путин.

Karjalan hallituksen talon luo puoli seitsemän maissa illalla saapui / Putin (Karjalan Sanomat, 15.07.2009).

(Кто появился в здании карельского правительства около половины седьмого вечера?)

В 1982 году по направлению УВД Курганской области я / стал курсантом Омской высшей школы милиции.

Vuonna 1982 hän / alkoi opiskella Omskin miliisikorkeakoulussa.
(Что произошло в 1982 году?)

По направлению УВД Курганской области я стал курсантом Омской высшей школы милиции / в 1982 году.

Hän alkoi opiskella Omskin miliisikorkeakoulussa / vuonna 1982
(*Karjalan Sanomat, 10.06.2009).*

(Когда это случилось?)

Ограничения в свободе порядка слов, таким образом, сужают и возможности преобразования одних и тех же конструкций в различные по коммуникативному заданию предложения. Возможности исследования порядка слов во всех его функциях во многом определяются спецификой грамматического строя каждого конкретного языка, своеобразием тех средств, которыми он располагает.

Тем не менее на основании этих фактов нельзя делать выводы о преимуществах одного языка перед другим.

По определению еще одного исследователя синтаксиса русского языка К. Г. Крушельницкой, «грамматическое членение имеет в своей основе отражение предметов и явлений объективной действительности, тогда как актуальное членение обуславливается отношением самого говорящего к действительности – тем, что

говорящий сообщает какие-то факты "не беспристрастно", а давая им "определенную оценку"» (Распопов, 1961, 25). Любое сообщение отвечает тем или иным потребностям речевого общения. Предложение всегда соответствует определенному коммуникативному заданию. Изменение коммуникативного задания и вызывает соответствующие изменения в актуальном членении. Стоит подчеркнуть, что само задание вытекает из речевого взаимодействия говорящего и собеседника. При диалоге это взаимодействие строится прямо и непосредственно, также происходит в условиях монологической речи, которая строится в расчете на восприятие ее со стороны другого лица (в данном случае читателя); переводчик учитывает степень осведомленности читающего в том, что служит материалом для данного сообщения.

Географические и местные названия не объясняются, не комментируются, т. к. читателю они известны.

... покрасили ограждение на Гоголевском мосту...

...maalattiin Gogolin sillan kaiheet... (Karjalan Sanomat, 15.07.2009).

За несколько дней до визита предполагалось, что сначала Путин посетит Петрозаводск, а потом отправится на Валаам.

Muutamaa päivää sitten oletettiin, että Putin saapuu ensin Petroskoihin ja sitten lähtee Valamoon (Karjalan Sanomat, 15.07.2009).

Во втором случае переводчик адаптировал перевод для читателя, добавив марки машин.

Десятки жителей Карелии из Сортавалы, Кондопожского, Питкярантского, Лоухского районов стали владельцами новеньких Лэнд Крузеров, Паджеро и других дорогих внедорожников.

Tuloksena Sortavalan kaupungin, Kontupohjan, Pitkärannan ja Louhen piirien kymmenet asukkaat saivat muka omistukseensa

upouudet kalliit Toyota Land Cruiserit tai Mitsubishi Pajerot (Karjalan Sanomat, 8.07.2009).

Сложность в изучении порядка слов в языке состоит в том, что порядок слов функционирует одновременно на двух уровнях – на уровне его синтаксической структуры и на уровне его актуального членения. На уровне синтаксической структуры речь идет о правилах расположения синтаксических компонентов предложения. Предложение делится на группы, а внутри групп – на составляющие его компоненты. На уровне актуального членения слова и целые комплексы слов располагаются в зависимости от того, в какой компонент актуального членения они входят – в тему или рему. Нужно сказать, что переводчик, который переводит, «кодирует» текст из языка в другой, должен не просто перенести содержание текста и отдельно взятого предложения, но и сохранить при этом в первую очередь именно актуальное членение, ту коммуникативную функцию, которая была в этом тексте заложена.

Вторым важным средством выражения актуального членения является интонация. Интонационный центр предложения – фразовое ударение – сосредоточено на реме как на главной коммуникативной части высказывания. В стилистически нейтральной литературной речи тема предшествует реме, а фразовое ударение находится в конце предложения. Эти факторы – синтаксическое соединение слов, словопорядок и интонация – имеют в каждом языке свою определенную специфику.

Анализ предложения в коммуникативном плане и, в частности, выявление его актуального членения не может быть полным, если не учитывать тех реальных условий, в которых употребляется данное предложение и в котором оно получает вполне определенный, требуемый коммуникативным заданием смысл и соответствующее ему структурное оформление. При передаче высказывания

в письменной речи не удастся полностью воспроизвести все то, что присутствует в процессе живого устного общения. На письме остаются нечетко, недостаточно ярко выраженными такие важные показатели, как мелодика речи, ритмика и акцент, благодаря которым разговорный язык более богат вариантами словорасположения, чем письменный (это отмечают исследователи русского и финского языков). Кроме того, в финском и русском языках нет категорий определенный артикль и неопределенный артикль, которые также участвуют в актуальном членении. В монологической речи условия употребления того или иного предложения определяются его контекстным окружением. Связи предложения с контекстом могут быть различны. Это зависит, прежде всего, от того, какое место занимает предложение в линейном плане изложения.

«Очевидно, что предложения, начинающие изложение, характеризуются большей самостоятельностью, чем предложения, находящиеся в условиях полного контекстного окружения» (Распопов, 1961, 132). В актуальном членении предложения в условиях полного контекстного окружения наблюдается тесная связь предложения с тем речевым целым, в состав которого оно входит. В контексте последовательного строя предложение, раскрывая коммуникативное задание, вытекающее из содержания предыдущего предложения, одновременно ставит новое коммуникативное задание для последующего.

Первое предложение, повествующее о том, что в прямом радиозфире обсуждали вопросы съезда, ставит для последующего предложения задачу раскрыть информацию, кто обсуждал. Второе предложение, раскрывая эту коммуникативную задачу, ставит перед следующим новую – что обсуждали, и т. д.

В прямом эфире утреннего канала «Радио Карелии» состоялся разговор об итогах VI Съезда карел. Радиослушатели могли в течение получаса общаться с участниками съезда. Наибольший

интерес вызвали судьба карельской деревни, резолюция съезда и молодежные проекты.

Karjalan radion suorassa aamulähetyksessä 23. kesäkuuta keskusteltiin Karjalan karjalaisten kuudennen edustajakokouksen tuloksista. Radion kuuntelijoilla oli mahdollisuus esittää puolen tunnin kuluessa kysymyksiä kerähmön osanottajille. Ihmisiä kiinnosti eniten karjalaisten kylien tulevaisuus, edustajakokousten päätöslauselma ja nuorisoprojektit (Karjalan Sanomat, 1.07.2009).

Обращаясь к вопросам синтаксиса через исследования актуального членения предложения, мы, несомненно, выходим на более высокий уровень понимания текста. «Актуальное членение предложения выходит за рамки его синтаксического членения. Очевидно, что в действительности мы здесь имеем дело не с явлением того же синтаксического уровня предложения, а с более высоким уровнем предложения» (Ковтунова, 1976, 11). Анализ актуального членения предложения ставит перед переводчиком ряд вопросов и проблем.

Что делает текст связным? С помощью каких элементов образуется связная цепочка предложений? Как контекст влияет на строение предложения? Каковы логические связи предложений в тексте? Совпадают ли психологический субъект и предикат с синтаксическим субъектом и предикатом? Какие роли в актуальном членении – роль темы или ремы – характерны для каждой части речи? Какую коммуникативную задачу поставил перед собой говорящий (пишущий) в данной ситуации? В случае, если переводчик смог ответить на все эти вопросы и передать коммуникативное значение текста-оригинала средствами другого языка, мы можем говорить о достойном переводе.

Список литературы

Iso suomen kielioppi. Helsinki: SKS, 2004.

Hakulinen A., Karlsson F. Nykysuomen lauseoppia. Helsinki: SKS, 1979.

Hakulinen A., Leino P. Nykysuomen rakenne ja kehitys. Helsinki: SKS, 1983.

Karjalan Sanomat, 10.06.2009, 1.07.2009, 8.07.2009, 15.07.2009.

Karlsson F. Johdatusta yleiseen kielitieteeseen. Helsinki, 1976.

Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Распопов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.

**СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ СИЛЬНОГО
ИМПЛИКАЦИОНАЛА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН
В СОВРЕМЕННОМ ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ
(ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

На чемпионате мира по легкой атлетике в 2007 году на дистанции 10 000 м эфиопская бегунья Тирунеш Дибоба столкнулась с соперницей и упала. Однако, несмотря на значительную потерю времени, сумела подняться, догнать лидеров и опередить их с рекордным результатом. Журналист финского телевизионного канала TV1 прокомментировал случившееся следующим образом: «*Tirunesh kaatui, mutta teki virénit ja juoksi voittoon*».

Выражение *tehdä virénit* можно рассматривать в данном контексте как пример порождения коммуникативного имплицитного смысла высказывания путем актуализации лексико-грамматическими средствами современного финского языка сильного импликационала прецедентного имени *Lasse Virén*.

К имманентным признакам интенционала прецедентного антропонима *Lasse Virén* можно отнести следующие: «знаменитый финский бегун на длинные дистанции». Указанные признаки отличают антропоним *Lasse Virén* от других возможных носителей данного имени.

В сильный импликационал значения прецедентного антропонима *Lasse Virén* входят признаки, очерчивающие ожидаемую область того, что может быть названо в связи с данным именем: «мировой рекордсмен и четырехкратный олимпийский чемпион», «единственный бегун в истории, выигравший дистанции 5000 м и 10 000 м на двух олимпиадах подряд», «победил с мировым рекор-

дом на дистанции 10 000 м во время мюнхенской олимпиады 1972 года, несмотря на падение».

Таким образом, сильный импликационал образует совокупность ассоциативных и оценочных признаков, которые обеспечивают максимальный уровень обобщения целостного образа референта, фиксируются энциклопедическими и языковыми словарями как трансляторы макросмыслов данной лингвокультурной общности, наиболее часто реализуются в различных контекстах, обуславливая семантические преобразования прецедентных имен собственных (Захарова, 2004).

Актуализация признаков сильного импликационала происходит в дискурсе по принципу импликационных связей – употребление имени вызывает в сознании связанные с ним ассоциации и оценки: *Lasse Virén – voitti maailmanennätysajalla olympialaisissa kaatumisesta huolimatta*. Механизм последующего метафорического преобразования прецедентного имени заключается в переносе импликационального признака исходного значения в область видовой семы интенционала производного значения прецедентного имени: *tehdä virenit – jos joku tekee virenit, hän voittaa kilpailun, vaikka kompuroi matkalla* (Блинова, 2007).

Использование конструкции *tehdä X:t* является одним из наиболее продуктивных способов актуализации признаков сильного импликационала прецедентных имен в современном финском языке. *Marja Nenonen* в работе *Idiomit ja leksikko. Lausekeidiomien syntaktisia, semanttisia ja morfologisia piirteitä suomen kielessä* рассматривает подобные конструкции как *idiomikonstruktiot* или *erisnimikonstruktiot*, схема построения которых включает постоянную часть *tehdä* и переменную часть *X*, выраженную формой множественного числа личного имени или фамилии. Как правило, *erisnimikonstruktiot* актуализируют некую прецедентную ситуацию,

вследствие чего, по классификации *M. Nenonen*, подпадают также под определение *tilannekonstruktio* (Nenonen, 2002).

Если конструкция *tehdä X:t* включает прецедентное имя, относящееся к национальному уровню прецедентности и актуализирующее национально детерминированное минимизированное представление о носителе имени, то ее сопровождение в тексте дополнительными комментариями пояснительного характера может быть факультативным: *Phelps teki Nurmet* (Uusi Suomi, 12.8.2008) (Американский пловец Майкл Фелпс завоевал девять олимпийских медалей, как финский бегун Пааво Нурми). Однако довольно часто заданная форма *tehdä X:t* пополняется социумно-прецедентными именами, известными узкому кругу представителей того или иного генерационного, социального, конфессионального, профессионального и т. д. социума, и в таких случаях комментарий становится необходимым условием адекватного восприятия информации: *Pekka Kuusisto haluaa tehdä Bob Geldofit* (Helsingin Sanomat, 26.7.2009) (Финский скрипач Пекка Куусисто хочет организовать международный благотворительный музыкальный фестиваль, как ирландский музыкант Боб Гелдоф); *Lizeroux teki palanderi» Kitzbühelissä* (Helsingin Sanomat, 25.1.2009) (В январе 2009 года француз Жюльен Лизеру впервые вошел в тройку лидеров на одном из престижнейших этапов Кубка мира по слалому в австрийском Китцбюеле, как финский спортсмен Калле Паландер в январе 2003 года); *Tarantino teki Kaurismäet* (Elisa.net Uutiset, 21.5.2009) (Американский режиссер Квентин Тарантино станцевал на красной ковровой дорожке Каннского кинофестиваля, как Аки Каурисмяки несколько лет назад).

Annastiina Viertiö в статье *Ritolat ja vanhaset* указывает на возможность одновременной актуализации в едином информационно-временном поле разных признаков из области сильного им-

пликационала прецедентных имен, а также на преходящий характер их значений в конструкции *tehdä X:t*. Так, возможно, через какое-то время уже сложно будет объяснить, что в 2009 году означали выражения: *jk teki vanhaset* (= *sanoi, mitä ajatteli, ennenkuin ajatteli, mitä sanoi*), *jk teki väyryset* (= *siirsi päätöksenteon yön yli, nukkui yön yli*) и т. д. (Viertiö, 2009).

Идентификация и интерпретация референциальных скрытых смыслов, обусловленных использованием в конструкции *tehdä X:t* национально-прецедентных и социумно-прецедентных имен, требует не только лингвистической, но и лингвокультурологической компетенции переводчика. Так, например, для осуществления адекватного перевода фразы *Rankkaa ja väsyttää, tekisi mieli tehdä Nuuskamuikkuset* переводчику необходимы лингвистические знания о структуре и особенностях функционирования в современном финском языке конструкции *tehdä X:t*, а также определенная лингвокультурологическая база, позволяющая ему идентифицировать в исходном тексте прецедентное имя *Nuuskamuikkunen*, соотнести его с прецедентным текстом – книгами *Tove Jansson* о приключениях муми-троллей, очертить круг признаков, входящих в область сильного импликационала прецедентного имени (*Nuuskamuikkunen käyttää vanhoja vaatteita, asuu teltassa joen rannalla, soittaa huuliharppua / haitaria, polttaa piippua, repii kieltotauluja paikoiltaan, vaeltaa etelään talven ajaksi jne.*), и выявить среди них наиболее релевантный в данном контексте (*pakata reppu ja lähteä pois jstak*).

При правильной идентификации импликационала переводчик под воздействием различных семантических, прагматических, стилистических и других факторов чаще всего прибегает к его эксплицитному воспроизведению в тексте перевода, результатом чего становится декомпрессия исходного текста: *tekisi mieli tehdä Nuuskamuikkuset* (хочется собрать рюкзак и отправиться отсюда куда-нибудь подальше, как Снусмумрик, герой детских кни-

жек Туве Янсон о муми-троллях). Выбор стратегии комментированного переноса в случае с конструкциями типа *tehdä X:t* представляется нам единственно верным, т. к. для адаптивной экспликации потребовалось бы прецедентное имя в переводящем языке с близким набором релевантных признаков сильного импликационала, а возможности прямого переноса ограничены отсутствием аналогичных лексико-грамматических конструкций в русском языке. Переводчик может попытаться воспроизвести в переводе лингвокультурную экзотичность оригинала путем создания авторского неологизма типа «снусмумрить», однако он должен уметь при этом правильно прогнозировать интерпретативную готовность рецептора перевода относительно подобных темных имплицатов (Третьякова, 2006).

Прямой перенос и адаптивная экспликация наряду с комментированным переносом более успешно могут применяться при реализации в исходном тексте других способов актуализации сильного импликационала прецедентных имен. Например, при их метафоризации в сочетаниях с транслативными глаголами *kuvata, ristiä, soimata, povata, ryhtyä, haukkua* и т. д.: *Saksankieliseksi Eino Leinoksi kuvattu itävaltalainen lyirikko Nikolaus Lenau* (Австрийский лирик Николаус Ленау, которого называют немецким Эйно Лейно (Kuntalehti, 28.4.2004)); *Kudrinia voisi tässä yhteydessä luonnehtia Venäjän Sauli Niinistöksi* (Кудрина в этой связи можно было бы назвать российским Саули Нийнистё (Helsingin Sanomat, 15.3.2009)); *Vapaasalo meni yliopistolle opiskelemaan klassista filologiaa, koska haaveili muuttuvansa Pentti Saarikoskeksi* (Вапаасало начал изучать в университете классическую филологию, т. к. мечтал стать Пентти Саарикоски (Ylioppilaslehti, 4.9.1999)).

Синтаксические позиции предикатива, предикативного обстоятельства, грамматического субъекта в сочетании с согласован-

ными и генитивными определениями типа *varsinainen, uusi, tuo, seuraava, miespuolinen, uuden sukupolven, vuoden, b-luokan, Amerikan, demarien, musiikkimaailman, aikansa* и т. д. также способствуют семантическим преобразованиям и раскрытию тропеического потенциала прецедентных имен в современном финском языке. В этих случаях возможно применение как транзитивных, так и адаптивных переводческих стратегий. Например: *Yleisö palandereina ja poutiaisina* (Зрители как паландеры и поутиайнены. (Turun Sanomat, 23.4.2007)); *Niinistö – tämän päivän Koivisto* (Нийнистё – Койвисто наших дней (Kauppalehti, 29.9.2008)); *Amerikan Mikko Alatalo on tietysti John Denver* (Американский Микко Алатало – это, конечно же, Джон Денвер (Pop-lehti, 2008)); *seurasta voisi löytyä uusi Teemu Selänne* (в спортивном обществе мог бы отыскаться новый Теэму Селянне (Aamulehti, 10.10.2008)); *Anne on Jari* (Анне – это Яри Литманен (Uusimaa, 8.9.2005)); *Vepsäläinen Nina Zaitseva on eräs «aikamme Agricola»* (Представитель вепсского народа Нина Зайцева – «Агрикола наших дней» (Kirkko ja kaupunki, 7.5.2007)). Прецедентное имя может выступать также как второй член сравнения: *Pekka Zaikov on kuin Lasse Pöysti Ruotsalaisessa teatterissa, Pikku Kakkosessa tai Lapin kullan kimalluksessa, esikuvansa parikymmentä vuotta nuorempana* (Пекка Зайков внешне очень похож на Лассе Пёюсти в бытность того лет двадцать назад актером Шведского театра и ведущим популярных телевизионных передач (Helsingin Sanomat, 15.2.2009)).

Выявление и описание различных способов актуализации сильного импликационала прецедентных имен в современном финском языке – одно из возможных направлений исследования референциальных скрытых смыслов исходного текста. Поскольку референциальные имплицитные смыслы образуют когнитивную базу исходного текста, актуализируют имеющиеся в концептуальной системе носителей языка концепты и определяют построение

новых, овладение умениями их идентификации и интерпретации является важным для профессиональной подготовки переводчиков, способствует формированию лингвокультурологической компетенции будущих специалистов.

Список литературы

Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/languages/00012436_0.html

Блинова Б. А. Прецедентные имена собственные в немецком газетном дискурсе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2007: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://samaraaltlinguo.narod.ru/diss/blinova.doc>

Nenonen Marja. Idiomit ja leksikko. Lausekeidiomien syntaktisia, semanttisia ja morfologisia piirteitä suomen kielessä / Joensuu: Joensuun yliopisto, 2002: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cc.joensuu.fi/linguistics/mnenonen/Nenonen.pdf>

Viertö Annastiina. Ritolat ja vahnaset. Kotus, 2009: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kotus.fi/index.phtml?s=3266>

Третьякова Е. А. Фольклорно-мифологический импликационал художественного текста как проблема перевода (на материале произведений Дж. Р. Р. Толкина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kulichki.com/~tolkien/arhiv/manuscr/tre_aref.shtml

СПОСОБЫ И СРЕДСТВА ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ В ДВУЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

В ряду различного рода лингвистических словарей (к которым относятся, например, толковые, идеографические, частотные, этимологические и другие) переводные двуязычные (или многоязычные) словари занимают особое место. Российская лексикография имеет богатую традицию составления двуязычных словарей.

Основная задача переводных словарей заключается в обеспечении понимания текста на иностранном языке, его перевода на родной язык. Двуязычный словарь создается для того, чтобы, прежде всего, дать наиболее точное соответствие лексем входного и выходного языков. При составлении словарей необходимо также учитывать сочетаемость слов-переводов в контексте, по возможности полно отражать явления синонимии, позволяющей переводчику выбрать наиболее точный эквивалент. Следует также соблюдать принципы адекватности перевода и стилистической принадлежности слов входного языка и их эквивалентов. Однако роль многоязычных словарей не исчерпывается функцией перевода. Они применяются для обучения языкам, унификации терминологии в разных областях науки, поиска информации. Словари выполняют не только информационную функцию, но несут и коммуникативную функцию, т. е. помогают межъязыковому общению.

Известно, что живой язык находится в состоянии непрерывного изменения и развития. Современная лингвистика считает язык сложной динамической системой, причем самым подвижным ее компонентом является словарный состав. Изменению, развитию и увеличению подвержена именно лексика вследствие большей

динамичности по сравнению с другими уровнями языка. Лексику отличает высокая степень экстралингвистической детерминированности. При всем разнообразии путей и форм изменения словарного состава языка в качестве основного процесса в развитии лексики лингвисты называют процесс неологизации. Именно неологизация отражает общее поступательное движение языка. В разных странах существуют центры неологии, занимающиеся научным исследованием неологизмов, вопросами культуры речи, стандартизации языка. Создаются словари неологизмов, представляющие материал для исследований по словообразованию, семасиологии, истории и теории языка, для упорядочения терминообразования, совершенствования стандартов.

Какая же лексика относится к неологизмам? В самом общем виде под неологизмами принято иметь в виду слова и обороты, возникшие для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета и явления или для выражения нового понятия и вошедшие в общелитературный язык. С другой стороны, к неологизмам относятся слова и выражения, которые еще не получили признания в общелитературном языке.

Появление неологизмов в языке – следствие различных изменений в жизни общества в области быта, культуры, науки и искусства. Неологизмы довольно часто носят окказиональный характер, поэтому словари фиксируют далеко не все новообразования. Появление неологизмов в словарях задерживает их временное, скоротечное существование в языке. Словари по объективным причинам не могут в полной мере отражать в своем словнике все вновь появляющиеся слова, хотя бы потому, что лексикографы остерегаются включать в словари так называемые «окказиональные» неологизмы, т. е. индивидуальные новообразования, вводимые отдельными авторами для данного случая. Такие слова часто

оказываются «нежизнеспособными» и так же быстро исчезают, как появляются.

Лексические инновации неоднородны по своему составу с точки зрения своего появления, устойчивости в языке, частоты употребления. Они различаются и по своей дальнейшей судьбе, когда одни прочно входят в язык, а другие являются менее устойчивыми и могут выйти из употребления через какой-то относительно короткий период времени.

Выбор эквивалента для передачи значения вновь появившегося слова в переводимом тексте является одной из наиболее сложных задач перевода. Значение неологизма приходится часто выяснять из контекста. Перед составителем словаря встает проблема адекватной лексикографической фиксации нового слова. При работе над двуязычным словарем нередки ситуации, когда полностью отсутствует эквивалент иноязычному слову в переводном языке. Это, прежде всего, связано с различиями в культуре, истории, общественном укладе носителей данных языков. В лингвистике существует понятие лексической лакунарности, подразумевающей лексическое несоответствие в языках, когда для слова одного языка нельзя найти полного аналога в другом. С этим понятием тесно связано понятие безэквивалентной лексики.

Во время работы по составлению нового «Большого финско-русского словаря» приходится сталкиваться с массой проблем, прежде всего переводческого характера. Специалистам по финскому языку хорошо знаком «Финско-русский словарь» Игоря Вахроса и Антти Щербакова, изданный в 1977 году в издательстве «Русский язык» (Финско-русский словарь, 1977). Он долгие годы служил настольной книгой многим из нас еще со школьных лет. Но жизнь идет вперед, в язык широким потоком вливаются новые слова, появляются абсолютно новые реалии, требующие лексикографической фиксации.

За основу составления словника нового «Большого финско-русского словаря» был взят современный толковый словарь финского языка – «Suomen kielen perussanakirja» (Suomen kielen perussanakirja, I–III, 1990–1994), а также обновленная его версия – «Kielitoimiston sanakirja», изданный в 2006 году в Хельсинки исследовательским центром Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. В словаре «Kielitoimiston sanakirja» больше на 6500 словарных статей, чем в «Suomen kielen perussanakirja», кроме того, более 20 000 старых словарных статей обновлены или дополнены.

Как отмечалось, особую трудность при переводе представляют неологизмы. Чаще всего среди неологизмов встречаются новые термины различных областей знания, профессиональные понятия, единицы специальной лексики, но есть среди них и просторечные, разговорные слова, жаргонизмы и сленговая лексика. Наряду с переводом неологизмов достаточно сложно переводить лексику, отражающую нетипичные для нашей действительности явления или те явления, которые распространены весьма ограничено. К такой лексике относятся политические, медицинские, спортивные и др. термины, общественно-политическая лексика. Например, перевод политического термина «kaaderipuolue» наряду с буквальным переводом «кадровая партия» потребовал также внесения объяснения – *«состоящая из профессиональных политиков и действующая во время избирательных кампаний»*. Объяснение данного термина в словаре «Kielitoimiston sanakirja» следующее: «Puolue, joka toimii ilman pysyvää maanlaajuista puolueorganisaatiota». Пришлось выяснить, что европейские либеральные и консервативные партии в большинстве своем являются именно кадровыми. Сам термин «кадровая партия» был введен видным исследователем партийных структур 1950-х годов Морисом Дюверже. Кадровые партии представляли собой узкие по со-

ставу объединения политиков, финансистов, журналистов и других представителей элит, целью которых являлась победа на выборах. Для пояснения термина в словаре был дан пример, раскрывающий суть понятия: «Kaaderipuolueen johdossa on hyvin koulutettu ja ammattimainen eliitti» – «В руководстве кадровой партии стоит хорошо образованная и профессиональная элита».

Перевод слов медицинской терминологии, включенной в словарь «Kielitoimiston sanakirja», также потребовал особой тщательности. Так, боязнь оказаться в центре внимания, стать объектом внимания, например на официальной церемонии, в финском словаре обозначена как «kahvikuppineuroosi». Объяснение понятия в словаре – «Määrätilanteissa, esim. kahvitilaisuuksissa esiintyvistä huomion kohteeksi joutumisen pelosta, joka ilmenee jännittyneisyytenä, käsien vapinana jne». В русском языке существует медицинский термин, соответствующий финскому, – «социофобия». Естественно, что буквальный перевод в данном случае был недопустим. Социальная фобия – это выраженный страх оказаться в центре внимания или страх повести себя не так. Наиболее типичными ситуациями проявления социофобии являются общение или прием пищи в общественных местах (а отсюда и «kahvikuppi» – «чашка кофе»), выступление перед людьми, страх отвечать у доски и т. д.

Среди медицинских терминов, вызвавших определенные затруднения при переводе, можно назвать также «kaksoissokkoke» – «двойной слепой тест» (то есть сравнительный тест, во время которого пациент и исследователь не знают, какое лечение пациент получает). Склонность перевести буквально иногда приводит к искажению понятия, но в данном случае оказалось, что буквальный перевод соответствует принятому в российской медицине устоявшемуся термину. Тем не менее для читателя в скобках дается пояснение.

Несколько вариантов перевода было дано для понятия «kaksostutkimus» – «изучение близнецов», «сравнительное исследование близнецов», но наиболее точен термин генетики «близнецовый метод».

Непросто переводить спортивные термины, поскольку спорт – это та сторона нашей жизни, которая подвержена стремительному развитию, кроме того, в разных спортивных видах существует множество нюансов, требующих специальных знаний. Постоянно появляются новые виды спорта, названия которых еще не устоялись в русском языке, среди вариантов встречаются и заимствования из английского языка, и русские соответствия. Перевод понятий даже из традиционных видов спорта зачастую требует владения соответствующей терминологией, например, «kakkosketju (jääkiekossa)» – «вторая линия нападения, вторые нападающие (в хоккее)». Данная лексема используется и в переносном смысле: «puolueen johdon kakkosketju» – «вторые фигуры партийного руководства, второстепенные фигуры партийного руководства».

Достаточно много в толковых словарях финского языка спортивных терминов, связанных с бейсболом, например, «kakkoskoppari (pesäpallossa)» – «кетчер второй базы, принимающий второй базы (в бейсболе)».

Большой популярностью пользуется в настоящее время стендовая стрельба, получают развитие ее новые виды. В частности, в программу Олимпиад входят три дисциплины данного вида спорта: соревнования на круглом стенде, соревнования на траншейном стенде и так называемый дубль-трап. Соответствие финскому слову «kaksoistrap [-trap, -träp]», созданному, кстати, путем сложения исконного и заимствованного элементов, в современной российской спортивной терминологии – «двойной трап, дубль-трап».

Привычным явлением современности продолжает оставаться развитие и внедрение информационных технологий, неизбежно влекущее за собой появление новых слов и терминов. Знакомое всем нам двойное щелканье мышью в финском языке называется «kaksoisnapsautus» – «двойной щелчок, двойное нажатие, двойной клик (*кнопки компьютерной мыши*)». Слово сопровождается примером: «Ohjelma avataan kaksoisnapsautuksella» – «Программа открывается двойным щелчком (*мышь*)».

Перевод слов, обозначающих новые достижения науки и техники, не так давно вошедших в нашу жизнь, также требует особой точности. Например, к переводу словосочетания «kallistuvakorinen juna» «поезд с наклоняемым кузовом» было добавлено объяснение («с гидравлическим механизмом наклона кузова»). Для более адекватного представления о сущности понятия дан пример, также имеющий объяснительный характер: «Kallistuvakorisia junia ovat esimerkiksi Suomessa käytettävät uudet Pendolinot» – «Поезда с наклоняемым кузовом – это, например, используемые в Финляндии новые поезда Пендолино».

Особую группу неологизмов составляют слова, отражающие новые социальные явления, которые в той или иной степени уже известны в Финляндии и получают распространение в наших условиях, например, «perhehoitaja» – «попечитель в приемной семье, патронатный воспитатель», «perhehoito» – «попечение в приемной семье, семейный патронат».

Целый блок новообразований связан с такой негативной реальией современной жизни, как игромания, игровая патологическая зависимость:

«pelinarkomaani» – «игроман, лудоман, патологический игрок»;

«peliongelmainen» – «игроман, лудоман, страдающий игровой зависимостью»;

«peliriippuvuus» – «игровая зависимость, игромания, лудомания, гемблинг (*зависимость от игры в азартные, компьютерные игры и т. п.*)»;

«peliriippuvuuden hoito» – «лечение (терапия) игровой зависимости».

Словарь «Kielitoimiston sanakirja» содержит множество кулинарных терминов, часть из которых знакома нам достаточно хорошо, часть – в значительно меньшей степени, например:

«kanaliemikuutio» – «куриный бульонный кубик»;

«patee» – «патэ (*тарталетка с несладкой мясной, рыбной или овощной начинкой*)».

Очень важно выбрать правильный вариант перевода, желательно уже зафиксированный в словаре, достаточно однозначный и точный, поскольку использование синонимии при переводе хоть и допустимо, но противоречит общепринятому принципу экономичности при составлении словарей. Информационными ресурсами в процессе перевода могут служить совершенно разные источники, прежде всего, новейшие толковые и энциклопедические словари, словари иностранных слов, средства массовой информации, сеть Интернет и т. д. Основной вопрос для составителей – произвести отбор найденных вариантов для того, чтобы зафиксировать наиболее точный эквивалент.

Список литературы

Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2004.

Новый большой русско-финский словарь: В 2 т. / Составители: М. Э. Куусинен, В. М. Оллыкайнен, Ю. Э. Сюръялайнен. М.: Порвоо; Хельсинки; Юва, 1999.

Kielitoimiston sanakirja (I, II, III). Helsinki, 2006.

Suomen kielen perussanakirja (I, II, III). Helsinki, 1990–1994.

**ÄIDINKIELEN VAIKUTUS VIERASKIELISEEN TUOTOKSEEN –
VENÄJÄ–SUOMI – KÄÄNNÖKSET ESIMERKKIEN VALOSSA**

---

1. JOHDANTO

Pohdin artikkelissani interferenssiä (интерференция) käytännön käännösesimerkkien avulla. Tavoitteeni on tarkastella sitä, miten lähtökielen vaikutus näkyy ulkomaalaisen suomenoppijan teksteissä. Tutkimusaineistoni koostuu 50 suomenopiskelijan venäjä – suomi - käännöksistä lukuvuosilta 2007–2008 ja 2008–2009. Lähestyn aihettani kontrastiivisesti vertailemalla käännöksiä ja nostamalla esille seikkoja, millä tavalla kirjoittajan äidinkieli (lähtökieli) eli tässä tapauksessa venäjä tulee esille suomenkielisessä käännöksessä (kohdekieli). Kaikki kielenoppaat olivat Petroskoin valtionyliopiston Itämerensuomalaisen tiedekunnan suomen kielen ja kirjallisuuden laitoksen opiskelijoita 4. vuosikurssilta.

Silloin kun käännöksestä näkyy kirjoittajan äidinkieli, on kysymyksessä interferenssi: kohdekielessä esiintyvät epätyypilliset sanat tai rakenteet voidaan palauttaa lähtökieleen. Leksikaalinen interferenssi tarkoittaa sellaisen lähtökielelle tyypillisen sanaston käyttöä käännöksessä, joka ei ole kohdekielen kielenkäytön mukaista. Rakenteellisesta interferenssistä voidaan puhua silloin, kun käännöksessä on käytetty lähtökielen systeemin mukaisia rakenteita ja ilmaisuja, jotka ovat kohdekielelle vieraita. (Jänis, 2006, 114–115).

Tässä työssä tuon esille muutamia niistä ongelmakohdista, joihin tulisi kiinnittää huomiota kääntämistä harjoiteltaessa. Artikkeleihin liittyvät käytännön esimerkit on otettu opiskelijoiden tekemistä käännöksistä, mutta joukossa on myös joitakin esimerkkilauseita tekstitaitojen harjoituskurssilla laadituista kirjoituksista. Käännöstekstit

ovat pääasiassa asiatekstejä sanoma- ja aikakauslehdistä, oppikirjoista, esitteistä ym.

2. HAVAINTOJANI INTERFERENSSISTÄ

Välimerkkejä käytetään suomen kielessä eri tavalla kuin venäjän kielessä. Seuraavasta tekstiesimerkistä (1) voidaan havaita, kuinka kirjoittaja on sijoittanut välimerkit tekstiinsä venäjän kielen mallin mukaisesti, mikä luo vaikutelman hajanaisuudesta ja sidosteisuuden puutteesta. Teksti on osa suomenkielistä lehtiartikkelia koskevaa referaattia, minkä vuoksi venäjänkielinen lähtöteksti puuttuu.

(1) *Kurdit on eri arvioiden mukaan 27–40 miljoonaa; ne todistavat olevansa vapausliikkeenä, mutta kurdit ovat menettäneet toivonsa, luottamuksensa tulevaisuuteen. Esimerkiksi, järjestö on aloittanut aseellista taistelua. Sakar, asianajaja, on vankilassa. Mielestäni, vankilan olot ovat kamalia ja, sen lisäksi, hänet tuomittiin kuolemaan jo aikaisemmin. Hankala tilanne. Koska kansalla ei ole omaa valtaa. Sitä paitsi, heidän oikeuksia ei kunnioiteta, ja ihmisiäkään ei kunnioiteta.*

Suomen kielen pilkutusta koskevan perussäännön mukaan saman virkkeen eri lauseet erotetaan toisistaan pilkulla: itsenäiset päälauseet toisistaan ja alisteiset lauseet hallitsevasta lauseesta. Samoin erotetaan pilkulla rinnasteiset lauseenosat ja erilaiset lauseyhteydestä irrallaan olevat lisät. Puolipiste on pistettä pienempi mutta pilkkua suurempi välimerkki ja sitä käytetään suomessa suhteellisen harvoin. Sitä voidaan käyttää lähinnä luetteloissa, joissa olisi eriarvoisia pilkkuja, erottamaan lueteltavia asioita toisistaan sekä erottamaan toisistaan virkkeen veroisia läheisesti yhteen kuuluvia ilmauksia. Venäjän kielessä sen sijaan puolipistettä käytetään usein pilkun asemesta päälauseiden, rinnasteisten sivulauseiden ja niille alisteisten sivulauseiden välillä. Myös kaksi päälauseetta tai lauseen kaksi viimeistä

lauseenjäsentä on venäjän kielessä tapana rinnastaa pelkällä pilkulla ilman konjunktiota, mikä on suomessa harvinaista. (Itkonen, 2007, 16–20; Лопатин, 2006, 214–220).

Suomen kielessä lauseenvastikkeita ei eroteta muusta lauseyhteydestä pilkulla, venäjän kielessä ne erotetaan samoin kuin myös gerundirakenteet. Venäjässä pilkulla erotetaan myös sellaiset ilmaukset kuten esimerkiksi, mielestäni, sitä paitsi, kuitenkin jne. Suomen kielessä näiden ei katsota olevan sellaisia lauseenlisiä, jotka tulisi erottaa muusta lauseyhteydestä pilkulla (Itkonen, 2007, 16–19; Лопатин, 2006, 229–233). Sen jälkeen kun välimerkkien käyttö on muutettu suomen kielen mukaiseksi ja muut epätarkkuudet korjattu, yllä esitetty teksti voisi kuulua seuraavasti:

Kurdeja on eri arvioiden mukaan 27–40 miljoonaa. Kurdit pitävät itseään vapautusliikkeenä. He ovat kuitenkin menettäneet toivonsa ja luottamuksensa tulevaisuuteen. Järjestö on esimerkiksi aloittanut aseellisen taistelun. Asianajaja Sakar on vankilassa. Mielestäni vankilan olot ovat kamalat, ja lisäksi Sakar on jo tuomittu kuolemaan. Tilanne on hankala, koska kansalla ei ole omaa valtaa. Sitä paitsi heidän oikeuksiaan ei kunnioiteta eikä ihmisiääkään kunnioiteta.

Olla-verbin preesenssiä ei venäjän kielessä aina erikseen merkitä. Sen paikalle tulee tietyissä tapauksissa ajatusviiva. Suomen kielessä ajatusviivalla ei ole tällaista lauseopillista funktiota. Sitä suositellaan käytettävän harkitusti ja lähinnä silloin, kun merkitään virkkeen sisällä oleva irrallinen lisä tai osoitetaan lainausmerkkien sijasta omalta riviltä aloitetun repliikin alku. Ajatusviivaa käytetään myös mm. allekkaisina nk. luetelmaviivoina, ääriarvoja, rajapaikkoja ym. osoittavien numeroiden ja sanojen välissä sekä osoittamassa jonkin yllättävyyttä, puuttumista tai poisjättöä (Itkonen, 2007, 21–22; Лопатин, 2006, 206). Esimerkeistä 2, 3 ja 4 näkyy venäjän kielen malli: ensimmäisestä

virkkeestä puuttuu predikaattiverbi kokonaan, toisessa ja kolmannessa virkkeessä on käytetty ajatusviivaa. Kolmannessa virkkeessä ajatusviivan käyttö olisi suomen kielen mukaista otsikossa, mutta ei keskellä tekstiä.

(2) *А сколько в России глухих уголков, где можно найти все новые и новые возможности...!*

Kuinka monta syrjäistä paikkaa Venäjällä, jossa voi löytää uusia mahdollisuuksia ...!

(Kuinka monta syrjäistä paikkaa Venäjällä onkaan...!)

(3) *Отдых в Турции – моя мечта.*

Loma Turkissa – minun unelmani.

(Loma Turkissa on minun unelmani).

(4) *Молодое направление в туристическом бизнесе – сельский туризм.*

Uusi suunta matkailubisneksessä – maaseudun matkailu.

(Matkailubisneksen uusi suuntaus on maaseutumatkailu).

Seuraavista esimerkeistä (5, 6, 7) voidaan havaita, kuinka lähtökielen malli on vaikuttanut lainausmerkkien käyttöön käännöksessä. Lainausmerkkejä käytetään nimien yhteydessä suomessa ja venäjässä eri tavoin. Suomessa lainausmerkkejä käytetään erisnimien yhteydessä yleensä vain selvyuden vaatiessa, venäjässä huomattavasti useammin. Venäjän kielessä substantiivimääritteeseen liittyvän erisnimen paikka on määritteen jäljessä ja erisnimi pannaan lainausmerkkeihin: suomessa *Moskova-hotelli* tai *hotelli Moskova*, mutta venäjässä *гостиница «Москва»*. (Лопатин, 2006, 175–186).

(5) *Ennen «Valamo»-luostarissa valmistivat yrtilikööriä.*

(Valamon luostarissa tai Valamossa valmistettiin...)

(6) «Turku»-kaupungissa
(Turun kaupungissa tai Turussa)

(7) «Leningrad»-bändi
(Leningrad-niminen bändi)

Ensimmäisessä alla olevassa virkkeessä (8) on venäjän kielen pronominia это käytetty muodollisena subjektina. Malli on mahdollisesti saatu englannin kielestä, koska tässä tapauksessa muodollinen subjekti ei ole suomen eikä venäjän kielen systeemin mukainen. Toisessa virkkeessä (9) это toimii venäjänkielisessä tekstissä vahvistavana partikkelina (Mustajoki, Niemensivu, 1996, 123), jona se ei kuitenkaan suomenkieliseen vastineeseen sovi.

(8) *Напрасно говорить о сюрпризах прежде того, как они случатся.*

Se on turhaan sanoa yllätyksistä ennen kuin ne tapahtuvat.

(On turha puhua yllätyksistä, ennen kuin ne ovat tapahtuneet).

(9) *В истории российского кино – это борьба, столкновение интересов и...*

Venäjän elokuvataiteen historiassa se on taistelu ja mielipiteen törmäys...

(Venäjän elokuvataiteen historiassa on ollut taisteluja ja ristiriitoja...)

Esimerkit 10, 11, 12, 13 ja 14 ovat ratkaisuja, joihin suomenoppijat ovat päätyneet, kun kyseessä ovat lauseet, jotka venäjässä on ilmaistu sellaisten prepositioiden ja prepositioilmausten avulla kuten esimerkiksi *с; с целью; в целях; для; чтобы; для того, чтобы; после; в связи с* ja *по*. Finaalirakenteen ohella sivulause on monissa tapauksissa käyttökelpoinen ja joissakin ainoa mahdollisuus ilmaista asia sujuvasti käännöksessä. Tavoitteenahan on hyvä

kirjoittamisen taito ja luettavan ja ymmärrettävän suomen kielen tuottaminen.

(10) *Чтобы добиться хороших результатов, спортсмены упорно тренировались...*

Jotta tehdä hyviä tuloksia, urheilijat harjoittelivat ankarasti...

(Päästäkseen hyviin tuloksiin urheilijat harjoittelivat... / ... harjoittelivat, jotta he pääsisivät hyviin tuloksiin.)

(11) *...для того, чтобы ослабить положение страны...*

... siksi, että heikentää maan asemaa...

(...heikentääkseen maan asemaa... / maan aseman heikentämiseksi)

(12) *В 1640-м году в городе Турку был открыт первый университет с преподаванием на финском языке.*

Turussa oli avattu vuonna 1640 ensimmäinen yliopisto suomen kielen opetuksen kanssa.

(Turussa avattiin vuonna 1640 ensimmäinen yliopisto, jossa opetettiin suomen kielellä).

(13) *Он напоминает Пугач, с его каналами и мостами.*

Se muistuttaa Pietaria, sen kanavien ja siltojen kanssa.

(Se muistuttaa Pietaria kanavineen ja siltoineen).

(14) *В 1323-м году после ряда столкновений с русскими...*

...vuonna 1323, useiden selkkausten venäläisien kanssa jälkeen...

(Vuonna 1323 venäläisten kanssa tapahtuneiden useiden yhteenottojen jälkeen... / sen jälkeen, kun venäläisten kanssa oli ollut useita yhteenottoja...)

Ajan, paikan ja tavan adverbiaalain sijoittaminen lauseeseen aiheuttaa ongelmia, koska suomessa ne ovat yleensä eri paikassa kuin venäjässä. Sanajärjestyksen osalta suomi ja venäjä kuuluvat SVO-kieliin, joille on tyypillisintä suora sanajärjestys. Suomen kielen

sanajärjestys on periaatteessa vapaa, mutta ei mielivaltainen. Käänteisellä sanajärjestyksellä on oma tehtävänsä: adverbiaalinen normaalista poikkeava paikka muuttaa lauseen merkitystä. Suomessa adverbiaali on tavallisesti predikaatin jäljessä, venäjässä sitä ennen. Esimerkeissä 15, 16 ja 17 näkyy venäjän kielen mallin mukainen adverbiaalinen sijoittelu.

(15) *Maaseudun matkailu Euroopassa syntyi 1970-luvun alkupuolella.*

(Maaseutumatkailu syntyi Euroopassa 1970-luvulla.)

(16) *Maidemme presidentit viime viikolla tapasivat ja...*

(Maidemme presidentit tapasivat viime viikolla ja...)

(17) *Koulusurmaajat maailmassa usein ovat olleet kiusatut ja tavallisesti heillä ei ole ollut.*

...

(Koulusurmaajat ovat olleet usein kiusattuja, eikä heillä ole tavallisesti ollut...)

Aikamuodoista monimutkaisimmat ovat liittotempukset. Suomen kielessä mennyttä aikaa ilmaistaan kolmella aikamuodolla: imperfektillä, perfektillä ja pluskvamperfektillä. Venäjässä menneen ajan aikamuotoja on vain yksi: preteriti. Usein kun pitäisi käyttää perfektiiä, käytetään imperfektiiä, niin kuin alla olevasta kahdesta ensimmäisestä esimerkistä (18, 19) voidaan havaita. Kysymyksessä on ns. aiemmin alkaneen tilanteen jatkuminen, jossa tapahtunut on alkanut ennen puhehetkeä ja jatkuu edelleen. Tätä korostavat lisäksi ajanilmaukset tähän hetkeen asti ja tähän päivään asti. Kolmannessa esimerkissä (20) on kysymys samasta asiasta, mutta predikaattiverbi on preesensissä kuten venäjänkielisessä virkkeessä. Viimeisessä esimerkissä (21) on käytetty lähtökielen mukaista pluskvamperfektiiä,

vaikka olisi pitänyt käyttää imperfektiä. Pluskvamperfektihän on aikamuoto, joka ilmaisee tekemisen, joka oli tapahtunut ennen jotakin toista tekemistä.

(18) *До сих пор никаких разногласий не было.*

Tähän hetkeen asti minkäänlaisia eroavuuksia ei ollut.

(...ei ole ollut).

(19) *...тогда, когда финнам до сих пор остается непонятным...*

...silloin kun suomalaisille tähän päivään asti jää epäselväksi ...

(...on jäänyt epäselväksi...)

(20) *Я живу в Петрозаводске всю свою жизнь.*

Asun Petroskoissa koko ikäni.

(Olen asunut...)

(21) *На прошлой неделе в Хельсинки была открыта выставка картин Третьяковской галереи.*

Helsingissä viime viikolla oli avattu «Tretjakov»-gallerian maalausten näyttely.

(...avattiin Tretjakovin gallerian maalausten näyttely).

Venäjän kielen systeemin mukaisia verbien rektioita on käännöksissä usein. Alla olevassa virkkeessä (22) tulisi käyttää suoraa partitiiviobjektia.

(22) *Он думает о своей жизни.*

Hän ajattelee elämästään.

(Hän ajattelee elämäänsä).

Suomi eroaa venäjästä siinä suhteessa, että suomessa käytetään elatiivia tai ablatiivia esim. seuraavien verbien kanssa: lainata (kirjastosta), ostaa (torilta), etsiä (lompakosta) ja löytää (rautatieasemalta). Illatiivia tai adessiivia käytetään, kun esim. avaimet

jätetään taskuun tai pöydälle jne. Venäjässä nämä verbit vastaavat kysymykseen *missä*. Venäjässä siis avaimet unohdetaan hattuhylyllä, myöhästyään bussiin jne. Lisää esimerkkejä:

(23) *В Финляндии не возникло государственного образования, пока...*

Suomessa ei ilmaantunut valtionmuodostusta ennen kuin...

(Suomeen ei syntynyt valtiota ennen kuin...)

(24) *Кто принимает участие в съемках?*

Kuka osallistuu kuvaamisessa?

(Kuka osallistuu kuvaamiseen/kuvauksiin?)

Venäjän kielessä sijamuoto on datiivi, kun puhutaan iästä, tuntemuksista ja pakosta tai välttämättömyydestä. Suomen kielelle vieras sijamuotojen käyttö näkyy tuoksissa.

(25) *Miehelle on jo 72 vuotta.*

(Mies on jo 72-vuotias).

(26) *Elokuva miellytti kaikille.*

(Elokuva miellytti kaikkia).

(27) *Minulle oli kylmä.*

(Minun oli kylmä).

(28) *minulle pitää, minulle täytyy*

(minun pitää, minun täytyy)

Nesessiivirakenteet esimerkissä 28 ovat mielenkiintoisia myös sinä suhteessa, että lauseen merkitys muuttuu, kun sijamuoto muuttuu. Sanommeko siis: «*Kaikkien pitää sanoa 'kiitos' vai kaikille pitää sanoa 'kiitos'?*»?

Tilan ja paikan hahmottaminen eli se, missä mikin sijaitsee, missä puhuja ja kohde ovat toisiinsa nähden, mikä on suunta, ollaanko

lähellä vai kaukana, menossa vai tulossa jne. on olennaista silloin, kun virke sisältää liikettä ilmaisevan verbin. Alla on esitetty erilaisia suomenoppijoiden ratkaisuja adverbiaalin sijoittelusta.

(29) *Ystäväni meni minulle.*

(Ystäväni tuli luokseni).

(30) *Tässä Venäjällä on suuret mahdollisuudet kehittää...*

(Täällä Venäjällä...)

(31) *Soititko matkatoimistoon?*

Joo, soitin siihen ja kysyin...

(Joo, soitin sinne ja kysyin...)

Muutos – tulos -lauseista näkyy, että suomenoppijat käyttävät useimmiten translatiivia, vaikka luonnollisempaa olisi käyttää elatiivia, jota substantiivipredikaatiivikin suosii. Esimerkeissä vaikuttaa taustalla venäjän kielen verbi *cmamb*, joka järjestyy instrumentaalilla. Suomen kielessä translatiivimuotoinen predikaattiadverbiaali ilmaisee muutosta jo olemassa olevassa, sen sijaan elatiivirakenteessa muutoksessa on kysymys täysin uudesta luokasta tai ominaisuudesta (Hakulinen, 2005, 860).

(32) *Suomi tuli erilaisten selkkausten näyttämöksi.*

(Suomesta tuli erilaisten selkkausten näyttämö).

(33) *...muuten filmi tulee epämielenkiintoiseksi.*

(...muuten filmistä ei tule mielenkiintoinen).

Olla-verbillisiin essiivisijaisiin lauseisiin sisältyy yleensä muutoksen tai tilapäisyyden merkitys. Silloin ilmaistaan tilaa tai toimintaa, jossa joku tai jokin on tilapäisesti muutokseen asti (Hakulinen, 2005, 1207). Esimerkin 34 tulisi olla tavallinen predikaatiivilause, joka ilmaisee subjektin eli tässä tapauksessa Aleksis Kiven pysyvää ominaisuutta. Tuotoksessa näkyy venäjän verbi *быть*, joka järjestyy instrumentaalilla.

- (34) *Aleksis Kivi oli Suomen kirjallisuuden suurena miehenä.
(Aleksisi Kivi oli Suomen kirjallisuuden suurmies).*

Genetiivimääritteen käyttö tulee venäjän kielestä. Esimerkkivirkkeissä 35, 36, 37 ja 38 suomessa käytetään yhdyssanaa tai partitiivi- ja finaalirakennetta. Esimerkissä 36 on paikallaan selittävä käännös.

- (35) *Ministerien delegaatio saapui eilen Moskovaan
(ministeridelegaatio).*

- (36) *Kontupohjan poliklinikalla on avattu terveyden koulu lapsille.
(«terveyskoulu»: paikka, jossa annetaan lapsille ohjeita
terveellisistä elämäntavoista)*

- (37) *suomalaisien ennätysmäärä
(ennätysmäärä suomalaisia)*

- (38) *...tsaari ryhtyi Suomen itsenäisyyden lientymisen toimenpiteisiin.
(...toimenpiteisiin heikentääkseen Suomen itsenäisyyttä /
toimenpiteisiin Suomen itsenäisyyden heikentämiseksi).*

Transitiivilauseissa objektin sijamuodon valinta on ongelmallinen niille, joiden äidinkielessä se, onko toiminta suoritettu loppuun vai ei ja onko kysymyksessä osa vai kokonaisuus, ilmaistaan toisella tavalla kuin objektin sijapäätteellä. Aspektuaalisuus on venäjän verbiopin keskeinen kategoria: useimmilla verbeillä on imperfektiivinen ja perfektiivinen aspekti. Suomessa ei ole tällaista kieliopillista kategoriaa. Yksinkertaistetusti voidaan sanoa, että imperfektiivinen aspekti osoittaa toiminnan jatkuvuutta ja toistumista, perfektiivinen aspekti toiminnan loppuun suorittamista ja kokonaisuutta. (Nikunlassi, 2002, 173–174). Esimerkin 39 suomen kielen verbistä tappaa ei voi sanoa, mitä aspektuaalista merkitystä se

itsessään ilmaisee. Tulos ilmaistaan akkusatiiviobjektilla. Esimerkin 40 partitiiviobjektista saa sen ehkä kummallisenkin vaikutelman, että kirjoittaja kävi katsomassa kaikkia elokuvia, mutta ei katsonut mitään loppuun asti. Monikollisen objektin sijamuodoksi tarvitaan nominatiivi, joka kertoo, että kyse on totaaliobjektista.

(39) *...ja uhkasi, että mies tappaa häntä.*
(..., että mies tappaa hänet).

(40) *...Suomen elokuvien viikko. Olen katsonut kaikkia filmejä ja...*
(Katsoin kaikki filmit ja...).

Venäjän kielen rakenteet näkyvät myös esimerkeistä 41, 42, 43 ja 44. Näin monimutkaisesti, pitkästi ja näillä sanoilla ei suomen kielessä ole luontevaa ilmaista.

(41) *Сколько времени ушло на процесс создания фильма?*
Kuinka kauan kesti filmin luomisen prosessi?
(Kuinka kauan filmin kuvaukset kestivät?)

(42) *Отдельной темой был вопрос по обеспечению безопасности туристов.*
Erillisenä aiheena oli matkustajien turvallisuuden turvaamisen kysymyksen käsittely.
(Erillisenä aiheena käsiteltiin matkustajien turvallisuutta).

(43) *...фильм, который посвящается великому режиссеру...*
...elokuva, joka on pyhitetty suurelle ohjaajalle...
(...elokuva, joka on tehty suuren ohjaajan kunniaksi...)

(44) *Памятник имени Пушкина.*
Pushkinille nimelle omistettu patsas.
(Pushkinin patsas).

Mitä tulee kirjoittamisen tyyliin yleensä, suomen kielen näkökulmasta venäjän kielen järjestelmä on jollakin tapaa raskarakenteisempi. Tämä tarkoittaa muun muassa sitä, että suomessa on tapana käyttää aktiivia venäjän passiivirakenteiden sijasta. Suomessa on tapana ilmaista asiat verbillä, mutta venäjässä käytetään mieluummin verbaalisubstantiiveja erilaisine määreineen. Virkkeistä saattaa tulla hyvin pitkiä ilman, että ajatuksen katkaisee piste ja seuraavan asian aloittaa uusi virke, kuten on jo edellä ollut puhetta.

3. LOPUKSI

Voi sanoa, että tämä artikkeli on täynnä virheitä. Toivottavasti siitä ei kuitenkaan jää kovin miinusmerkkistä vaikutelmaa. Olen nostanut esille joitakin esimerkkejä siitä, miten venäjä lähtökielenä on vaikuttanut kohdekieliseen eli suomenkieliseen käännökseen. Kun käännetään kielestä toiseen, lähtökielen vaikutukselta kohdekieleen ei voi välttyä. Joskus tuntuu siltä, että opiskelijat eivät kääntäessään tule ajatelleeksi, kuinka äidinkieli vaikuttaa heidän ajatteluunsa. Se johtaa virheisiin ja suomen kielelle epäluonnollisiin, outoihin ja jopa koomisiin muotoihin, sanoihin ja rakenteisiin. Sanasta sanaan ei ole mahdollista kääntää eikä ole tarkoitukseen. Rakenteita tulee pohtia ja kirjoittaa ne auki, sanakirjoja tulee tutkia ja etsiä niistä parhaat ja sopivimmat vaihtoehdot. Mutta virheistä oppii. Täytyy vain harjoitella ja harjoitella ja harjoitella enemmän. Opiskelijathan ovat vasta kääntäjänuransa alkutaipaleella.

Lähdekirjallisuus

Лопатин В. В. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под. ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006.

Hakulinen Auli (toim.). Iso suomen kielioppi. Helsinki: SKS, 2005.

Itkonen Terho, Maamies Sari. Uusi kieliopas. Helsinki: Tammi, 2007.

Mustajoki Arto, Niemensivu Helena. Venäjän kielen vaikeuksia. Helsinki: Yliopistopaino, 1996.

Nikunlassi Ahti. Johdatus venäjän kieleen ja sen tutkimukseen. Helsinki: Finn Lectura, 2002.

**К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА
НА ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ УРОВНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЮЖНОКАРЕЛЬСКОЙ
ПЕСНИ О СВАТОВСТВЕ)**

Изучение устно-поэтической традиции карел (как и освоение традиции других народов) предполагает работу с фольклорным материалом на языке ее носителей, что, несомненно, позволяет глубже раскрыть семантику рассматриваемых сюжетов и образов, выявить их мифологические истоки. Поскольку наши исследования ориентированы в первую очередь на русскоязычного читателя, цитирование фрагментов в статьях и монографиях дается как на языке оригинала, так и в переводе на русский язык. Для введения в научный оборот архивных материалов издаются академические сборники, в которых тексты представлены также на двух языках: карельском и русском. Причем в большинстве случаев делается буквальный, а не художественный перевод, что, по-нашему мнению, позволяет не только максимально точно представить материал, но и сохранить его национальный колорит и своеобразие.

Придерживаясь дословности, исследователи зачастую сталкиваются с характерной трудностью перевода фольклорных памятников, которая заключается в соблюдении сочетаемости художественной ценности (т. е. в полной передаче содержания, отражения по возможности всех его стилистических особенностей) и научной точности. В этой связи возникает проблема соотносительности оригинального и переводного текстов на семантическом и грамматическом уровнях.

В настоящей статье на примере собственного перевода южнокарельской эпической песни о сватовстве рассмотрим, насколько достоверно переводной текст отражает особенности оригинального материала.

Надо отметить, что язык анализируемых южнокарельских эпических текстов во многом отличается от разговорной речи карел-ливвиков: в песнях довольно часто встречаются архаичные формы слов, а также присущие устно-поэтической традиции метафоры, эпитеты, сравнения, символы. Одной из особенностей языка южнокарельских песен о сватовстве является обилие уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Как известно, деминутивы – излюбленное общеполькlorное языковое средство, оно широко используется во всех жанрах устного народного творчества. Карельская устно-поэтическая традиция не является исключением, помимо эпических песен ими изобилуют причитания, заговоры, загадки, мифологическая проза, а также другие жанры.

По предположению финляндского исследователя Х. Г. Портана, суффиксы уменьшительности первоначально выражали почитание и уважение того лица, к имени которого они примыкали (Porthan, 1904, 129). Если рассматривать круг слов, к которым присоединяются деминутивные суффиксы в анализируемых вариантах, то можно отметить, что наибольшее распространение получила деминутивная форма от слова *tuato*. Превалирует конструкция типа *tuatojoine* – *маменька моя*:

Muatojoini kantajoini

Маменька моя, меня выносившая,

Pane kyly lämmäh!

Затопи баню.

SKVR, II, 92, 6-7¹.

---

¹ В дальнейшем при цитировании «Suomen kansan vanhat runot» (сокращенно SKVR) римской цифрой указывается номер тома, далее следует номер текста и 278

Возможно, таким способом выражалось эмоциональное отношение к названному лицу, в данном случае почитание матери. В остальных примерах указанные суффиксы присоединяются к словам, имеющим отношение к описанию кузнеца Илмойллинена:

Peze piähyt pelvas pivokse,   Вымой *головушку*, как пучок льна,
Silmäzet ku siiru kabuks,   *Глазки*, как сырны головки.
Kaglaine ku kanan munaks.   *Шейку*, как куриное яйцо.

SKVR, II, 96”a”, 32–34.

Вероятно, употребление подобных форм применялось для маркировки представляемого образа на фоне остальных героев песни.

Уменьшительно-ласкательные суффиксы используются также при описании мифических существ, например, потусторонний мир охраняют собачки Хийтолы (*Hijon koiraset* – собачки *Хийтолы*). Птицы, украшающие свадебный поезд Илмойллинена, представлены как *kuldazet kägizet* – *золотые кукушечки*. Обрядовая баня названа *kylyne* – *банька*, дрова, используемые для ее приготовления, не просто дрова, *mezizet halgozet* – *медовые дровишки*. Таким образом, опираясь на выявленные примеры, отметим, что диминутивные суффиксы употребляются для изображения каких-либо знаковых предметов, субъектов или локусов.

Для образования по значению уменьшительно-ласкательных существительных в рассматриваемых вариантах используются суффиксы *-ne*, например, *kylyne* – *банька*, *kaglaine* – *шейка*, в редких вариантах песни можно встретить суффикс *-oi*, например, *tiatoi* – *маменька*. В остальных случаях употребляются суффик-

---

номер строк по изданию: Suomen kansan vanhat runot. II osa/Julkaisut A. R. Niemi. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seuran kirjanpaino Oy, 1927.

сы **-se (-ze)** *koiraset* – собачки, *halgozet* – дровишки, *kägizet* – кукушечки, *silmäzet* – глазки или **-ut (-yt)** *piähyt*-головушка, имеющие ярко выраженную семантическую деминутивную функцию. Перевод подобных конструкций неоднозначен и может вызывать некоторые трудности. Обратимся к примерам:

Kirguu *marjaine* *mäjellä* Кричит ягодка на горе,

Buolukkaine *randial*: Брусничка на берегу:

SKVR, II, 101, 1–2.

В данном случае как в оригинале, так и в переводе мы используем деминутивную форму, сохраняя тем самым особый стиль эпического повествования.

Однако эквивалентный перевод возможен не всегда. Рассмотрим для иллюстрации следующий пример: *Sepoi Ilmoilline azui pajažen // Tagou kirvehen vaskivardižen* (КЭП, 139, 13-14)². Буквальный перевод с учетом всех деминутивных суффиксов должен звучать следующим образом: *Кузнечик* (деминутивная форма от слова *кузнец*) *Ильмоиллине* *делает кузничку*, // *Кует топор с медной ручечкой*. В данном случае максимально точная передача фольклорного текста на другой язык вступает в противоречие с возможностью отобразить все его своеобразие средствами языка перевода. Приходится отказываться от перевода специфических черт текста, связанных с грамматическим строем оригинала. Чисто технически такой перевод как в данном примере, так и во многих схожих случаях возможен, но обычно связан с необходимостью поступиться связностью и ясностью текста.

---

² В дальнейшем при цитировании «Карельские эпические песни» (сокращенно КЭП) указывается номер текста и номер строк по изданию: Карельские эпические песни / Изд. подгот. В. Я. Евсеев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.

Таким образом, мы упускаем в переводе все деминутивные формы и переводим рассматриваемый фрагмент следующим образом: *Кузнец Илмойллине делает кузницу, // Кует топор с медной ручкой*. На наш взгляд, отказ от уменьшительно-ласкательных форм не препятствует точной передаче содержания оригинального текста.

Как неоднократно отмечали ученые, эпический стиль (к примеру, стиль русских былин) изобилует большим количеством разнообразных глаголов (Тарланов, 1951, 51). В карельской эпической традиции наряду с простыми формами прошедшего и настоящего времени: *lähti – ушел, meni – пошел, löydi – нашел, ruhei – стал, sanou – говорят, ajau – едет, kiändi – перевернул* в текстах употребляются глаголы с различными грамматическими суффиксами. К примеру, нами отмечено большое количество глаголов в форме повелительного наклонения: *lämmitä – истопи, tiijä – знай, nostä – подними, valukkah – пусть течет, tipukkah – пусть капает*. Среди употребляемых в текстах песни глаголов в данном наклонении встречаются примеры древней оптативной формы, показателем которой является суффикс *-s*: *tuos – принеси-ка, lämmitäts – истопи-ка, pezes – вымой-ка, ostas – купи-ка, tenes – иди-ка*, что характерно для устно-поэтических текстов в целом (Хакулинен, 1953, 223). Довольно часто в рассматриваемых песнях употребляются глаголы в условном наклонении: *panizin – положил бы, lähtizin – вышел бы, kiruozin – проклял бы*, признаком которого является суффикс *-izi*. Встречаются глаголы возможностного наклонения, *voinnnet – если сможешь, laulannet ku – если напоешь, sanonet – если скажешь*, показателем которого является суффикс *-ne, -nne*. В переводах эпических песен для более точной передачи повествования все эти формы по возможности сохраняются:

Lämmitä muamoi kylvtkö,   Истопи, маменька, баню,

Laittomatko, seinättömät!

Без потолков, без стен!

SKVR, II, 95, 39–40.

Voinnetkui (sanou) minun

Если сможешь (говорит) на моем

kielel pläššidä,

языке сплясать,

Äski andan tyttäreni.

Тогда отдам свою дочь.

SKVR, II, 97, 90–91.

Помимо глаголов, образованных при помощи грамматических суффиксов, нами отмечена группа слов с глагольными суффиксами **-ahnta (-ähtä)**: *loškahtih* – *стукнулся*, *tuskahtih* – *взлетел*, *kačahhtih* – *взглянул*, *tuijahtih* – *влетел, быстро вошел*. Подобные глаголы имеют значение однократного, мгновенного действия и отмечаются в мотивах, описывающих приезд кузнеца Илмойллинена в дом хозяйки (хозяйина) Хийтолы: *tuijahtih seppo tuvah* – *влетел кузнец в дом*, а также в мотивах поиска убежавшей от кузнеца невесты:

Kačahhtihbo seppy Ilmoilline

Взглянул кузнец Илмойллине

kord'oin peräh, –

в задок саней, –

Eibo ole kaunis Kat'ua rinnal.

Нет красивой Кати рядом.

КЭП, № 179, 106-107.

К глаголам мгновенного действия относятся также глаголы с суффиксами **-lda**: *laulaldaq* – *спеть*, *sivaldaq* – *завязать*, *rainaldaq* – *согнуть*, *luveldaq* – *сосчитать*. Примеры подобных глагольных форм распространены в мотиве изготовления новой сбруи для саней: *rainaldau vembelen paremban ennisty* – *согнул дугу лучше прежней*, также в мотиве поиска убежавшей невесты: *luveldau meren pohd'as peskut* – *сосчитал на дне морском песчинки*.

Для устно-поэтической речи в целом свойственным является употребление также глаголов возвратного спряжения. В рассматриваемых вариантах южнокарельской песни о сватовстве, к примеру, нами выделена группа подобных форм рефлексивных глаголов, образованных при помощи лично-числовых окончаний 1-го лица ед. числа **-mmos**: *kaçahtimmos* – посмотрела, а также при помощи лично-числовых окончаний 3-го лица ед. числа **-heze**: *istuhize* – уселся, *kaçahtaheze* – посмотрел, *istuhize kord'an peräh* – уселась в задок саней.

При переводе такого многообразия глагольных форм необходимо по возможности точно передать значение многочисленных суффиксов, что требует подбора схожего русскоязычного аналога, в некоторых случаях можно прибегнуть к пояснениям.

Трудности при переводе южнокарельских песен о сватовстве могут возникнуть при отражении категории числа. В рассматриваемых вариантах, как правило, формы единственного и множественного числа указывают на реальное количество, реальное множество лиц или предметов, хотя в некоторых случаях множественное число может выступать вместо ожидаемого единственного. Так, например, слово «женихи» (кар. «*sulhazet*») в анализируемых текстах всегда имеет форму множественного числа в независимости от количества отправляющихся на сватовство. В песне в далекую Хийтолу могут отправиться три брата, в данном случае использование множественного числа слова оправдано. Однако чаще всего свататься едет кузнец Илмойллине один, но даже в этом случае герой всегда говорит: «*Lähten minä sulhazikse*», что дословно переводится как «Пойду я в женихи». Использование данной формы в языке можно объяснить, опираясь на описание свадебного обряда. Как известно, свадебный поезд помимо жениха составлял большое количество сватов, обычно 5–6 человек. Именно группу

сватов и называли «женихи», по-карельски «sulhazet»), а сборы на сватовство «*lähteä sulhaziksi*», т. е. «пойти свататься». Таким образом, использование множественного числа по отношению к термину «женихи» становится понятным. Перевод в данном случае дается не буквальным, передается смысл целого выражения.

В языке южнокарельских эпических песен сохранились слова, утратившие свое первоначальное значение, которые непонятны с точки зрения современного языка. К данной группе относится существительное *imbi*, характеризующее красивую Анни: *Anni neidoi*, *imbi neidoi* – Анни-девушка, непорочная девушка. Слово *imbi* указывает в первую очередь на целомудрие девушки и переводится как «незамужняя дочь», «девица». В причитаниях, к примеру, оно является одним из компонентов сложных конструкций, относящихся к свадебной лексике и характеризующих невесту: *imbiälline* – девица-моряночка, *imbikanani* – девица-курочка, *imbikylyzet* – девичья баня (Karjalan kielen sanakirja, 1968, 449; Степанова, 2004, 52). В настоящее время слово утратило свой первоначальный смысл и является синонимом существительного «девушка». При переводе южнокарельских песен о сватовстве мы стараемся отобразить в первую очередь исконное значение слова.

Аналогичный пример встречается при описании свиты женихов, когда в поэтическом тексте довольно часто используется существительное *uros* «мужчина». В современной речи данное слово имеет значение «самец», употребляется по отношению к животным и птицам (Степанова, 2004, 227): *Uroi nenäs*, *uroi peräs*, *uroi keskellä venosen* – Мужчина на носу, мужчина на корме, мужчина посреди лодки. Представленные слова вышли из широкого употребления и встречаются только в произведениях карельского фольклора: в причитаниях, эпических песнях и балладах. Для правильного понимания перевода аналогичные случаи требуют пояснения при переводе.

Таким образом, рассматривая конкретные случаи перевода фольклорного текста, отмечаем, что в большинстве случаев мы прибегаем к буквальному, максимально приближенному к оригиналу переводу. Подобная цель предъявляет особые требования к принципам выбора эквивалентов и способам отражения различных аспектов текста, таких как особенности языка, поэтика, стиль.

Список литературы

Porthan H. G. Tutkimuksia. Helsinki, 1904.

Тарланов З. К. Сравнительный синтаксис жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1981.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка: В 2 кн. Кн. 1. Развитие и структура финского языка: Пер. с фин. / Под ред. А. П. Аристэ. М.: Иностранная литература, 1953.

Karjalan kielen sanakirja. I osa / Toimittanut P. Virtaranta. Helsinki, 1968.

Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск, 2004.

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА КАРЕЛЬСКОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

При изучении языка карельской колыбельной песни мы столкнулись с проблемой ее перевода на русский язык (в частности, при подготовке статей в издания, ориентированные на читателя, не владеющего карельским языком). Задача осложнена необходимостью передачи не только общего содержания фольклорного текста, но – и даже в большей степени – нюансами образа мыслей воспитателя, исполнявшего колыбельную песню. Полагаем, что именно этот аспект наиболее интересен в лингвофольклористике. Так, А. А. Потебня в работе «Из записок по русской грамматике» предостерегает начинающих ученых видеть в фольклорных текстах только образность, поэтичность без учета обычаев и особенностей мышления предков, которые воплощаются в языке (Потебня, 1968, 217).

Думается, что в зависимости от преследуемых целей и интересов потенциального читателя работа по переводу фольклорного текста может выполняться по-разному. Например, для иллюстрации отражения особенностей воспитания в языке колыбельной песни необходимо приводить буквальный перевод эпитетов: к ребенку обращались со словами *ainoi lapsi* (единственный ребенок), *all'i* (утка-морянка), *kuldane* (золотой, золотце), *lapsi* (ребенок), *lempilintuni* (любимая птичка), *linnunpoika* (птенец), *lintuni* (птичка), *maksazeni* (моя печеночка: в плачах под метафорой 'maksazeni' понимается ребенок (ТСЯ, 2004, 29)), *nurmilintu* (луговая птица), *rieni* (маленький), *riepokkaini* (малыш), *run'u, run'uste* (ласковое обращение к малышу; обозначает что-либо маленькое, мелкое: (АSА, 1991, 86)), *tukkaria* (волосая голова), *uvelmoine*

(росточек), vakahaini (находящийся в коробе: до шестинедельного возраста ребенок у карел спал в изготовленном из дранки коробе), vakavaini (спокойненький), väistärikki (трясогузка) и т. д. В отношении таких эпитетов, как pun'u, pun'uste, vakahaini, maksazeni, следует давать особые пояснения, иначе они будут не понятны в переводе. Буквальный перевод с необходимыми комментариями дает возможность читателю раскрыть структуру образа в фольклорном произведении, понять, как он строится, какие характеристики выносятся на первый план, каково соотношение выделенных в нем свойств с окружающим миром, ознакомиться с некоторыми уже устаревшими значениями карельских слов, ныне не употребляющимися в языке, и т. д. Для читателя, стремящегося выяснить лишь основной смысл текста, проще будет ознакомиться с литературным переводом текста. Тогда эпитеты, за которыми стоит некий этнографический или исторический фон, можно будет перевести соответственно как «малыш, крошка» или, например, «новоорожденный, маленький» (вариант Н. А. Лавонен, KRR, 1992, 146)):

*Onko pientä pirtissäni,
vakavaista vuatteissani?*

*Есть ли маленький в моей избушке,
новоорожденный
(маленький, спокойный)
в пеленках?*

Определенную сложность при переводе составляет использование деминутивных суффиксов, так характерных для карельских колыбельных песен. Нужно отметить, что уменьшительно-ласкательные суффиксы употребляются не только в отношении ребенка (vakahaini 'находящийся в коробе', lintuni 'птичка' и т. д.), но и при описании всего окружающего быта:

*Tuohan unta tulleššaše,
vaškisella vakkasella,
kuparisella kupilla...*

*Принеси же сон с собою,
в медненной корзиночке,
медненной чашкой...*

Самым распространенным деминутивным суффиксом у имен при обращении к ребенку выступает *-(i)ni/- (i)ne* (kuldane 'золотце', uvelmoine 'росточек'), реже встречается *-kkaini, -kkäini/-kkaine, -kkäine* (pienokkaini 'малыш'). Суффиксы *-hut, -hyt* и *-ut, -yt* удалось зафиксировать лишь в нескольких случаях (lapsut 'ребеночек', pienuit 'маленький'). У. С. Конкка использование нескольких суффиксов в пределах одной словоформы называет характерной чертой карельских плачей; например, к отглагольному существительному kantaja 'выносившая' добавляется притяжательный суффикс 1 лица ед. числа *-ni*, а затем в слове появляется уменьшительно-ласкательное *-se*. В итоге получается словоформа kantajaiseni, которую на русский язык следовало бы перевести как 'моя [меня] выносившая' с деминутивным значением (если бы так можно было выразиться: «моя [меня] выносившенькая»), что подвергнуть переводу на русский язык достаточно сложно (Конкка, 1992, 23). В карельских колыбельных песнях встречаются метафоры, представленные формами с двумя последовательно стоящими суффиксами *-(i)ni/- (i)ne* и *-ni/-ne*, один из которых является уменьшительно-ласкательным, а другой – притяжательным (например, maksaze-ni 'моя печеночка'). Очевидно, с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов взрослый выражает особое ласковое отношение к миру детства, в котором пребывает ребенок.

В колыбельной песне няня (обычно это была бабушка) обращается ко сну с просьбой усыпить малыша, иногда в песнях выражаются пожелания счастливой доли ребенку в будущей взрослой жизни (ASA, 1991, 86). Эти темы раскрываются и в языке

колыбельной песни. Механизмы синкретического мышления, на наш взгляд, находят свое отражение в использовании глаголов *tuutie*, *heiluo* и др. (качать, баюкать) с определением в форме транслатива единственного числа (окончание *-ksi*, *-kse*). Именно эти формы, по нашему мнению, также представляют наибольшую трудность при переводе. В грамматике карельского языка первым из основных значений транслатива является «значение становления кем-нибудь, чем-нибудь, переход в какое-нибудь состояние, положение, превращение во что-нибудь». Иногда транслатив используется и для обозначения результата действия (напр.: *Poika kasvo suureksi* 'Парень вырос' (Зайков, 1999, 41)). И в финском языке предикативное обстоятельство, примыкающее к непереходным глаголам, обозначающим изменение, переход в некое иное состояние, используется также в форме транслатива (напр.: *Sää on muuttunut kirkkaammaksi* 'Погода прояснилась'; *jalka hierottiin terveeksi* 'ногу растерли до здорового состояния' (NSL, 1979, 213); глагол *hieroa* является переходным, но в приведенном контексте выступает в непереходном значении). Транслатив, благодаря кругу своих значений, в этом случае как нельзя лучше дает возможность передать чаяния и надежды матери. А согласно мифологическим представлениям об окружающем мире, слово – это и есть предмет, явление. Значит, мать, бабушка, выражая в колыбельной песне мечты о будущем ребенка, верит в их претворение в жизнь:

*Tuuvin, tuuvin turvakseni,
vuaputtelen vuarakseni.*

*Tuuvin lasta tuomariksi,
heilun herraksi hyväksi...*

Качаю, качаю себе опору,

Убаюкиваю на свою старость.

Качаю ребенка, чтобы стал судьей,

*баюкаю, чтоб был хорошим
господином.*

В данном случае для пояснения значения транслатива, отражающего особенности синкретического образа мышления пестуны, нами приведены в переводе сложноподчиненные конструкции. У В. Я. Евсеева выполнен буквальный перевод сходного текста колыбельной:

Tuuvin lasta tuomariksi,   Туути, ребенка – судьи,
baiju lasta baijariksi   баю, ребенка – в бояре.

(Евсеев, 1962, 37–61).

Неоценимую помощь при переводе фольклорных текстов оказывают специализированные словари, составленные на материале определенных жанров фольклора, в которых присутствуют как буквальный перевод, так и толкование непонятных слов. Так в ТСЯ А. С. Степановой приводится два варианта перевода слова *šiikavaltaset*: 'волюшка сига' (буквальный перевод) и 'девичья воля' (соответствие в русском языке). Кроме того, в данном словаре отмечаются случаи, когда форма является метафорической заменой какого-либо понятия, например, *siemen, siemenyt, siämenyt* 'семя, семечко' – метафорическая замена термина «дитя» и «его невесты» (ТСЯ, 2004, 252). Во «Фразеологическом словаре карельского языка» В. П. Федотовой также приводится два варианта перевода: толкование или фразеологическое значение выражения и его буквальный перевод с целью раскрытия образной основы фразеологизма (Федотова, 2000, 6): *kuymät ♦ kuymät armot on* 'не приласкают, некому приласкать' (=холодные ласки) (Федотова, 2000, 99).

Думается, что при изучении языка любого фольклорного текста работа по его переводу является полноценным этапом исследования, так как передача особенностей образа мышления од-

ного народа средствами языка другого представляет большую трудность.

На наш взгляд, проблемы перевода могут определяться следующими моментами:

1) чем дальше друг от друга в языковом отношении находятся данные народы, тем труднее передать нюансы значений без дополнительного их толкования; причем это предполагает наличие определенных знаний в культуре обоих народов;

2) чем больше временной интервал, отделяющий исследователя от момента создания фольклорного текста, тем проблематичнее его понимание даже в культуре одного народа и, соответственно, усложняется его перевод;

3) чем больше диалектного материала, на котором создано то или иное фольклорное произведение, тем более затруднителен его перевод.

Думается, что в лингвофольклористике, науке, включающей всестороннее изучение языка устного народного творчества, необходимо развивать и методику перевода фольклорных текстов на различные языки. Такая методика представляется актуальной в условиях двуязычия и постоянно развивающегося научного сотрудничества.

Список литературы

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М.: Просвещение, 1968. Т. 3. 551 с.

Степанова А. С. Толковый словарь языка карельских причитаний. Петрозаводск: Периодика, 2004. 304 с.

Aukaisen sanaisen arkun – Песенный открою короб: Хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Карельской

АССР // Изд. подготовила А. С. Степанова. Петрозаводск: Карелия, 1991. 222 с.

Karjalan rahvaan runoja – Карельский фольклор: Хрестоматия / Изд. подготовила Н. А. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1992. 272 с. (На русском и карельском языках).

Конкка У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи / Карельский научный центр РАН. Петрозаводск, 1992. 296 с.

Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.

Зайков П. М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.

Auli Hakulinen, Fred Karlsson. Nykysuomen lauseoppia // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 350. Jyväskylä, 1979.

Евсеев В. Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1962. Вып. 35. С. 37–61.

Федотова В. П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 2000. 260 с.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ В КАРЕЛЬСКИХ БЫЛИЧКАХ

Работу переводчика неслучайно называют искусством, в русском языке есть даже такое выражение – «искусство перевода». Переводчик должен не просто буквально перевести текст на иной язык, а, образно говоря, трансформировать произведение как некую живую вербальную субстанцию из одного языкового локуса в другой, соблюдая при этом все смысло- и формообразующие нюансы.

В современной теории перевода существует термин «адаптация». Он используется в основном в двух значениях. Во-первых, для определения конкретного переводческого приема, который заключается в «замене неизвестного известным, непривычного привычным», во-вторых, «для обозначения способа достижения равенства коммуникативного эффекта в тексте оригинала и тексте перевода». В таком случае «адаптация» понимается как приспособление текста при помощи определенных процедур к предельно адекватному, «вполне соответствующему, совпадающему, тождественному» его восприятию читателем другой культуры. Особенно велика роль социокультурной «адаптации» при переводе произведений, которые отличаются яркой национальной окраской как по форме, так и по содержанию. Н. А. Фененко определяет перевод фольклорного текста как «взаимный процесс смыслоформирования и смыслоформулирования», и, следовательно, процесс «адаптации» таких текстов является в равной степени социокультурным и лингвистическим, иначе говоря, лингвокультурным. Таким обра-

зом, перевод должен сочетать в себе художественную ценность и научную точность, отражать ментальность и культуру оригинала во всех аспектах. «Фольклор» в переводе с английского означает «народная мудрость», зерна этой мудрости не должны быть утрачены в переводном варианте.

Несмотря на особую национальную специфику фольклорных текстов, многие мотивы, образы и даже сюжеты у разных народов сходны. Так, на основе сравнительного изучения сюжетов европейского фольклора ученые пришли к выводу, что около двух третей сказочных сюжетов каждого народа имеют параллели в сказках других национальностей. А. Н. Веселовский назвал подобные сюжеты «бродячими». Такое сходство, безусловно, облегчает работу переводчика.

Говоря о переводах, которыми занимается большинство сотрудников ИЯЛИ КарНЦ, прежде всего, следует обратить внимание на то, что все они билингвы, т. е. не только в совершенстве владеют двумя языками, но, по сути, оба эти языка являются родными: русский и язык коренной национальности (карельский, вепсский или финский). И в то же время, работая с фольклорными текстами, чувствуешь, насколько аутентично звучит произведение на том языке, на котором оно создано. И как бы верно ни старался перевести его на русский язык, какая-то неуловимая прелесть звучания все равно исчезает.

Казалось бы, что может быть проще, чем перевести названия персонажей, на деле и здесь возникают свои сложности. В данной работе рассмотрим некоторые вопросы, возникшие при переводе названий духов-хозяев святочного периода и покровителей двух природных стихий – воды и леса.

Сакральный период Святков (у карел он называется Vierissäneski) с 25 декабря по 6 января по старому и с 7 по 19 января по новому стилю. Святочные духи имеют глубокие языческие корни

и именно вследствие своей архаичности сохранились в мифологии далеко не всех народов. Примечательно, что в карельских быличках присутствует даже не один, а два совершенно разных мифологических персонажа: на юге это Сюндю, а на севере – Крещенская баба. Район Сегозерья является переходным, т. е. наличествуют рассказы и об одном, и о другом персонаже, порой их характеристики переплетаются между собой и получается в некоторой степени усредненный образ. Это единственные мифологические персонажи, которые выполняют одинаковую функцию, но отличаются по географическому месту бытования. Все остальные мифологические образы идентичны друг другу и у ливвиков, и у людиков, и у собственно карел.

Правильный перевод и толкование слов *Vierissän akka* (в каждом названии будет даваться только один фонетический вариант произношения, хотя в почти каждом случае их несколько) и *Vierissän keski* важны не только в языковом, но и в этнографическом, и даже шире – в ментальном отношении. Часто их переводят, ориентируясь на русский язык, как Святочная баба и Святки. Это не совсем верно. *Vierissän keski*, безусловно, воспринималось карелами, как и русскими, как святочное (от слова «святой»), т. е. священное, сакральное время года. Но в обоих этих названиях подчеркивается как бы приоритет Крещения перед Рождеством. *Vieristy* – это праздник, который у русских называется Крещение. Следовательно, *Vierissän akka* – это Крещенская баба, а *Vierissän keski* – это дословно Крещенский промежуток. То есть карелы, восприняв многие православные обряды путем наложения на древние языческие, тем самым подчеркнули большую значимость Крещения. Рождество – это день рождения Иисуса, день, в который Бог отправил на землю Спасителя. Он своим рождением, а затем мученической смертью взял все грехи людей, поверивших в

него, на себя. Древним карелам было трудно это понять, т. к. они привыкли заслуживать прощение грехов у своих многочисленных богов различными жертвоприношениями, магическими обрядами, т. е. ритуально и вербально. В спасение таким простым способом, которое предлагала идея Рождества, просто через веру, поверить было трудно. Гораздо более близким и понятным оказался обряд водного крещения. Во-первых, сам обряд омовения – очищения водой уходит корнями в язычество. Те же языческие так называемые летние Святки, время разгула, предания греху, заканчиваются купанием в реке. Зимой, в самые лютые Крещенские морозы, 19 января, в последний день пребывания *Vierissän akka* на земле, этот обряд осуществлялся прямо в проруби, для чего нужно было проявить личное мужество и продемонстрировать перед Богом большое желание смыть с себя грехи. Назывался он «*kävvä Jordanah*» («ходить на Иордан»). Человек прыгал в воду, освященную служителем веры, а потом прямо в мокрой одежде бежал звонить в церковные колокола (безусловно, это уже влияние библейского сюжета о крещении в р. Иордан, в том числе Иисуса Христа). И название самого праздника *Vieristy* произошло от слов *vezi ristu, vein ristu*, т. е. крещение, освящение воды (букв. водный крест).

Таким образом, уже в терминах, связанных со Святками (*Vieristy, Vierissän akka, Vierissän keski*), у карел на первый план выходит обряд освобождения человека от годовых грехов. В переводе это ментальное своеобразие необходимо сохранить и перевести *Vierissan akka* не как Святочная баба, а именно Крещенская. Хотя можно провести параллель, к примеру, с таким сказочным персонажем, как *Syöjatar* (Сюоятар), который изначально было решено переводить транслитерированно, хотя ведь возможны были варианты Пожирательница или Обжора (так, в одном из вариантов сказки о Золушке сестру зовут Поедана). Но имея название Сюоятар в оригинальном виде, карельские сказки даже в переводе

сохраняют, в том числе благодаря и этому, яркую национальную специфику. Поэтому, возможно, имело бы смысл в переводе оставить Виэристьян akka без изменения, сохраняя национальный колорит святочных рассказов. Сложно решить, что делать с Vierissan keski. Не совсем верно переводить это как Святки, но и дословно Крещенский промежуток звучит по-русски не очень красиво.

В южно-карельской мифологической традиции в виде святочного персонажа выступает Сюндю (Syndy).

Synty – это «mytologinen olento, jonka uskotaan olevan maan päällä joulusta loppiaiseen ja joka liittyy joulun-aijan enteiden kuuntelemiseen». Это «мифическое существо, которое по верованиям находится на земле от Рождества до Крещения и которое сопричастно к рождественским предсказаниям для "слушающих"». В том же значении, но гораздо реже употребляется и слово Suurisyntu (букв. Большое Synty).

Подробно этимологию слова Synty рассмотрела У. С. Конкка в своей монографии «Поэзия печали». Позволим использовать ее некоторые выкладки, которые особенно важны для понимания данного образа. Во-первых, «коренное значение слова synty (syndy, syönd) во всех прибалтийско-финских языках "рождение"». Во-вторых, «в карельских и финских заклинаниях этим словом называются мифы о рождении или происхождении явления, предмета, существа». Так, P. Virtaranta пишет, что когда шли слушать Vierissän akka, надо было уметь «synti» прочитать. В-третьих, «в южно-карельских диалектах и вепсском языке слово syndy (synd) имеет еще и следующие значения: бог, Христос, иконы, а также время зимних святок». Словарь карельского языка приводит значение этого слова у тверских карел «synnyn vuosi» – это то же, что и «jumalan vuosi» («год syndy» – это «божий год»): «Joga synnyn vuotta joka jumalan vuosi jiamma heinämiada». В-четвертых,

«М. Хаавио предполагает, что понятия *luonto–haltia–synty*, выступающие в заклинаниях как синонимы, – это дух предка рода, которого колдун призывает на помощь, приступая к заклинанию...». Следует отметить, что у многих народов в обрядности святок просматриваются пережитки культа умерших. Верили, что в это время покойники бродят по земле, их подкармливали, обогревали. А. Ф. Некрылова пишет, что в Курской губернии «под Рождество и под Крещение жгут навоз среди двора, чтоб родители на том свете согрелись». В Тамбовской и Орловской губерниях «в первый день Рождества среди дворов сваливается и зажигается воз соломы, так как умершие в это время встают из могил и приходят греться. Все домашние при этом обряде стоят кругом и в глубоком молчании». Обычай разжигания так называемого «рождественского полена» присутствует в обрядности практически всех европейских стран. В-пятых, финский языковед Яло Калима, исследовавший этимологию карельского слова *syndy*, называет это загадочное существо, появляющееся во время святок, духом-хозяином (*haltia*). Косвенным доказательством, по мнению Калима, может служить факт, что у русского населения Петрозаводского уезда «цонда – нечистый дух, вроде домового». Калима считает, что карельское *syndy* – «дух, хозяин» имеет свое соответствие в восточно-славянской мифологии – «род» – название божества древних славян. Русское «род – родители», в свою очередь, восходит к культуре умерших родичей. В русских диалектах слово «родители» означает не только отца и мать, но и дедов, прадедов и предков. Общие поминальные дни у русских называются «родительскими субботами». В олонецком говоре русского языка «родительское место» – кладбище. Тверские карелы заимствовали у русских это слово вместе с понятием: «родители – умершие родичи». Здесь следует добавить, что и название основного праздника, во время которого карелы поминают своих предков, называется *Roadenču*

(русск. Радоница), при этом карельское название, видимо, заимствовано из русского и соотносится с названием божества Рода В-шестых, «... syntyset – это умершие родичи и в то же время пространство, которое они населяют, т. е. потусторонний мир». В качестве седьмого значения можно вспомнить употребление этого слова в составе фразеологического оборота: Synnyn stroastit – возможно, страх, навеянный Syndy или Богом, т. е. огромный, панический страх. «Synnyn kovin kauhean, ankanan sroaštín hyvän näin, kai tukat pystöi nostih».

Здесь можно провести аналогию с русским выражением «панический страх» или «панический ужас», которое тоже произошло от имени древнегреческого божества Пана. Он родился с ярко выраженными хтоническими чертами: с рогами, раздвоенными копытами, бородой. Даже мать, нимфа Дриона, ужаснулась при виде его. Пан как божество стихийных сил природы наводит на людей беспричинный, так называемый панический страх, особенно во время летнего полдня, когда замирают леса и поля. Предание об умирании Великого Пана иногда трактуется как умирание природы. Этот древний миф об умирании и воскресении природы находит отражение и в образе Сюндю. Раннее христианство причисляло Пана к бесовскому миру, именуя его «бесом полуденным», соблазняющим и пугающим людей. Хотя, конечно, в трактовке с точки зрения христианства «Synnyn stroastit» правильнее было бы перевести: Христовы страсти, т. е. страдания, во время Страстной Седмицы (неделя от Вербного Воскресенья до Пасхи). Но народной этимологии ближе первая версия перевода.

Таким образом, само слово Syndy сочетает в себе и древние языческие, и более поздние христианские элементы.

Именно вследствие, во-первых, многозначности слова «syndy», а во-вторых, из-за отсутствия прямого аналога среди рус-

ских мифологических образов следует оставить транслитерированный вариант перевода как единственно возможный. Хотя в теории перевода есть примеры, когда транслитерация абсолютно невозможна. Так, английское John the Baptist ни в коем случае нельзя перевести как Джон Баптист (а только Иоанн Креститель), так же, как Saint Virgin – не Святая Вирджиния, а Святая Дева.

Сложно найти достойный вариант для выражения «Synnup тоан айгу». По сути это, конечно, русские Святки, но с налетом большей архаики. И если перевести название именно так, исчезнут национальный колорит и глубинный ментальный смысл. А оставить описательный или буквальный перевод (время, когда земля принадлежит Сюдю; время земли (или мира) Сюдю) тоже вроде бы недопустимо.

При переводе названий духов-хозяев воды возникают иные трудности.

Пожалуй, самым архаичным названием можно считать *vezived'oi* (вода-водяница или вода-водица). Примечательно, что сохранилось оно только в записях, сделанных в районе Сямозерья и, по всей видимости, отражает те древние верования, когда человек обожествлял саму воду, и лишь позже произошло заселение ее духами-хозяевами. То есть изначально водой-водяницей называли саму воду, саму водную стихию, и лишь потом это название перенеслось на покровителя данного водного объекта. Этот образ ни в одной из фольклорных работ не встречался и вводится в научный оборот впервые, поэтому хотелось бы найти наиболее правильный вариант перевода.

Название *vedehine* (водяной) являлось самым распространенным в карельской мифологической прозе. Здесь сказывается влияние русской мифологической традиции. Равно как русское (и шире славянское) влияние прослеживается в единично встречающихся названиях *gusalka* и *vod'anik*. В том, что их так и следует

переводить на русский язык: водяной, русалка, водяник, сомнений не возникает.

В записях XX столетия практически не встречается *vein haltei* (водный дух, дух воды) и *näkki*, которые были широко распространены в финской и скандинавской мифологической прозе и, судя по исследованию Л. Симонсуури, достаточно активно бытовали и на территории современной Карелии.

В мифологической прозе достаточно редким является и *veinkunngas* (водный король, хотя у нас чаще переводили «водный царь»). На наш взгляд, здесь прослеживается скандинавское влияние, а само название больше характерно для карельских заговоров.

Подчас таинственных существ, живущих в воде, называют просто *vein eläjät* (водные жители), *vein neičyt, järven neičyt* (водная девушка, озерная девушка), *järven emäntä* (хозяйка озера).

Наиболее традиционными для Карелии названиями духов-покровителей воды являются *vein emändy* (хозяйка воды) и *vein ižändy* (хозяин воды), с небольшим количественным перевесом в пользу женской ипостаси, как и у многих финно-угорских народов. Еще М. Агрикола указывал, что у карел божеством воды, аналогичным все же шире распространенному у финнов Ахти, соответствует именно *Vedhen Emä*, то есть Мать Воды. Так, к примеру, «при знакомстве с религиозными верованиями мордвы, т. е. мордовским язычеством, обращает на себя внимание большое количество женских божеств. Наблюдается и иная особенность. Все божества-мужчины играют менее важную роль, чем их жены. В различных молитвах, рассказах, сказках, песнях главная роль отводится, как правило, женским божествам. Мужские упоминаются вскользь или вовсе не встречаются. Преобладание женских божеств исследователи объясняют тем, что верования в женские божества возникло, видимо, в эпоху материнско-родовой организа-

ции, характеризующей особой ролью женщины в тогдашней жизнедеятельности».

Одним из наиболее поздних названий, по-видимому, можно считать *vezi-syöttäi* (вода-кормилица). На нем уже лежит налет христианства, именно в христианской традиции к Богу обращались как *Hospodi-syöttäi*, то есть Господь-кормилец (если вспомнить, что по-вепски *söttäi* – это отец, то возможен перевод и Бог Отец).

Трудно сказать, меняет ли изменение названия отношение человека к водному существу или, наоборот, водного существа к человеку. Функции водных жителей также остаются одинаковыми вне зависимости от названия, они практически всегда одинаково опасны для людей. Хотя, конечно, больше почтения можно заметить в словах *vezi-syöttäizeni*, *vezi-ved'oi* или *vejen emänta*. А *näkki* (някки) – это, наоборот, почти всегда злобное, кровожадное существо. Именно его, т. к. нет соответствия в русском языке, я перевожу только транслитерированно.

Нет особой разницы и в названиях водных мифологических существ между южно- и северно-карельской традицией, кроме как присутствующего только в сямозерской традиции образа *vezi-ved'oi*. И ливвики мужских покровителей воды чаще называют *ižändät*, а северные карелы – *haltijät*. Первое мы решили перевести «хозяева», второе – «духи».

Некоторые трудности перевода возникают в таких случаях, когда говорится, к примеру: «*Vedehine nousi kivel*». Вроде бы единственно возможный вариант перевода: «Водяной поднялся на камень». Но потом оказывается, что подразумевается женский персонаж, с длинными волосами и грудью, и все глаголы, обозначающие действие в прошедшем времени, должны переводиться на русский язык в женском роде. А само слово «водяной» мужского рода, и соответствия женского рода в русском языке нет. Возника-

ет противоречие: «Vedehine sugi tukat da hyppäi vedeh» (Русалка расчесала волосы и прыгнула в воду). Карельский вариант не вызывает вопросов. С другой стороны, того, кого карелы называли vedehine, невозможно однозначно компенсировать русским словом «русалка». На наш взгляд, более аутентично звучит «хозяйка воды».

Есть проблемы и с переводом некоторых суффиксальных форм. Отличительной особенностью карельского фольклора является обилие существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Особенно ими изобилуют причитания и руны. К сожалению, переводчики не всегда учитывают эту тонкость. И в мифологической прозе встречаются такие названия, как *vezi-syöttäi+zeni*, *moa-emä-syöttäi+zeni*. Когда уменьшительно-ласкательный суффикс отсутствует, то перевод однозначен: вода-кормилица, мать-земля-кормилица. Но в русском языке нет слова «кормилица» с таким суффиксом, как в карельском *syöttäi+zeni*. Можно ли перенести этот суффикс на соседнее слово и перевести: водица-кормилица, земля-кормилица? Ответ далеко не очевиден.

Еще один корпус мифологических рассказов, который мы исследовали, отражает верования карел, связанные со стихией леса. Никакие другие духи-хозяева не имеют столько различных названий, как эти, что выявляет самые архаичные пласты менталитета, ярко сохранившиеся не только в обрядах и ритуалах, но и в языке. Это показывает, насколько в древности была табуирована данная сфера жизни, когда даже на произношении названия сакрального объекта или, как в данном случае, субъекта лежало строгое табу, а в языке находились необходимые соответствия. Но многообразие названий мифологических персонажей отражает не только архаичность верований, но и богатство самого языка.

Наиболее архаичные взгляды отражаются в тех быличках, где даже не говорится ни о каких лесных богах или духах-покровителях, а непосредственно олицетворяется сам лес (mečšu). Наиболее часто это встречается в сюжетах о том, как лес прячет людей и животных (mečšu peittau; mečän peitto).

В быличках, записанных во второй половине XX века, духов-хозяев леса чаще всего называют mečänižandy (хозяин леса). Это наименование полностью отражает основную функцию данного мифологического персонажа.

Аналогичное значение имеет менее распространенное на территории Карелии (характерно только у северных карел) и, напротив, наиболее часто употребляемое в Финляндии название mečänhaltie, которое переводится как «дух леса».

Есть сведения, что лешего называли и metsänhardii. Хотя здесь следует отметить, что вторая половина слова употребляется чаще всего в отношении хозяйки земли или хлева moanhardii, leävänhardii. «Hardie» переводится как «плечи», «верхняя часть спины», «верхушка». В данном случае «metsänhardii» можно перевести как «лесное верховное существо».

Также достаточно распространено название «meččähine» или «mettsähine» – «лесной», «леший». На наш взгляд, это наиболее позднее наименование для хозяев леса, которое как раз и соответствует русскому слову «леший» и самому образу лешего, каким он предстает в русской мифологии.

В быличках второй половины XX века хозяина в подавляющем большинстве случаев видели в мужском обличье. Поэтому наряду с mečän izandy распространен и термин «mesänmies» («лесной мужчина»).

В карельской мифологической прозе XX века практически не сохранилось быличек, в которых хозяева леса предстают в женском обличье. Поэтому очень редко встречается такое наименова-

ние, как *metsänemäntä* (хозяйка леса). Объяснение этому найти трудно, можно предположить, что это наиболее древнее наименование лесных духов, когда власть в роду переходила еще по материнской линии и верховная роль принадлежала женщине. К примеру, на территории Финляндии, где былички стали записывать еще с XVII века, сохранились сведения и о *metsänemäntä* (хозяйка леса), и о *metsänneito* (лесная дева), и о *metsänpiika*, *sinipiika*. Слово *piika* в финском языке имеет несколько значений, в том числе «девушка, девица» и «служанка, батрачка». Но финские исследователи трактуют эти названия чаще как лесная девушка, лесная нимфа, дриада.

В связи с последним примером следует упомянуть и такое название для хозяев леса, как *metsännenä* (лесной нос, лесное острие). Говорят: «*metsännenä tarttuu*» – «лесной нос пристанет». «Словарь карельского языка» дает такую трактовку: «*metsanhaltijan vihoittamisesta aiheutunut sairaus*» («болезнь, случившаяся от того, что прогневали хозяина леса»). То есть это одновременно название и болезни, и духа, его наславшего. Проявления у этого недуга разные. В Суоярви говорят: «*tyndähie da hardieda ku kivisteä, ga siul on gorä, metsännenä*» – «грудь и плечи если болят, то у тебя, бедняга, лесной нос». В Сямозере называли несколько иные признаки: «*metsännenä hyimoau, tuulennenä peän kivistäy*» – «лесной нос кружит, нос ветра – голова болит». В Суйстамо поясняли: «*metsännenä*» – «*kai pahaus, mi tulou metsas*» («все плохое» – «все недуги, что приходят из лесу»).

В южной Карелии духов леса называли и *metsänkuninkas* (король леса, царь леса), что подчеркивало их величие и являлось более поздним наименованием. Оно свойственно даже больше разговорам, чем мифологической прозе.

Еще одно интересное наименование, также из южной Карелии, указывает «Словарь карельского языка», которое мы больше нигде не встречали: «metsänrista». Дословный перевод: «лесной крест». Но в «Словаре карельского языка» Г. Макарова есть такое слово: «hengiristu», которое автор переводит как «ей богу». Отсюда напрашивается возможный вариант перевода «metsänrista» как «лесной бог». Интересно, что этот термин, судя по примерам, употреблялся только в тех случаях, когда говорилось о знахарях, об их общении с лесными духами. В Туломозере знахарей так и называли: «metsänristan lekuttajad oldih» – «были те, кто смел потревожить лесного бога». В Сямозере обвиняли лесного бога в том, что он сломал телегу: «onnoak om metsänristu sih käynyh pilloa loadimah... Mattsi pagizutti metsänristad» – «однако лесной бог побывал там, чтобы нанести ущерб... Матвей разговаривал с лесным богом».

Когда с проникновением христианского мировоззрения по-тусторонний мир для умершего человека, согласно идее воздаяния, разделился на рай и ад, а духи – на хороших и плохих, в понятиях началась полная путаница. Согласно библейскому учению, Бог – единственное творческое, позитивное начало, а все духи – это результат гнева Бога на падших ангелов во главе с самым прекрасным и любимым Люцифером. «И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый Дьяволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним». Карелу, который сначала обожествлял деревья и саму стихию леса, а потом населил его богами и духами, которым поклонялся и от которых, как считал он, зависит вся его удача и в скотоводстве, и в охоте, и при сборе грибов и ягод, трудно было принять то, что вдруг все эти лесные хозяева – его враги. Но постепенно христианская этика проникала все глубже, и настал момент, когда в одной и той же быличке духи, которых он недавно не

только боялся, но и которым поклонялся, вдруг стали одновременно называться и *mečänižändät* (хозяева леса), и *pahalaizet* (плохие, нечистые), и даже *karu, biessa* (черт, бес). Представление о недавних покровителях леса вдруг стало размываться, позитивная окраска стала сменяться негативной. Именно поэтому в последние десятилетия XX века, когда быличка как жанр еще очень активно бытовала среди карел, самым распространенным сюжетом стал сюжет о «*metsäpreitto*», о «лесной прятке, лесном укрытии», когда лес прячет домашний скот и людей чаще в ответ на ругательства или даже проклятие человека в их адрес. Вторым сюжетом, где нет никакого почитания, а есть только страх перед духами, является сюжет о так называемых «свадьбах», о том, как некие существа большими компаниями с песнями и плясками бродят в лесу. В этих рассказах духи тоже одновременно называются и хозяевами леса, и плохими (нечистыми), и чертями (бесами).

В Беломорской Карелии рассказывают, что «на земле черта (*piru*) или плохого (*paholaista*) не называют своим именем, только: лес (*metsä*), лесной (*metsähini*), лесной мужик (*metsämies*), бегущий по лесу (*metsänjuoksija*)». В быличке, нарушив все пространственно-временные границы, женщина попадает под гнев некоего мифического существа, которого называет то бесом, то водяным, то лешим. То есть все эти три понятия стоят в одной параллели в мифологических рассказах XX века.

Близко по значению к черту, бесу и такое название лешего, как *toispuoline* (другая половина, потусторонний).

На севере хозяина леса называли *vaaran juoksija* (бегущий по горам), тем самым подчеркивая его место обитания.

В одной из быличек лешего называют *pitkysormine* (длиннопалый), подчеркивая одну из особенностей его внешности.

Таким образом, большинство названий духов-хозяев мы переводим буквально, наиболее близко к оригиналу, учитывая прежде всего смысл названия, так как в русской мифологии нет полностью идентичных карельским наименований лесных персонажей. Быть может, иногда это происходит в ущерб художественности перевода. Но при этом надо учитывать, что переводы делаются для научного издания. В художественной литературе принципы перевода могут и должны быть иными.

Список литературы

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1997.

Karjalan kielen sanakirja. Osa 3. Helsinki, 1983.

Vienan kausa muistele. Helsinki, 1958.

Virtaranta P. Vienan kansa muistele. Helsinki, 1958.

Библия. Новый Завет. Откровение Иоанна Богослова. 12:9.

Конкка У. С. Поэзия печали. Петрозаводск, 1992.

Круглый год. Русский земледельческий календарь / Сост. А. Ф. Некрылова. М., 1991.

Мифы народов мира. М., 1988. Т. II.

Народы Поволжья и Приуралья. М., 2003.

Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991.

Словарь карельского языка / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

Фененко Н. А. Лингвокультурная адаптация текста при переводе: пределы возможного и допустимого // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001.

ПЕРЕВОДЫ ЕВАНГЕЛИЯ

НА КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

История переводов Евангелия на карельский язык до настоящего времени не стала предметом пристального внимания специалистов. Между тем переводы библейских текстов к началу XX века стали существенным фактором, способствовавшим как развитию грамматики карельского языка, так и росту национального самосознания. Ведь Евангелие, одна из великих книг современного мира, нередко становилось критерием качества языка. Если словарный запас позволяет изложить на нем евангельский текст, то, следовательно, язык обладает должной степенью зрелости. Начало великого дела перевода священных текстов на карельский язык связано с простой случайностью. В 1773 году к Новгородскому митрополиту прибыл кандидат на священническое место из Лопских погостов Повенецкого уезда. От будущего священника митрополит узнал, что «прихожане его (кандидата в священники. – М. П.) вовсе не понимают русского языка». Митрополит распорядился «заставить его перевести на олонецкий язык Символ православной веры, молитву Господню, Отче наш и краткое нравоучение христианское». После этого он созвал некоторых олонецких купцов, торгующих в Петербурге, «заставлял их читать перевод и требовал мнения, соответствовал ли он тому благому намерению?». После этого ставленник отправился домой, имея в своем распоряжении перевод «через хорошо знающих оба языка людей» (Письмо от неизвестного, 1894, 129).

Спонтанные действия новгородского митрополита стали первым этапом в изучении и использовании карельского языка в

повседневной богослужебной практике. Этому в значительной степени способствовали реальные потребности религиозной жизни: необходимость внесения ценностей и традиций православия в повседневную жизнь карел и в особенности – борьба против старообрядческого влияния. Интеллектуальные ресурсы церкви в этот период не были настолько значительными, чтобы подготовить соответствующее количество качественных переводов. Однако наличие конкурентов не могло не беспокоить церковные власти. Решение проблемы языкового барьера у противостоящих конфессий происходило по-разному: старообрядцы энергично осваивали карельский язык или знали его с детства, в то время как представители «господствующей» церкви делали первые робкие шаги в деле освоения «инородческих» языков. Можно сказать, что на Европейском Севере проявилась знакомая по другим частям Российской империи ситуация: «никто и не думал о необходимости для священников знать местные инородческие языки, или о желательности священников и учителей из среды самих инородцев» (Зеленин, 1902, 6).

Центральной духовной властью отсутствие необходимых для священнослужения книг было замечено в 1802 году, когда Святейший Синод распорядился перевести Катехизис и Символ веры, в числе прочих, на «олонецкий и корельский языки» (РГИА, ф. 796, оп. 84, д. 4, л. 78). В 1804 году Синод издал «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на корельский язык» в виде двух небольших брошюр с параллельными текстами на карельском и церковно-славянском языках (Баранцев, 1967, 92). В этом же году 800 экземпляров брошюры было отправлено в Новгородскую епархию «для роздачи оных обитающим в Новгородской епархии обращенным в веру греческого исповедания олонечким народам для лучшего их вразумления и понятия о богопочитании и истинном познании святости христианской веры» (НА РК,

ф. 25, оп. 16, д. 25/54, л. 2). Это было лишь первое незначительное достижение: книги, розданные местным жителям и духовенству, исчезли без следа. Духовная власть предполагала закрепить призрачный успех. Эти попытки не без оснований подвергались критике в публицистике начала XX века. Изучение данной проблемы показало, что «сам выбор книг для перевода был сделан неудачно. Чтобы заинтересовать крещеных инородцев христианством, тронуть их сердце, следовало выбрать, во всяком случае, не катехизис, а что-нибудь другое. Такая форма, как катехизис, изложенный в вопросно-ответной форме, в виде сухо-догматических рассуждений, не могла заинтересовать инородца даже и в том случае, если бы она и была переведена правильно на живой инородческий язык» (Прокопьев, 1904, 13).

Возникшие трудности в приобщении «инородцев» к православию и потребности в новых переводах ощущались повсеместно, затрагивая и Европейский Север России. В частности, этот вопрос поставил одних из ключевых чиновников Российской империи. В 1816 году обер-прокурор Синода князь А. Н. Голицын обратил внимание Новгородского митрополита Амвросия на необходимость обучения священников карельскому языку. «Нельзя ли, – говорилось в письме обер-прокурора, – отыскать ключ к олонецкому языку, который якобы близок в выговоре к финскому, и преподавать его в семинарии по правилам грамматическим, дабы тем доставить для олонцев пастырей, могущих проповедовать слово Божие на собственном их языке» (Отношение обер-прокурора, 1894, 130). Таким образом, необходимость в освоении карельского языка была осознана на самом высоком уровне. Деятельность ряда энтузиастов как из числа высших должностных лиц Российской империи (таких, например, как князь А. Н. Голицын), так и из среды белого духовенства в начале XIX века изменила существовав-

ший уклад религиозной жизни. Появились прецеденты, благодаря которым перевод Священного Писания на понятные для некрещеных «инородцев» языки народов России уже не казался кошунством и искажением слова Божьего (Ястребов, 1895, 31–32).

Для карельского языка этот труд имел чрезвычайное значение. Ведь «национальные языки почти всегда являются наполовину <...> вполне искусственными образованиями. <...> Обычно это результат попыток построить единый образцовый язык из множества реально существующих в живой речи вариантов» (Хобсбаум, 1998, 86). Эту непростую работу начали священники-энтузиасты. Им предстояло преодолеть еще одну преграду: глухое недовольство значительной части приходского духовенства, не желающего браться за непростую работу — изучение «инородческих» языков. В Олонецкой губернии в то время не существовало духовной семинарии. Ученик Новгородской духовной семинарии В. Сердцов представил Новгородскому и Санкт-Петербургскому митрополиту перевод Евангелия на карельский язык. Митрополит, в свою очередь, передал текст князю А. Н. Голицыну, который сообщил о новом переводе Комитету Библейского общества (НА РК, ф. 126, оп. 3, д. 1/13, л. 2), заинтересованному в публикации переводов текста Библии на доступном для населения империи языке.

В целом за время своей деятельности (1812–1821 гг.) Библейское общество «осуществило 129 изданий как полного текста Библии, так и отдельных ее частей на 29 языках» (Русское православие, 1989, 320). Казалось, что переводческая деятельность воспитанника Новгородской семинарии началась во вполне благоприятный для такого рода трудов момент. В этот период (в 1820 году) Российское Библейское общество издало Евангелие от Матфея в переводе на тверской диалект карельского языка (Макаров, 1963, 70–79). В 1821 году учитель Сольвычегодского духовного училища Александр Шергин перевел на «зырянский» язык Евангелие от

Матфея. Текст был опубликован в 1823 году (О переводах Священного Писания, 1915, 112). Казалось, что и выполненному в Новгороде переводу гарантирован успех. Комитет, одобрив труд, счел, тем не менее, «за нужное» узнать: «довольны ли будут олонецкие карелы таковым переводом на их наречие, также столь велико число людей, говорящих оным, и много ли из них разумеющих по-русски и знающих читать». Для ответа на все эти вопросы было решено передать текст «духовным лицам» в Олонецкую епархию (НА РК, ф. 126, оп. 3, д. 1/3, л. 2).

Петрозаводское духовное правление, получив текст, приказало местным священникам изучить его и вынести заключение о пригодности перевода для карельских приходов. Решение священников оказалось неблагоприятным: подготовленный новгородским семинаристом текст Евангелия был признан годным только для карел шести приходов Олонецкого и Петрозаводского уездов. Можно сказать, что это блестящий результат. В России в этот период очень часто оказывалось, что «переводы совершались не на народные инородческие языки, а на какую-то тарабарскую смесь этих языков» (Зеленин, 1902, 7). Но в Олонецкой епархии текст Евангелия в переводе Сердцова признали неудачным. Было заявлено, что на территории Петрозаводского уезда проживают такие карелы, у которых «язык корельский есть вовсе испорченный и неправильный, а иные хотя и понимают, но в другом смысле». Поскольку речь в данном случае шла об обитателях Шелтозерского, Шокшенского и Рыборецкого приходов, то можно с высокой долей уверенности говорить о том, что обладателями «испорченного карельского языка» были вепсы (НА РК, ф. 126, оп. 3, д. 1/3, л. 17). Для них новгородский перевод будет совершенно бесполезен.

Из-за позиции духовенства текст Сердцова не был опубликован. Это решение объясняется рядом причин. Во-первых, местное духовенство в своей массе не желало замечать острейшую проблему карельского языка, опираясь на многовековой опыт своих отцов-предшественников, которые вполне легко обходились и без такого рода познаний. Во-вторых, огромное многообразие диалектов карельского языка не внушало оптимизма: тексты, пригодные для одного прихода, оказывались бесполезными в соседнем. В-третьих, существовала, возможно, не до конца осознаваемая универсальная проблема, возникающая перед переводчиком священных текстов: в истории человечества «перевод Писания на новые языки нередко приводил не к распространению учения, а к его видоизменению» (Мечковская, 1998, 4). В истории карельского народа эта закономерность также проявилась. Изучив Евангелие по переведенным на финский язык книгам, ухтинские карелы отказались поклоняться кресту и иконам, соблюдать посты и пр., ссылаясь при этом на собственное понимание Священного Писания (Пулькин, 1997, 109–111).

Отчасти и поэтому местное духовенство не стремилось изучать язык местных жителей. Одним из редких исключений стала деятельность священника Горского прихода Петра Ивановича Гусева, который во время служения в своем приходе (приблизительно с 1813 по 1833 год) перевел Евангелие от Матфея на «олонецкий» диалект карельского языка. Этот уникальный случай приобрел широкую известность. Так, олонецкий губернатор А. И. Рыхлевский рекомендовал известному ученому А. М. Шегрену встретиться с Петром Ивановичем и воспользоваться его богатым опытом для новых лингвистических исследований. Такая встреча состоялась: Шегрен провел в Горском две недели, «совершенствуя с помощью священника П. И. Гусева свои познания в олонецком диалекте карельского языка» (Пашков,

2000, 27). Местные церковные власти явно догадывались, что переводы Евангелия продолжаются силами некоторых приходских священников. Духовное начальство никак не содействовало им, но пыталось воспользоваться плодами труда. Так, в 1830 году Олонецкая духовная консистория разослала во все подведомственные ей приходы распоряжение прислать сделанные священниками «из образованных» переводы Священного Писания и молитв на карельский язык. В дальнейшем предполагалось использовать эти тексты для языковой подготовки семинаристов (НА РК, ф. 25, оп. 16, д. 39/23, л. 4).

В 1829 году при Олонецкой духовной семинарии был открыт класс карельского языка, «употребляемого местными жителями края» (речь шла о ливвиковском диалекте) (Любецкий, 1879, 30). Длительное существование карельского класса стало заметным стимулом в изучении местного «наречия». Вероятно, именно для этих занятий преподаватель Петрозаводского духовного училища П. Шуйский подготовил хрестоматию на карельском языке. Предложенные Шуйским тексты, судя по указу Синода, рекомендовались для всех духовных учебных заведений, где преподается карельский язык, если «прежде отпечатания этой рукописи русский алфавит будет точнее приспособлен к выражению звуков карельского языка». Но ко времени одобрения рукописи П. Шуйский скончался, а чтение курса прекратилось в 1872 году (НА РК, ф. 25, оп. 2, д. 15/736, л. 17). Благодаря его трудам, впервые был поставлен вопрос о том, что для текстов на карельском языке необходим особый алфавит, отличающийся от русского. Примечательно, что и этот вопрос был поставлен по инициативе центрального органа власти – Святейшего правительствующего Синода.

Итоги предпринятых для распространения православия мер противоречивы и парадоксальны. В 1870-е годы использование

«инородческих языков» в богослужении вышло на первый план, стало обязательным критерием успешной миссионерской деятельности по всей России. Высочайшее одобрение получила концепция Н. И. Ильминского, который горячо призывал православных пастырей осваивать языки местного населения. Он, в частности, писал: «Религиозное движение сердца несравненно сильнее и глубже возбуждается, когда христианские истины слышатся инородцами на языке родном, нежели на русском, хотя бы последний был для них знаком в некоторой степени. Это потому, что родной язык непосредственно говорит и уму, и сердцу» (Знаменский, 1892, 204). Конкретные результаты переводческой деятельности первой половины XIX века оказались незначительными как по России в целом, так и на Европейском Севере. И это не удивительно. «Переводы, написанные таким неправильным и непонятным языком, конечно, не могли оказать большого влияния на инородческое население. Это доказывается тем фактом, что хотя эти переводы были изданы в тысячах экземпляров и в свое время бесплатно разосланы в инородческие приходы, однако теперь очень трудно встретить их среди инородцев» (Прокопьев, 1904, 19). Одного осознания важности дела оказалось недостаточно. Требовалась предельно тщательная, скрупулезная работа, направленная на подготовку кадров переводчиков, создание текстов проповедей, привязанных к конкретным диалектам карельского языка. Все эти усилия неизбежно должны были привести к подлинному расцвету переводческой деятельности.

В конце XIX века перевод Священного Писания на карельский язык стал более успешным делом. Причины этого заключались как в накопленном опыте переводческой деятельности, так и в появлении новой угрозы влиянию православия: финских проповедников, которые все чаще появлялись в карельских деревнях. Старая конкуренция между «господствующей церковью» и старо-

обрядцами также сохранялась, оставаясь существенным стимулом для переводческой деятельности. Все эти обстоятельства в совокупности привели к тому, что власти обратили внимание на энтузиастов-переводчиков Священного Писания и оказали им поддержку. Так, в Петербурге на русском и карельском языках был издан «Карельско-русский молитвенник для православных карелов», составленный Е. И. Тихановым, и «Начала христианского учения» А. Логиновского (1882). Современные исследователи высоко оценивают это издание: «В настоящее время молитвенник Тиханова считается лучшим по орфографии печатным изданием на одном из ливвиковских диалектов карельского языка, а именно на самозерском говоре» (Прибалтийско-финские народы России, 2003, 195). Эти труды стали важным подспорьем для священников, готовых проповедовать и вести богослужение на карельском языке. В 1895–1897 годах аналогичные усилия предпринял Архангельский епархиальный комитет православного миссионерского общества, выпустивший несколько духовных брошюр для карел Кемского уезда Архангельской губернии (Прибалтийско-финские народы России, 2003, 195). Эта работа была продолжена и в начале XX века. По данным отчета епархиального архиерея, при миссионерском обществе работал Переводческий комитет, основной заслугой которого стало издание Евангелия от Иоанна, переведенного на карельский язык священником Тунгудского прихода Архангельской епархии К. Дьячковым (РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1821, л. 72).

Характерной чертой этого этапа стало появление нового стимула для изучения языков. Помимо профессиональных требований, предъявляемых духовными властями к священникам, отныне появился внешний фактор. В Олонецкой и Архангельской епархиях в значительной степени этот процесс обуславливался

борьбой с панфинской, а начиная с 1905 года, с введением закона о веротерпимости, и лютеранской пропагандой (Дубровская, 1991, 55–64). В такой непростой для православного духовенства обстановке создавались документы, повествующие о взаимоотношениях между русскими священниками и прихожанами, слабо владеющими «российским наречием». Декларативное единство в вопросе о карельском языке было достигнуто лишь в начале XX века. В 1907 году священники Олонецкой епархии осознали необходимость изучения карельского языка и использования знаний в пастырской деятельности. Об этом свидетельствуют постановления миссионерского съезда духовенства, проходившего в дер. Видлицы. Обсуждая программу усиления преподавания в приходах церковнославянского языка, священники отмечали: «Желательно было бы, чтобы в карельских местностях богослужение совершалось поочередно то на церковно-славянском (для русского населения), то на карельском языке. <...> При этом желательно, чтобы богослужение для карел совершалось непременно на карельском языке». Финский язык, напротив, использовать не рекомендовалось, «так как последнее еще более будет способствовать офинению и олютераниванию карел. Наоборот, богослужение на родном карельском языке будет возбуждать в карелах симпатию к православному богослужению и православному духовенству» (Видлицкий пастырско-миссионерский съезд, 1907, 445).

В начале XX века ситуация радикально изменилась: церковники Олонецкой и Архангельской епархий обязались освоить карельский язык. Причиной столь решительного изменения их позиции стала мнимая угроза распространения среди карел панфинских настроений. При этом обвинения в адрес финнов представлялись современникам этих событий до крайности надуманными, преднамеренно раздутыми местными деятелями, преследующими какие-то собственные интересы (Pulkin, 2004, 201–207). И все же

панфинская пропаганда сделала свое дело: она радикально изменила приоритеты в религиозной жизни Карелии. Служители церкви рьяно взялись за изучение карельского языка. Заметим, что эта идея пришла им в головы лишь в период широкого распространения двуязычия среди карел. Вероятнее всего, немаловажную роль здесь сыграло стремление повысить престиж православного духовенства в глазах местного населения, для которого Финляндия становилась все более привлекательным образцом для подражания (К съезду русских деятелей в Кемь, 1907, 757). Аналогичной точки зрения придерживались депутаты съезда представителей Архангельской и Финляндской епархий, состоявшегося в селе Ухте 10–13 декабря 1906 года. В материалах съезда указывалось: «Съезд признает безусловно необходимым совершать требы и богослужение на карельско-финском языке, вводя его постепенно и настолько, насколько оно вызывается действительными духовными нуждами пасомых». Богослужение предполагалось совершать на основе литературы, переведенной на финский язык по благословению Синода, «но с тем, чтобы совершители богослужения применялись к местным говорам». Реализовать это решение оказалось непросто: в начале XX века епархиальная печать продолжала констатировать, что священники прибегают к помощи переводчика «даже в пустышных делах» (Лютеранский поход в Карелию, 1906, 655).

Из данных начала XX века вырисовывается довольно благоприятная картина дальнейшего интенсивного развития «инородческих» языков и их использования в богослужбном обиходе. При этом формировались грамматические правила, обогащался словарный запас, по сути дела, «с нуля» создавалась национальная интеллигенция. В конечном итоге повышался статус «инородческих» языков. Ведь «степень использования в издательском деле является индикатором тех условий», которые язык имеет для сво-

его функционирования как литературного языка (Лаллукка, 1997, 216). Судя по публикациям в епархиальной периодической печати, процесс перевода отдельных фрагментов Евангелия продолжался благодаря усилиям отдельных энтузиастов из числа священников, свободно владеющих «инородческими» языками. В 1907 году опубликовано Пасхальное Евангелие, переведенное «природным кареляком», дьяконом Уножского прихода Стефаном Троицким (Троицкий, 1907, 164). В этом же году псаломщик Кондоковского прихода Иван Никутьев «адаптировал к особенностям местного (карельского. – М. П.) говора Евангелие от Марка и некоторые поучения» (Илюха, 2000, 76). С 1902 по 1917 год, находясь на должности миссионера, священник П. А. Преображенский переводил на карельский язык наиболее популярные молитвы и все четыре Евангелия. «Евангельские переводы и азбука, составленные им, были изданы архангельским миссионерским комитетом, который опубликовал также "Священную историю для карелов"» (Дубровская, 2000, 91).

Аналогичные труды осуществлялись во многих епархиях России. При этом религиозная тематика оставалась преобладающей, но «в результате стремлений православного миссионерского движения к языковой стандартизации в некотором количестве печатались и светская литература, буквари, учебники и т. п.» (Лаллукка, 1997, 198). Так, созданная в Казанской епархии Переводческая комиссия организовала перевод богослужебных книг на 20 языков, а «самое количество сделанных Комиссиею изданий и переводов на инородческие языки простиралось в 1899 г. до 1 599 385 экземпляров» (Смирнов, 1904, 50). Сходная деятельность началась в Архангельской, Вятской, Оренбургской, Самарской, Саратовской, Уфимской епархиях (Смирнов, 1904, 53). Не всегда переводы оказывались удачными. Так, в 1910 году в земской печати Олонецкой губернии появилась статья крестьянина Антропова,

который лично знакомился с одним из священных текстов на карельском языке. Крестьянин вспоминал: «Священник давал читать на карельском языке краткую священную историю. И тяжелее и непонятнее этого занятия ничего не было в школе. Тяжелее потому, что русские буквы не могут правильно обозначить произношения многих карельских слов... Непонятнее потому, что книги были переведены на олонецкое наречие, т. е. как говорят в Олонецком уезде» (Антропов, 1910, 5).

Несмотря на все трудности и недостатки, миссионерская политика православной церкви приводила к формированию религиозной интеллигенции из числа «инородцев». Включившись в процесс распространения духовных ценностей православия, церковники способствовали росту национального самосознания в «инородческой» среде. Конечно, православное духовенство постоянно демонстрировало лояльность престолу, оно не могло возглавить национальные движения, как это произошло среди исламских народов России (Каппелер, 1999, 104). И все же благодаря его деятельности преодолевался, несомненно, существующий в сознании многих российских граждан «барьер "бытового" статуса языков восточно-финских народов» (Калинин, 2000, 88). Совершенно очевидной представляется особая роль церковников во взаимоотношениях русских и «инородцев» Европейского Севера России. Духовенство осуществляло собственный вариант русификации, главная роль в котором отводилась не распространению русского языка в ущерб языкам местного населения, а внедрению ценностей православия в повседневную жизнь «инородцев» (Пулькин, 2005, 107–127).

Список литературы

Антропов Ф. Нечто о карельском языке и народных чтениях в Кареле // Вестник Олонецкого губернского земства. 1910. № 24. С. 5–6.

Баранцев А. П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. М., 1967. С. 92.

Видлицкий пастырско-миссионерский съезд // Олонецкие епархиальные ведомости. 1907. № 17. С. 444–447.

Дубровская Е. Ю. Карелия начала XX в. глазами православного духовенства // Православие в Карелии: Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2000. С. 90–93.

Дубровская Е. Ю. Противоборство панфиннизма и русского великодержавного шовинизма в Карелии (по материалам источников конца XIX – начала XX в.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 55–64.

Зеленин Д. Н. И. Ильминский и просвещение инородцев (К 10-летию со дня смерти Н. И. Ильминского). СПб., 1902.

Знаменский П. Н. На память о Н. И. Ильминском. Казань, 1892.

Илюха О. П. Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 76.

К съезду русских деятелей в г. Кеми Архангельской губернии // Архангельские епархиальные ведомости. 1907. № 22. С. 756–758.

Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. М., 2000.

Каттелер А. Национальные движения и национальная политика в Российской империи: опыт систематизации (XIX век – 1917 год) // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 104.

Лаллукка С. Восточно-финские народы России. Анализ этнодемографических процессов. СПб., 1997.

Любецкий Д. Историческая записка об Олонецкой духовной семинарии за минувшее 50-летие (1829–1879 гг.) // Пятидесятилетний юбилей Олонецкой духовной семинарии. Петрозаводск, 1879. С. 30.

Лютеранский поход в Карелию // Архангельские епархиальные ведомости. 1906. С. 654–657.

Макаров Г. Н. О переводном памятнике карельского языка 20-х гг. прошлого века // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. 1963. Вып. 39. С. 70–79.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по философии и истории религий. М., 1998.

О переводах Священного Писания // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Т. 1. СПб., 1915. С. 112–113.

Отношение обер-прокурора св. Синода, князя А. Н. Голицына, к Новгородскому митрополиту Амвросию, от 14 февраля 1916 года, о необходимости обучать священников-ставленников в Лопские погосты – карельскому языку // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 130–134.

Панфинская пропаганда в Русской Карелии. СПб., 1907.

Пашков А. М. Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи. Петрозаводск, 2000. Т. 1.

Письмо от неизвестного, из города Кинешмы, к обер-прокурору св. Синода, князю А. Н. Голицыну, – о необходимости перевести на олонецкий язык катехизис и другие религиозно-нравственные книги // Олонецкий сборник. 1894. Вып. 3. С. 125–129.

Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.

Прокопьев К. Переводы христианских книг на инородческие языки в первой половине XIX в. (исторический очерк). Казань, 1904.

Пулькин М. В. Деятельность секты «ушковайзет» («ойкийе криститту») в Ухтинском приходе в конце XIX в. (по материалам епархиальной печати) // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Петрозаводск, 1997. С. 109–111.

Пулькин М. В. Три образа русификации в Карелии // Вестник Евразии. Независимый научный журнал. 2005. № 3 (29). С. 107–127.

Pulkin M. V. The Finlandisation of Karelia and the Russification of Finland as Reflected in the Russian Press at the Beginning of the 20th Century // Narva und die Ostseeregion. Papers Presented at the II International Conference on Political and Cultural Relations between Russia and the Baltic Region States. Narva, 2004. P. 201–207.

Русское православие: веки истории. М., 1989.

Смирнов Е. К. Очерк исторического развития и современного состояния русской православной миссии. СПб., 1904.

Троицкий С. Пасхальное Евангелие на корельском языке // ОЕВ. 1907. № 6. С. 164–165.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.

Ястребов И. Вопрос об устройстве и организации образовательных заведений для приготовления православных благовестников // Православный благовестник. 1895. № 1. С. 31–42.

**ПЕРЕВОД ЛЕКСИКИ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ
КОМПОНЕНТОМ ЗНАЧЕНИЯ
В ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОМ СЛОВАРЕ**

Для успешного изучения иностранного языка обучаемому необходимы учебники, учебные пособия, различные словари, аудио- и видеоматериалы на иностранном языке, научно-популярные издания, посвященные культуре, истории, традициям страны изучаемого языка, произведения художественной литературы на иностранном языке, справочники, энциклопедии и т. д. В последние годы при обучении иностранному языку стали использовать специальные лингвострановедческие словари. Причиной появления этого типа словарей явилось осознание того, насколько важна связь культуры и языка. Одним из первых лингвострановедческих словарей, появившихся в нашей стране, является англо-русский словарь «Великобритания: Лингвострановедческий словарь», изданный в 1978 году. Над составлением этого словаря работали британский лексикограф Андриан Рум и российские ученые-лингвисты. В настоящее время выпущено переработанное издание этого словаря (Рум, 2000), появились новые лингвострановедческие словари, в том числе по другим языкам и странам: «США: Лингвострановедческий словарь» (Томахин, 2001); «Краткий англо-русский лингвострановедческий словарь: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия» (Ощепкова, Шустилова, 2000); «Американа = Americana: англо-русский лингвострановедческий словарь слов» (Беляков, 1997); «Германия: страна и язык» (Мальцева, 2001); «Австрия: Лингвострановедческий словарь» (Муравлева, 1997); «Индия: Лингвострановедческий словарь» (Ульциферов, 2003); «Россия: Большой лингвострановедче-

ский словарь» (Борисенко, 2007) и др. Предпринимаются попытки создания компьютерных лингвострановедческих словарей. К сожалению, мы не обладаем информацией о существовании подобных лингвострановедческих словарей по Финляндии. Сама идея лингвострановедческого словаря основана на необходимости достижения взаимопонимания в процессе межкультурной коммуникации. Межкультурное общение предполагает не только речевые навыки и умения собеседников, но и наличие у них общего объема экстралингвистических знаний. Целью лингвострановедческого словаря является предоставление иностранцу фоновых знаний, т. е. тех социокультурных сведений, которые известны всем членам национальной общности и отражены в национальном языке. Это означает, что в словаре должны быть представлены языковые единицы, содержащие в своем значении компонент, восходящий к истории, религии, фольклору, к культуре страны. Эти номинативные единицы называются лексикой с национально-культурным компонентом семантики.

Согласно Г. Д. Томахину, к лексике с национально-культурным компонентом семантики относятся реалии – названия присущих только данному народу предметов материальной и духовной культуры (Томахин, 2001, 6). На сегодняшний день в лингвистической литературе нет однозначной трактовки термина «реалия». В лингвострановедении под реалиями понимаются слова и словосочетания, называющие предметы и явления, связанные с историей, культурой, бытом другой страны. Более точное определение реалий принадлежит С. Влахову и С. Флорину: «Реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не

имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода» (Влахов, Флорин, 1986, 44). Реалии чаще всего материализуются в безэквивалентной и фоновой лексике. Под безэквивалентной лексикой понимают лексические единицы, не имеющие понятийных соответствий в сопоставляемых языках, ввиду отсутствия самих обозначаемых предметов. Примерами безэквивалентной лексики в русском языке являются такие британцизмы, как паб, фэйф-о-клок; американизмы: янки, импичмент, кампус и др. Фоновая лексика представляет собой слова, имеющие эквиваленты в другом языке, но различающиеся лексическими фонами. Лексический фон представляет собой совокупность некоторых непосредственно сопряженных со словами значений, общих для всех носителей данного языка и культуры. Например, student – студент колледжа и университета, ученик старших классов школы в США (ср.: студент – учащийся вуза). Основу лексического фона составляют национально-культурные ассоциации. Например – г. Бостон, столица и крупнейший город штата Массачусетс, ассоциируется с «отцами-пилигримами», высадившимися с корабля у Плимутской скалы и основавшими колонию; с началом войны за независимость («Бостонским чаепитием», Бостонским кровопролитием Пола Ривера, первой стычкой с английскими войсками, со снобизмом бостонского высшего общества, с наиболее престижными учебными заведениями США – Гарвардским университетом, Массачусетским технологическим институтом и т. д. (Томахин, 2001, 67–69). К лексическим единицам, обладающим национально-культурной семантикой, относят и коннотативную лексику, т. е. слова, совпадающие по денотату, но имеющие по своим культурно-историческим ассоциациям отличия оценочного характера, с выражением эмоционального отношения. Например, penny – пенни, одноцентовая монета, ассоциируется с удачей и счастьем, со

счастливой монеткой (a lucky penny) нельзя расставаться. Однако выделение таких слов представляет определенную трудность, поскольку уловить все ассоциации, связанные с той или иной лексической единицей, достаточно сложно, коннотации не существуют отдельно от значения слова, образуют дополнительные смысловые оттенки. Коннотация является частью лексического фона слова, поэтому коннотативные слова часто являются фоновыми, однако не все фоновые слова – коннотативные.

Реалии обычно распределяют по тематическим группам, однако единой классификации не существует. Так, Г. Д. Томахин выделяет следующие тематические группы реалий: топонимы, антропонимы, этнографические реалии (одежда, обувь, пища, бытовые заведения, обычаи, традиции и т. д.), общественно-политические реалии, реалии системы образования и воспитания, реалии культуры (литература, кино, изобразительное искусство и т. д.) (Томахин, 1997, 14). Более полную классификацию представляет В. С. Виноградов, включая в классификацию также ассоциативные реалии (анималистические символы, цветовая символика и т. д.) (Виноградов, 2004, 62). Различные подходы к классификации реалий повлияли на принципы отбора лексики с национально-культурным компонентом семантики в лингвострановедческие словари. Так, словарь «Великобритания» (сост. А. Рум) содержит в основном исторические реалии, безэквивалентную и ономастическую лексику (Рум, 2000). В словаре «США» (сост. Г. Д. Томахин) кроме безэквивалентной и ономастической лексики представлено определенное количество фоновой и коннотативной лексики (Томахин, 2001).

В лингвострановедческом словаре представлен перевод реалий. Ознакомившись с различными классификациями перевода, мы можем выделить вслед за Г. Д. Томахиным несколько способов

перевода иноязычных реалий: транслитерация / транскрипция, калькирование, описательный, разъяснительный перевод или приближенный (приблизительный) перевод (при помощи аналога) (Томахин, 2001, 9).

1. Транслитерация. Транскрипция. При транслитерации передается средствами переводящего языка (ПЯ) графическая форма слова иностранного языка (ИЯ), а при транскрипции – его звуковая форма. Эти способы часто применяются при передаче иноязычных имен собственных, географических наименований, названий разного рода компаний, фирм, газет, журналов и т. д.

Lincoln – Линкольн (транслитерация), **drugstore** – драгстор (транскрипция);

pirana – пирана, **setsuuri** – сецуури.

Достоинством этого способа является надежность. Транслитерируя слово, обозначающее новое, малознакомое явление, переводчик передает лишь его «звуковую оболочку». Содержательная сторона слова раскрывается только через контекст. Тем самым переводчик избегает толкования нового понятия, а также связанного с этим риска неверной его интерпретации. Недостатком является то, что механическая передача безэквивалентного слова не способна достаточно полно раскрыть содержание понятия, которое может остаться либо вообще нераскрытым для многих читателей текста, либо будет лишь приблизительно понятно из контекста. Этот недостаток компенсируется примечаниями переводчика, помещаемыми в скобках или выносимыми в сноски, и соответствующим контекстом.

2. Калькирование – передача иноязычных реалий при помощи замены ее составных частей – морфем или слов их прямыми лексическими соответствиями в ПЯ.

corn chip – кукурузная лепешка;

lanttulaatikko – брюквенная запеканка, **maksamakkar** –

печеночная колбаса.

Степень раскрытия описываемого явления зависит от того, насколько лексическая единица ИЯ сама отражает суть этого явления. Данный способ позволяет перенести в ПЯ реалию при максимально полном сохранении семантики, но не всегда без утраты колорита. В необходимых случаях может быть использовано разъяснение в скобках.

3. Описательный («разъяснительный», перифрастический, дескриптивный) перевод. Этот способ заключается в раскрытии значения лексической единицы ИЯ при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления.

coroner – следователь, производящий дознание в случае насильственной или скоропостижной смерти;

pirana – густая смесь, приготовленная из свинины, ячменной крупы или муки, бобов, гороха, брюквы, репы и картофеля, заправленная сливочным маслом и солью.

Достоинством является наиболее полное раскрытие сути описываемого явления. Недостатком является громоздкость. С помощью громоздкого словосочетания трудно выделить соответствующее явление действительности из ряда других явлений и закрепить его в сознании носителей ПЯ как понятие. В отличие от других способов перевода, носящих механический характер, описательный перевод требует от переводчика глубокого проникновения в суть описываемых явлений, глубокого знания реалий.

4. Приближенный перевод (уподобление, функциональный аналог) заключается в подыскании ближайшего по значению соответствия в ПЯ для лексической единицы ИЯ, не имеющей в ПЯ точных соответствий. Такого рода приблизительные эквиваленты лексических единиц можно назвать «аналогами».

drugstore – аптека;

syltty – финский студень, **tippaleipä** – финский хворост.

Достоинством способа является доходчивость. Получатель перевода имеет дело с привычными, хорошо ему знакомыми понятиями. Если предмет или понятие, обозначенные словом подлинника, мало чем отличаются от предмета или понятия, обозначаемого соответствующим словом в переводе, если с ним самим не связаны никакие специфически местные признаки, то передача смысла в условиях контекста может оказаться исчерпывающей. С другой стороны, слово, имеющее непосредственную связь со специфическими фактами из жизни той страны, на язык которой делается перевод, не может быть полноценным образом использовано для передачи реального понятия из жизни другой страны и народа. Таким образом, пользоваться приближенным переводом нужно осторожно. Прибегая к приближенному переводу, переводчик очень хорошо должен знать суть описываемого явления, учитывать контекст, функцию текста, и, исходя из этого, решить, допустимы ли те отклонения в содержании, которые неизбежно связаны с данным видом перевода.

Согласно автору словаря «США» Г. Д. Томахину, он чаще всего прибегал к описательному способу, т. к. в лингвострановедческих словарях реалии, как правило, требуют специальных пояснений. Данный способ перевода имеет то преимущество, что исключает неполное понимание, присущее транслитерации и калькированию, но недостаток заключается в том, что реалия переводится не аналогичной по структуре единицей другого языка, а пространным описанием (Томахин, 2001, 9).

Таким образом, лингвострановедческий словарь не является механическим соединением двуязычного словаря и энциклопедии. Согласно Г. Д. Томахину, в лингвострановедческий словарь необходимо не только подобрать эквиваленты перевода, но и раскрыть

национально-культурную семантику слова, описать его лексический фон, т. е. дать словарное отражение всего комплекса сведений, сопряженных с этим словом (и обозначаемым им предметом или явлением) в массовом обыденном сознании носителей языка и, как правило, неизвестных за пределами данной культуры (Томахин, 2001, 7). Лингвострановедческий словарь построен по алфавитной системе, при составлении его использовался тематический принцип выявления лексических единиц с ярко выраженной национально-культурной семантикой. Словарь Г. Д. Томахина включает: общественно-политические реалии; реалии системы образования, религии и культуры; реалии быта и сферы услуг; реалии, относящиеся к рутинному поведению и речевому этикету; географические названия; американизмы из области физической географии, флоры и фауны. Словарная статья включает заглавное слово, его произношение в знаках международной фонетической транскрипции, стилистическую или функционально-стилистическую помету, перевод слова на русский язык, пояснение к переводу. В конце статьи даны сведения этимологического характера, в ряде случаев даются буквальный перевод слова и дополнительная информация, способствующая более полному пониманию смысловых особенностей заглавного слова или словосочетания. Можно привести примеры некоторых словарных статей лингвострановедческого словаря Г. Д. Томахина:

After Eight – «Афтер эйт», «После восьми», фирменное назв. плоской, квадратной формы, мягкой, покрытой шоколадом мятной таблетки (обычно ею пользуются по окончании официальных обедов, завтраков и т. п.) (Томахин, 2001, 21);

apple-pie – яблочный пирог. Был известен задолго до переселения колонистов в Америку, но здесь он стал поистине национальным блюдом, войдя в поговорку «Нет ничего более американ-

ского, чем яблочный пирог» ('There is nothing more American than an apple pie');. В каждом городе пирог делается по-своему, и все же нигде не теряет своих главных особенностей: выпекается из тонкого слоя несколько жидковатого теста, всегда округлой формы, подается на стол разрезанным на восемь частей, едят пирог чайной ложкой (Томахин, 2001, 36).

Интерес к лингвострановедению и отсутствие лингвострановедческих словарей по Финляндии привели к попыткам составления лингвострановедческих словников студентами финско-английского отделения ФИЯ КГПА. В прошлом учебном году был написан ряд дипломных работ, практической целью которых было составление лингвострановедческого словника по примеру имеющихся лингвострановедческих словарей по другим языкам и странам. Хотелось бы отметить дипломную работу Е. В. Сидоровой по теме: «**Описание реалий финской национальной кухни в лингвострановедческом аспекте**» (Сидорова, 2009). В практической части данной дипломной работы было описано 38 реалий финской национальной кухни. Для систематизации описания реалий они были классифицированы по порядку их приема как первые блюда (10), вторые блюда (13), закуски (4), выпечка (8) и напитки (3). Для описания реалий были использованы сведения финских толковых словарей, кулинарные справочники, ресурсы Интернета и т. д. Для подбора наиболее точных эквивалентов перевода реалии финской кухни были сопоставлены с реалиями русской кухни, в результате чего они были отнесены к безэквивалентной или фоновой лексике в зависимости от полного или частичного несовпадения их лексических фонев. В результате рассмотрения реалий было выявлено, что из 38 рассмотренных лексических единиц 20 лексем относятся к безэквивалентной лексике (53%), а 18 – к фоновой лексике (47%).

Процесс семантизации и перевода лексической единицы

осуществлялся в определенном порядке и проходил в несколько этапов. Рассмотрим это на примере работы с лексической единицей «hernepalkomuhennos».

1. Рецепт блюда «hernepalkomuhennos»:

Гороховые стручки кладут в кипящую воду. Когда стручки становятся мягкими, в отдельной посуде готовят смесь из сливочного масла и пшеничной муки с добавлением кипящего отвара из стручков. Полученную смесь выливают в кастрюлю со стручками, дают вскипеть. Посыпают сахаром. Едят с мясом или рыбой.

2. Поиск соответствий в русской кухне.

При нахождении аналогов данного блюда в русской кухне следует проверить, есть ли эквивалент в двуязычном словаре. Двуязычный словарь дает 2 варианта перевода лексемы 'muhennos'. Первый из них – рагу. Кулинарный словарь дает: *1) Рагу – блюдо из мелких кусочков бараньей или телячьей грудинки и мяса лопатки, вначале обжаренное в масле, затем заколерованное в глубокой латке в духовке и, наконец, тушенное вместе с луком, морковью, репой в соусе из мясного сока и муки. Настоящее рагу готовится только из молодого мяса.*

Данный эквивалент не подходит, потому что рагу является мясным блюдом; мясо обжаривается, колеруется, потом тушится.

Второй вариант перевода – тушеное блюдо. Кулинарный словарь определяет тушеное блюдо таким образом:

2) Тушеное блюдо

Для тушения продукт (мясо или овощи) нарезается кусочками, которые вначале обжариваются на сильном огне до образования корочки, а затем помещаются в смесь воды и масла, на котором они жарились, и медленно нагреваются под крышкой до полного или частичного выпаривания воды.

Данный эквивалент также не подходит, так как ингредиенты финского блюда не обжариваются.

Вследствие отсутствия подходящих эквивалентов в словаре студентка самостоятельно искала соответствие по кулинарному справочнику. На ее взгляд, овощной суп-пюре может соответствовать финскому блюду.

3) Овощной суп-пюре (варят из одного или нескольких видов овощей);

суп-пюре из круп и бобовых (варят из риса или перловой крупы, из фасоли или гороха).

Продукты, используемые для приготовления супа-пюре, после их варки протирают сквозь сито, многократно пропускают через мясорубку или измельчают с помощью миксера. К супу-пюре подают гренки из пшеничного хлеба или пирожки.

Данное соответствие не приемлемо, так как ингредиенты финского блюда не протирают и не измельчают после тушения.

Следует обратить внимание на то, что рассматриваемое блюдо подают к рыбе или мясу, значит, оно является гарниром. Необходимо проверить, какую информацию дает кулинарный словарь по поводу гарнира.

4) Гарнир – блюдо из крупы или овощей, служащее дополнением к основному блюду, то есть к рыбе или мясу. В виде гарнира часто выступают картофель, рис, тушеные овощи.

Данный эквивалент является наиболее подходящим. Теперь остается только описать, что это за гарнир, из чего он состоит.

Таким образом, можно определить, что данная единица относится к безэквивалентной лексике, т. к. для русской кухни не характерно приготовление гарниров, состоящих одновременно из муки и овощей.

3. Наиболее подходящими способами перевода данной реалии являются следующие:

Транслитерированный перевод: хэрнэпалкомухэннос (преимущество транслитерированного перевода заключается в том, что он способствует сохранению национального колорита лексической единицы; недостаток его состоит в том, что значение лексической единицы без дополнительных пояснений остается для читателя непонятным).

Приблизженный перевод: гарнир из гороховых стручков (преимуществом является то, что эквивалентом удобно оперировать в речи, так как, во-первых, он представляет собой сжатую лексическую конструкцию, а во-вторых, он близок и понятен читателю по своему фонетическому и грамматическому оформлению).

Описательный перевод: гарнир, приготовленный из разваренных гороховых стручков, заваренной на отваре пшеничной муки, приправленный сливочным маслом и сахаром (преимущество заключается в том, что суть реалии раскрыта наиболее полно; недостаток заключается в громоздкости: с помощью громоздкого словосочетания трудно выделить соответствующее явление действительности из ряда других явлений и закрепить его как понятие в сознании носителей принимающего языка).

5. Окончательный вариант (словарная статья):

Hernepalkomuhennos – [хэрнэпалкомухэннос] гарнир из гороховых стручков (гарнир, приготовленный из разваренных гороховых стручков и заваренной на бульоне пшеничной муки, приправленный сливочным маслом и сахаром).

Для перевода реалий финской национальной кухни были использованы следующие способы: транслитерированный – для передачи национального колорита описываемой реалии, калькированный – для передачи ассоциаций носителей языка, связанных с

этой реалией, приближенный – для представления понятного эквивалента в виде сжатой лексической конструкции, близкой пользователю словарем по своему фонетическому и грамматическому оформлению, и описательный – для наиболее полного раскрытия сути описываемой реалии и ее функционирования в языке-оригинале. Все реалии были переведены с помощью транслитерированного и описательного способов перевода. Более половины реалий были переведены также калькированием и/или приближенным способом перевода. Если калькированный перевод раскрывал суть реалии достаточно ясно, то в приближенном переводе необходимости не было (напр., *lanttulaatikko* – ланттулаатикко – брюквенная запеканка; *maksamakkar* – максимаккара – печеночная колбаса). Если калькированный перевод мог ввести в заблуждение, вызывая ложные ассоциации, то в этом случае также был сделан и приближенный перевод (напр., *horeatee* [хопэатээ] – серебряный чай – молочный напиток; *lipëäkala* [липэякала] – щелочная рыба – вяленая рыба, вымоченная в щелоке). Некоторые реалии, материализованные в безэквивалентной лексике, возможно перевести только с помощью транслитерированного и описательного перевода (напр., *mämmi* [мямми] – сладкое пасхальное блюдо, приготовленное в берестянке из солода, ржаной муки и воды, напоминающее по своей консистенции кашу. Полностью сладкие, содержащие солод мямми были распространены вначале только в западной Финляндии. На востоке готовили кисло-сладкие мямми из муки, которые слегка заквашивали. В старину таким же образом называли кашу из ржаной муки, из которой делали квас и домашнее пиво, а также кровяную запеканку, приготовленную из муки и крови). Поскольку каждый способ перевода имеет свои преимущества и недостатки, реалии были переведены всеми возможными способами, что позволило раскрыть их суть наиболее полно. В дипломной работе приводится и соотношение способов перевода

реалий финской национальной кухни: описательный – 32%, транслитерированный – 32%, приближенный – 20%, калькированный – 16%.

Полученное описание реалий было использовано для составления лингвострановедческого словаря, включающего как безэквивалентную, так и фоновую лексику с целью предоставить информацию о блюдах, неизвестных русской кухне, и о блюдах, имеющих аналоги в русской кухне, но обладающих своими национальными особенностями. Можно привести некоторые примеры из лингвострановедческого словаря «Блюда финской национальной кухни», составленного Е. В. Сидоровой. Словарь является приложением к дипломной работе. Для оформления словарной статьи она использовала лингвострановедческий словарь В. В. Ощепковой, в котором представлены: лексическая единица [транскрипция], русское соответствие (страноведческий комментарий), <буквальный перевод> (Ощепкова, Петриковская, 1998).

Hoppeatee – [хопеатээ] молочный напиток (напиток, приготовляемый путем смешения сливок, сахара и кипяченой воды) <букв. серебряный чай>.

Kaljakeitto – [кальякэйтто] молочно-квасной суп (суп, приготовленный из молока и кваса, заправленный пшеничной мукой, который подают горячим) <букв. квасной суп>.

Kaljavelli – [кальявэлли] мучной суп на квасе (мучной суп, приготовленный из ячменной муки и вымоченного изюма на квасе и воде, приправленный патокой и солью, в который добавлены кусочки сыра).

Если блюдо было традиционным для определенной территории Финляндии или было связано с праздниками и историей страны и т. д., то отмечалось в словарной статье.

Kalakukko – [калакукко] рыбный пирог (закрытое выпечное изделие, приготовленное из пресного ржаного теста, в качестве

начинки которого используются рыба и сало, являющееся традиционным блюдом провинций Саво и Северной Карелии; изначально данное изделие использовалось в качестве провизии: его брали с собой в дальнюю дорогу или на работу).

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что лингвострановедческий словарь – особый тип словаря. «Для лингвострановедческого словаря, в отличие от обычного переводного, характерны принципиально иная основа отбора словника и иное толкование исходного слова. В нем не только подобраны эквиваленты перевода (что достаточно для переводного словаря), но и раскрывается национально-культурная семантика слова, описан его лексический фон, т. е. дано словарное отражение комплекса сведений, сопряженных с этим словом (и обозначаемым им предметом или явлением) в массовом обыденном сознании носителей языка и, как правило, не известных за пределами данной культуры» (Тополева, 2005, 99). Кроме того, в словаре могут быть представлены различные способы перевода, наиболее полно раскрывающие семантику иноязычной лексической единицы. Таким образом, лингвострановедческий словарь необходим не только студентам, преподавателям, журналистам, переводчикам, но и широкому кругу читателей, всем тем, кто интересуется языком и культурой описываемой страны, стремится расширить кругозор и углубить знания. Хотелось бы выразить надежду, что в недалеком будущем появится лингвострановедческий словарь по Финляндии.

Список литературы

Рум А. Р. У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000. 558 с.

Томахин Г. Д. США: Лингвострановедческий словарь. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. 576 с.

Ощепкова В. В., Шустилова И. И. Краткий англо-русский лингвострановедческий словарь: Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2000. 172 с.

Американа = Americana: Англ.-рус. лингвострановед. слов. / В. Н. Беляков и др.; Под ред. Г. В. Чернова. Смоленск: Полиграмма, 1997. 1185 с.

Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык = Landeskunde durch die Sprache: Лингвострановед. слов. / Под ред. А. Ю. Васильева, Е. А. Гришина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. слово; Астрель; АСТ, 2001. 415 с.

Муравлева Н. В. Австрия: Лингвострановед. слов. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М.: Метатекст, 1997. 414 с.

Ульциферов О. Г. Индия: Лингвострановедческий словарь. М.: Рус. яз.; Медиа, 2003. 632 с.

Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. / В. И. Борисенко и др.; Под общ. ред. Ю. Е. Прохорова; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 725 с.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. школа, 1986. 416 с.

Томахин Г. Д. Реалии в языке и культуре // ИЯШ. 1997. № 3.

Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. 2-е изд., перераб. М.: КДУ, 2004. 235 с.

Сидорова Е. В. Описание реалий финской национальной кухни в лингвострановедческом аспекте: Дипломная работа / КГПУ. Петрозаводск, 2009. 88 с.

Австралия и Новая Зеландия: Лингвострановедческий словарь / Под ред. В. В. Ощепковой, А. С. Петриковской. М.: Рус. яз., 1998. 213 с.

Тополева О. В. Комплекс упражнений, направленных на формирование лингвострановедческой компетенции студентов // Языковое образование в вузе: Метод. пособие для преподавателей высшей школы, аспирантов и студентов. СПб.: КАРО, 2005. С. 88–101.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ПЕРЕВОДА

Современные процессы глобализации и международной интеграции оказали значительное влияние на роль и место межъязыкового перевода в жизни мирового сообщества. В России в результате политических и социально-экономических изменений возникли совершенно новые условия для переводческой деятельности. Изменился социальный заказ на профессию переводчика, она стала более массовой, и вместе с тем неизмеримо выросли требования к профессиональной компетенции переводчика. Усилилась и углубилась специализация в сфере перевода, выделились отдельные, достаточно самостоятельные переводческие профессии.

Крупнейшая и наиболее авторитетная международная переводческая ассоциация – Международная федерация перевода (ФИТ) – выделяет 9 переводческих профессий: научные или технические переводчики; переводчики для СМИ; терминологи; синхронные переводчики, переводчики конференций (или специалисты в устном последовательном и двустороннем переводе); коммунальные переводчики; судебные переводчики; сурдопереводчики; теоретики перевода (или «переводоведы»); преподаватели перевода. Президент Союза переводчиков России Л. О. Гуревич в своей статье «В мире переводческих профессий», исходя из трех основных видов переводческой деятельности – письменной, устной и ее теоретического и прикладного обеспечения, выделяет 16 профессиональных групп переводчиков. Какой бы из классифика-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Перевод с финского на русский язык и с русского на финский язык в поликультурном мире» (проект № 09-04-95203а/Ф).

ций ни придерживались ученые, ясно, что каждая из предлагаемых ими специализаций заслуживает серьезных научных исследований – переводоведческих, лингвистических, культурологических, психологических, педагогических.

Государственный стандарт высшего профессионального образования 2000 г. (далее ГОС ВПО) предусматривает в рамках направления подготовки дипломированного специалиста 620100 «Лингвистика и межкультурная коммуникация» три специальности: 022600 – Теория и методика преподавания иностранных языков и культур; 023000 – Теория и практика межкультурной коммуникации; 022900 – Перевод и переводоведение².

Никакой дробной специализации ГОС ВПО не содержит, игнорируя, таким образом, новые потребности общества. Необходимо добавить, что проект нового ГОС ВПО также не учитывает сложившегося к настоящему моменту многообразия переводческих профессий.

Таким образом, наблюдается явный разрыв между социальным заказом общества и практикой подготовки переводчиков более узкой специализации (вернее – полным ее отсутствием).

Подготовка переводчиков на факультете ПФФик ПетрГУ имеет достаточно широкий спектр, предполагая задействованность будущих специалистов во многих сферах переводческой деятельности. Однако наиболее актуальной в настоящий момент представляется подготовка переводчиков СМИ, т. к. по своей специфике данная отрасль требует достаточной широты и развитости переводческих умений и навыков во всех видах перевода – и в письменном, и в устном.

---

² В 2001 г. Советом УМО по лингвистическому образованию были установлены две специализации: «Устный и письменный перевод» (предусматривает подготовку переводчика широкого профиля) и «Переводоведение» (предусматривает подготовку выпускника к научно-исследовательской и преподавательской деятельности).

Проблема перевода текстов СМИ как никогда актуальна именно сегодня, когда средства массовой информации оказывают такое огромное влияние на жизнь общества, на сознание и представления людей, а также на национальные языки и культуры, когда так много зависит от оперативности и адекватности передачи информации. Причем в свете переводческих задач под «текстами СМИ» – в самом широком толковании этого понятия – следует понимать не только газетно-журнальные тексты (т. е. произведения представителей так называемой «пишущей прессы»), но и разнообразные звучащие материалы: радио- и телерепортажи, интервью, различные программы, ток-шоу, фильмы и т. п. – то, что иногда называют «электронной прессой». Понятие «электронной прессы» в последние годы расширилось (или же приобрело дополнительный смысл), включив и Интернет, где представлены если не все, то многие ведущие новостные агентства мира.

Среди жанрово-тематического многообразия текстов СМИ легко выделяются типы текстов, характерные как для «пишущей», так и для «электронной прессы».

К ним можно отнести:

- новостные материалы (хроника событий);
- комментарии;
- аналитические обзоры на разные темы (политика, экономика, общественная жизнь, социальные проблемы, нравственность, культура, наука и т. п.);
- интервью;
- спортивные новости/репортажи;
- рекламные материалы и т. п.

Понятно, что своими особыми жанрами обладают и радио, и телевидение, особенно последнее, где наличие зрительного ряда невероятно расширяет возможности передачи информации и воз-

воздействия на аудиторию. Помимо общих для всех СМИ (но совершенно особо преломляющихся и воплощающихся) жанровых типов телевидение обладает такими жанрами, как фильм (документальный и игровой), ток-шоу (в записи и в прямой трансляции), теледебаты, прямая трансляция с места события и т. п.

В свете проблемы перевода (и преподавания перевода) верное определение жанровой принадлежности того или иного текста имеет существенное практическое значение, поскольку от жанровой принадлежности зависят коммуникативная направленность текста и его языковые/стилевые особенности. Адекватный перевод любого текста СМИ (как в узком, так и в самом широком толковании этого понятия) подразумевает верную передачу средствами другого языка не только фактического и сугубо информативного содержания текста, но и его коммуникативной/функциональной направленности.

Помимо особенностей, характерных для языка каждого жанра текстов СМИ и отличающих, например, текст аналитической статьи от текста политического комментария или спортивных новостей, можно очертить круг особенностей, свойственных языку СМИ в целом. Поскольку эти особенности во многом и определяют специфику перевода в сфере массовой коммуникации, переводчик должен иметь о них представление еще до того, как он приступает к собственно переводу. Поэтому представляется целесообразным включение в программу обучения переводчиков курса «Язык СМИ».

Одной из важных особенностей текстов СМИ практически всех жанров является сочетание в них элементов сообщения и воздействия. Хотя главной функцией массовой коммуникации принято считать передачу информации, эта передача довольно редко бывает полностью нейтральной, т. е. абсолютно свободной от эле-

ментов воздействия на аудиторию. В большинстве случаев передача информации сопровождается прямым или завуалированным выражением оценки, языковыми средствами и речевыми приемами, побуждающими аудиторию к определенной реакции на передаваемую информацию, средствами привлечения внимания к информации или к точке зрения, выражаемой в сообщении.

Разные жанры текстов СМИ характеризуются разным соотношением и воплощением элементов сообщения и воздействия, разным удельным весом собственно информации и экспрессивных средств. По-настоящему профессиональный переводчик должен не просто осознавать это соотношение в каждом переводимом им тексте, но и уметь адекватно передать его в переводе, поэтому на практических занятиях, посвященных переводу текстов СМИ, абсолютно необходимы упражнения, посвященные развитию навыков распознавания жанров текстов, стилистике и эстетике языка перевода (об этом см.: Галь Н. Слово живое и мертвое; Будагов Р. Как мы говорим и пишем).

Среди собственно языковых и стилевых особенностей языка СМИ, совокупность которых отличает его от языка других функциональных стилей, можно назвать:

– высокую степень стандартизации используемых средств: большой процент устойчивых и клишированных выражений, различные журналистские штампы, лексикализованные метафоры, стандартные термины и названия (эта особенность прежде всего характерна для новостных материалов и отражает стремление их авторов создать впечатление абсолютной объективности и беспристрастности);

– экспрессивность языка как способ привлечения внимания читателя, выражения отношения к передаваемой информации, расстановки оценочных акцентов (среди экспрессивных, обла-

дающих особыми коннотациями выражений, можно также встретить речевые клише и штампы); наличие оценочных эпитетов; прямых обращений к читателю (эти особенности чаще всего характеризуют авторские, подписные материалы);

– насыщенность самыми разнообразными реалиями (общественной, политической и культурной жизни), аллюзиями (к литературе, истории, кино) и цитатами (реалии характерны как для «анонимных», в том числе новостных материалов, так и для авторских, аллюзии и особенно цитаты – прежде всего для авторской журналистики);

– использование разговорной, сниженной, сленговой и ненормативной лексики [последняя более характерна для письменных текстов российских СМИ и используется с целью выражения определенного отношения, например иронического; создания определенного образа и стилистического (например, юмористического) эффекта, а в так называемой «бульварной прессе» – еще и для эпатажа аудитории и / или привлечения определенной категории читателей];

– широкое использование образной фразеологии и идиоматической лексики (как литературной, так и разговорной, просторечной), в том числе «деформированных» идиом, игры слов, каламбуров, пословиц и поговорок (часто также в «деформированном» виде);

– широкое использование иных стилистических средств, приемов и фигур речи – таких как гиперболы, литота, образные сравнения, метафора, метонимия, паронимическая аттракция, иносказания, эвфемизмы и др. (чаще характеризует авторские материалы, комментарии, статьи и заметки на различные темы).

Особая черта письменных текстов СМИ (и особая переводческая проблема) – *газетные и журнальные заголовки, построен-*

ные на игре слов, на каламбурах, цитатах, аллюзиях и деформированных идиомах.

Список таких примеров можно было бы продолжать до бесконечности, но приведенных иллюстраций вполне достаточно, чтобы понять: с точки зрения переводчика все эти особенности текстов СМИ представляют собой проблемы, требующие профессионального решения.

Несмотря на традиционно существующее деление переводчиков на письменных и устных, всегда были и, видимо, будут переводчики, успешно совмещающие или чередующие обе эти специализации.

Поскольку тексты массовой коммуникации существуют как в письменной, так и в звучащей форме, перевод в сфере СМИ также присутствует в обеих своих основных разновидностях.

Для наиболее эффективного обучения студентов, которым по окончании вуза предполагается присвоение квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», целесообразно развитие речевых навыков и умений – иначе говоря, профессиональных компетенций, необходимых будущим переводчикам в их профессиональной деятельности.

Наиболее полно и убедительно, на наш взгляд, составляющие профессиональной компетенции переводчика представлены в работах В. Н. Комиссарова. Концепция переводческой компетенции, разработанная В. Н. Комиссаровым, носит комплексный характер и базируется на понимании перевода как «сложного и многогранного вида умственной деятельности, которая может преследовать разные цели, осуществляться в разных условиях, различными способами и под воздействием многих факторов». В. Н. Комиссаров подчеркивает, что овладение переводческой компетенцией означает «не усвоение каких-то норм, правил или рецептов,

которые переводчик мог бы автоматически применять во всех случаях», а владение «принципами, методами и приемами перевода и умением их выбирать и применять по-разному в конкретных условиях, к разным текстам и для разных целей».

В. Н. Комиссаров выделяет следующие компоненты профессиональной переводческой компетенции: языковую, коммуникативную, текстообразующую, техническую, а также некоторые обязательные личностные характеристики. Интересно, что соотношение языковой и коммуникативной компетенций В. Н. Комиссаровым рассматривается на одном уровне, в то же время существует мнение о том, что «коммуникативную компетенцию следует трактовать как явление более общего характера, более высокого порядка, которое включает речевую, языковую и т. д. компетенции».

Кроме того, хотя В. Н. Комиссаров и отводит важную роль в коммуникации фоновым знаниям, социокультурная компетенция не выделяется им как составляющая профессиональной компетенции переводчика. Представляется также, что с учетом реалий современного общества данную концепцию профессиональной компетенции переводчика следует дополнить информационно-технологической составляющей.

Отечественные теоретики перевода внесли большой вклад в разработку понятий «полноценного перевода» (А. В. Фёдоров и Я. И. Рецкер), «адекватного перевода» (Р. К. Миньяр-Белоручев, А. Д. Швейцер) и теории уровней эквивалентности (В. Н. Комиссаров).

Основой методических разработок может стать понятие репрезентативности перевода, введенное В. Н. Комиссаровым, не получившее дальнейшего развития в его работах, но легшее в основу теории, разрабатываемой на кафедре лексикографии и теории

перевода факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова.

Репрезентативность понимается как способность перевода представлять, замещать собой оригинал в языке и культуре перевода; при этом выделяются критерии репрезентативности любого перевода безотносительно к его функционально-стилистической принадлежности и критерии, определяющие репрезентативность перевода текстов определенного функционального стиля.

Минимальный набор требований к переводу на уровне текста включает следующие параметры:

1) перевод должен верно передавать заключенную в оригинале информацию;

2) перевод должен верно отражать цель создания оригинала, т. е. сохранять его прагматику;

3) перевод должен воспроизводить тон и стиль оригинала и точно указывать на его принадлежность к тому или иному функциональному стилю;

4) перевод должен точно доносить до реципиента авторское отношение к предмету речи, переводчик не имеет права изменять внутритекстовую оценку плана содержания.

Естественно, что навыки и умения развиваются в процессе тренировки, в ходе выполнения упражнений. Так же, как в обучении иностранному языку, в обучении переводу важнейшую роль, на наш взгляд, играет *поэтичность* в выполнении тех или иных заданий. Так же, как выполнение творческих заданий в процессе обучения иноязычной устной и письменной речи, обучение переводу желательно начинать с упражнений и через усвоение определенных навыков на уровне лексической, синтаксической единицы двигаться к упражнениям на уровне текста.

Кроме того, необходимо на занятиях по переводу обращаться к ранее полученным навыкам чтения. Часто говорится о «буквализме» или излишней «вольности» при переводе как о проблеме, возникающей у некоторых переводчиков. В методике обучения иностранному языку выделяются следующие виды чтения: просмотровое (ознакомительное), изучающее и поисковое – чтение с различным уровнем понимания текста. И «буквализм», и «вольность» говорят о неразвитости умений осуществлять один из видов чтения. Добиться того, чтобы учащиеся осваивали все три уровня понимания текста, можно, если работа ведется поэтапно.

При обучении переводу необходимо максимально использовать возможности самого учебного текста, решая предварительно, какие уровни понимания он помогает сформировать, какие навыки можно развить с его помощью?

Резюмируя сказанное выше, можно вывести некоторые положения, которые могут лечь в основу как построения методических рекомендаций, упражнений для будущих переводчиков, так и служить памяткой переводчику, уже имеющему профессиональный опыт.

Переводчик должен:

- вникать в смысловое содержание, структуру и коммуникативную задачу текста;
- определять главные мысли, акценты, отношения;
- выявлять связи текста с внетекстовыми явлениями, с реальной действительностью;
- учитывать широкий контекст, в том числе и экстралингвистический;
- определять и учитывать стиль/регистр речи, целевую аудиторию (читателей/слушателей);
- исходить из характера ситуации, в которой родился текст, из намерения пишущего/говорящего;

- учитывать коннотации и возможность отхода от словарных значений слов в исходном тексте;
- привлекать (и постоянно расширять и углублять) свои фоновые знания;
- использовать словари, справочники, консультации экспертов;
- проверять все неизвестные ему имена собственные, топонимы и т. п., упоминающиеся в исходном тексте;
- исходить из логики высказывания и всего текста в целом.

Переводчик не должен:

- судить о смысле слова в исходном тексте по его основному значению (или тому единственному значению, что ему известно) либо по первому значению, выделенному в словаре;
- безоговорочно доверять двуязычным словарям, особенно при переводе на иностранный язык (в этом случае необходимо проверять значения слов по надежным толковым словарям данного языка);
- оставлять непроверенными «сомнительные» случаи и смысловые «неувязки»;
- переводить буквально выражения и словосочетания, если их буквальный перевод звучит непонятно, неуклюже или вне связи с контекстом исходного материала (такие выражения могут оказаться неизвестными переводчику устойчивыми, идиоматическими единицами).

Несмотря на то что о переводе как о виде деятельности и переводах различных произведений, текстов, высказываний сказано и написано много, есть богатый теоретический и аналитический материал, процесс обучения переводу все же представляет определенную трудность для преподавателя и студента. В этой связи кажется целесообразным создание некоторых методических реко-

мендаций, представляющих логику процесса обучения переводу и содержащих необходимый минимум упражнений, направленных на успешное развитие профессиональных навыков переводчика.

Список литературы

Гуревич Л. О. В мире переводческих профессий // Мир перевода. 1994. № 4.

Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М., 2002.

Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком. М., 1994.

Сафонова В. В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж, 1996.

Сафонова В. В. Коммуникативная компетенция: современные подходы к многоуровневому описанию в методических целях. М., 2004.

Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. М.: Просвещение, 2002.

Тюленев С. В. Теория перевода. М., 2004.

Шитов Б. А. Подготовка переводчиков в системе современного российского высшего профессионального образования // Перевод: традиции и современные технологии. М., 2002.

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки дипломированного специалиста 620100 – Лингвистика и межкультурная коммуникация / Министерство образования Российской Федерации. М., 2000.

Научное издание

Бубриховские чтения

Сборник научных статей

Редактор *О. В. Обарчук*
Компьютерная верстка *Т. Г. Рожиной*

Подписано в печать 03.12.09. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 150 экз. Изд. № 254.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ISBN 978-5-8021-1094-2

9 785802 110942

